

Дмитрий Емец Карта Хаоса

Мефодий Буслаев – 11

Дмитрий Емец Карта Хаоса

Чтобы эффективно сражаться с Тартаром, неплохо понять его логику и тактику. Предположим, что я мрак и что существует громадный, опасный для меня алмаз-артефакт, который я не могу уничтожить, так как он вечен, прекрасен, ослепителен и я не могу даже прикоснуться к нему. Он сильнее меня. Он жжет. Самим фактом своего существования он причиняет мне дикую боль.

Если я не могу его уничтожить или сдвинуть с места, я буду пытаться его спрятать от людей. Как можно его спрятать?

1. Сотворить сотни других алмазов, подобных истинному, но из стекла и разбросать вокруг. Сделать эти «алмазы» ярче и привлекательнее истинного. Человек будет хватать фальшивку, пораженный блеском ее граней. Понимать рано или поздно, что это стекло, разбивать и хватать следующую фальшивку, которая вновь окажется стеклом. Рано или поздно человек разочаруется во всех алмазах и отвернется даже от истинного.

2. Издали закидать истинный алмаз грязью или птичьим пометом лжи.

3. Вообще попытаться сделать алмаз непопулярным камнем. Упорно и систематично утверждать, что самый истинный и дорогой камень, допустим, кварц. Вводить моду на кварц, изготавливать из него украшения и т.д. Одновременно в книгах, рекламе, анекдотах, на телевидении не слишком назойливо, но часто повторять, что нет ничего пошлее, глупее, ненужнее и смешнее алмаза. В кинофильмах делать алмаз непременным атрибутом болтливых и глупых теток, и, напротив, все молодое, сильное, достойное подражания связывать с образом кварца.

4. Внедрять сугубо прагматический подход. Повторять, что алмаз де нужен исключительно для резки стекла. Внушать человеку желание (я-то прикоснуться не могу), расколоть алмаз и использовать его составные части в быту. Как сверла, стеклорезы и т.д.

Если проводить эту линию достаточно последовательно, через несколько десятилетий можно добиться того, что люди вообще перестанут искать алмаз и окажутся в полной власти мрака.

«Лисьи фокусы», т. XXXI

Глава 1 Укус хмыря

– До чего же надоели эти сложненькие и несчастненькие! Тумана напустят, сидят и квакают! Простого хочу, нормального, честного, чтобы детей любил! – сказала княжна Мэри, со щелчком вставляя в АКМ новый магазин.

Печорин побледнел.

Предположительно М. Лермонтов

Снег местами еще лежал, сбившись в грязные глыбы, а жирная от влаги земля уже робко проклевывалась свежей травой. Наглые одуванчики высунули желтые головы и, точно разведчики, цепко и зорко оглядывали местность, соображая, в какую сторону запускать, когда придет время, белый свой десант. Молодой московский апрель вступил уже в права наследства и теперь решительно освобождался от ненужного ему барахла, оставшегося от скончавшегося дяди-марта – глубоких луж и островков грязного льда.

За окном, квелый и кашляющий, точно гриппующий поэт, бродил болезненный московский пейзаж и стучался в стекло где ранней мухой, где смешанным с дождем ветром, где тонкой березовой веткой.

Неизвестно откуда появились первые шмели. Тяжелые и слабые, в воздух они поднимались с трудом и перемещались короткими перелетами. Многие и взлететь не могли. Сидели на влажной земле, шевелили крыльями и робко грелись в лучах холодного солнца.

Ирка сидела в «Приюте валькирий» и подбрасывала дрова в печку-буржуйку. В трубе буржуйки угадывалась обычная водосточная, которую Багров приволок невесть откуда. Делая изгиб, она выглядывала в форточку, прикрытая от поддувания жестяной нахлопкой.

Из дальнего угла буржуйки выползал вонючий дымок, так как дрова были сыроваты. Из своего закутка появился Антигон с большой жестяной кружкой. Быстро взглянул на Ирку и передал кружку Багрову.

– Я просил чай в девяносто два градуса, а тут восемьдесят девять! Никакой заботы о болящем! – сказал Матвей, кашляя.

Антигон что-то пробурчал и принялся вырывать кружку, однако Багров не отдал.

– Нет уж! Буду пить ледяной! А тебя пусть совесть мучает, – сказал Матвей и, отхлебнув, принялся пальцами снимать что-то с языка. – Что это за валуны? Они шкрябают мое нежное горло!

Бакенбарды Антигона задрожали от негодования.

– Это семена малины!

– Хочешь сказать, что чай еще и с малиной? Нет, Антигон, ты точно отравитель! Но так и быть: если я умру, я тебя прощаю!

Матвей лежал на кровати, укрытый колючим красным одеялом. Если приглядеться, на одеяле можно было обнаружить смазанный штамп «горбольница психиатрическое отделение», откуда оно, собственно, и пропало. Одеяло было подарено Ирке на новый год любившей такие шуточки Бэтлой, но как-то очень скоро перешло к Багрову.

В «Приют валькирий» Матвей перебрался еще осенью, сразу от Эссиорха и Корнелия. Ирка не пустила его в холодный лодочный сарай. Зимой Багров пришел было в себя, но в марте загрипповала Ирка, а теперь вот и он.

– Вначале напустили дыма, потом дали холодный чай с кирпичами. Интересно, что будет завтра? Наденут на ноги сплошные дырки и скажут, что это шерстяные носки? –

продолжал ворчать Багров.

– Ты ужасно противный больной! Я грипповала в сто раз терпеливее! – заявила Ирка.
Багров недоверчиво хмыкнул.

– А кто просил два часа дуть себе на лоб, якобы потому, что он горячий? Где ты вычитала такой способ борьбы с температурой? – поинтересовался он.

Ирка смутилась.

– В какой-то книге, – быстро сказала она.

Багров склонил голову набок.

– Не верю!

– Во что не веришь?

– В существование такой книги. Полные выходные данные, пожалуйста! Автор, название, издательство, год издания?

– А в рот тебе не плюнуть жеваной морковкой? – брякнула Ирка.

– Фи! Какие странные фантазии! А еще одеяло мне передарила! – сказал Багров и, забыв про якобы раздражавшие ему горло семена малины, стал с удовольствием пить чай.

Лишь минуту спустя он опомнился и укорил Антигона, что чай уже семидесяти градусов. Того и гляди – покроется льдом.

– Не ворчи!

– Ты же первая всегда ворчишь! – сказал Багров.

– Ну и что? Я не мужчина, мне можно. И вообще, если я как следует не поворчу, как ты догадаешься, что ты передо мной кругом виноват? – проговорила Ирка.

Она была счастлива. А когда некоторые люди счастливы, они теряют ощущение реальности. Состояние легкого несчастья для создания рабочего настроения куда как полезнее.

Багров перевернул пустую кружку, поставил ее себе на лицо, закрыв рот и нос, и принялся стонать в нее. Звук получался кошмарный. Матвей был очень доволен.

– И где я только нашла этого дурака? – пробормотала под нос Ирка. Всмотрелась в Багрова и задумчиво добавила: – И, действительно, где мы с тобой познакомились?

– Не помню, – простонал в кружку Матвей.

Ирка недоверчиво сдвинула брови.

– Не помнишь?

– Я запомнил лишь твои глаза в этот миг, – сказал Багров по-прежнему в кружку и непонятно было, говорит он правду или лукавит.

«Я помню лишь твои глаза в этот миг! Как же, как же! Самый удачный способ отвечать девушке, почему ты забыл дату первой встречи и всякого такого прочего», – подумала Ирка и на этом остановилась.

Конец мысли, жуткий ее блестящий хвост, она предпочла оставить в темной и пыльной его норе. Валькирия не может быть счастлива в любви, в той эгоистичной ее части, которая только для себя, или перестанет быть валькирией. Чего уж тут непонятного? Копье валькирии – копье правды и возмездия – не может стоять в кладовке, пока его хозяйка будет праздновать трехнедельный юбилей сорванной вместе ромашки.

Дрова в буржуйке наконец высохли и разгорелись. Тянуть гарью перестало. Ирка представила, как выглядит их домик снаружи. Подвешенный между деревьями вагончик, подняться в который можно только по веревке, с торчащей из окна дымящейся трубой.

Минувшая зима выдалась спокойной, без крупных стычек с мраком. Копье слушалось нормально, хотя всякий раз, вызывая его, Ирка испытывала тревогу. Все-таки совесть ее была не совсем чиста.

Прочие валькирии навещали ее нечасто. Несколько раз заглядывала Бэтла, притаскивающая всякий раз по рюкзаку еды. Вспомнив, что Бэтла валькирия сонного копья, Ирка решила с ней посоветоваться. Незадолго до того ей дважды приснился навязчивый сон, будто она свалилась с лодки в озеро и, чтобы не утонуть самой, выпустила из рук сразу опустившиеся на дно шлем и копье. Потом, выбившись из сил, она спит где-то на песке, а

множество мелких паучков ползали по ней и обматывали липкой паутиной.

– Снам не верь! Дохлое занятие! – сказала Бэтла, с хрустом откусывая яблоко.

– А разве свет не посылает снов? – спросила Ирка.

– Чудовищно редко. Чаще это делают другие, – ответила Бэтла. Учитывая, что рот у нее был набит, слово «другие» вышло как «жругие».

– А если сны сбываются?

– Тем более если сбываются. Представь, ты хочешь, чтобы некий человек упал в яму. Вначале ты подкладываешь ему под ноги твердые доски, а когда он утратит бдительность и станет наступать куда попало, доверяя тебе, подложишь гнилую.

Гелата заглядывала раза три. Как всегда она куда-то мчалась, спеша за день побывать в десяти местах, и у Ирки сидела совсем недолго. Едва успевала пожаловаться на своего оруженосца, в очередной раз чего-то учудившего, и рассказать одну-две новости, касающиеся остальных валькирий. Ирка давно уже усвоила, что среди воительниц света Гелата являлась своеобразной нитью, соединявшей бусины отдельных судеб в единое целое.

– Будут приставать, что два паж для валькирии-одиночки слишком жирно, ты скажи, что Багров – паж Антигона, – заявила как-то Гелата, воззрившись на Матвея.

– Как это?

– А так. Историю учила? Вассал моего вассала не мой вассал. Вот и паж моего пажа не мой паж! Чуть что – сразу учебник истории под нос!

– Все-таки не говори никому, – забеспокоилась Ирка.

– Конечно, не скажу! – пообещала Гелата. – Что я, трепло? С этими оруженосцами вечно все через пень колоду! Вообрази: мой-то широкомордый стал примерять мои темные очки и – хруп! – выгнул дужки в стороны! Сколько они стоят он представляет? Ну, скажи, сразу нельзя было сообразить, что его рыха не пролезает?..

– Гыг!

Лицо ее оруженосца, который при этом разговоре торчал здесь же, рядом, расплылось от удовольствия и стало шире почтового ящика. Вздумай кто-то сейчас надеть на него очки, любая оправа не просто погнулась бы, но и разлетелась на куски.

– А ну не улыбайся! Ты! У тебя нет чувства юмора! – напомнила Гелата.

– И хорошо, что нет! – успокоил ее, а заодно и оруженосца, Багров.

– Чего тут хорошего?

– Если бы чувство юмора было у всех, мир превратился бы в сплошную клоунату.

Видимо, Гелата все-таки не удержала язык на предназначенном ему аэродроме за зубами, потому что уже на следующий день к Ирке явилась Таамаг, суровая как царица амазонок. После Питера она относилась к одиночке значительно лучше, что, однако, не распространялось на Багрова.

Поймав его за свитер, она подтянула Матвея к себе и, сопя ему в брови (Таамаг была на полголовы выше), предупредила:

– Заруби себе на носу, некромаг! Если из-за тебя с ней случится какая-нибудь беда, я сверну тебе шею!

– Если с ней случится какая-нибудь беда, я сам сверну себе шею, – пообещал Матвей.

Таамаг отпустила его свитер, ухмыльнулась и щелчком пальцев сбила с плеча Багрова соринку.

– На том и сговорились! Только учти: слов назад не берем! – сказала она.

Сегодняшний обед состоял из двух банок кильки в томате, которые вдобавок пришлось открывать Ирке. Багров и Антигон хорошо готовили по отдельности, но, проживая вместе, изредка устраивали друг другу демонстрации, что приводило к невеселым результатам. Две хозяйки на одной кухне – это верный обед в столовой.

Пообедав, Матвей встал, довольно потянулся и... тут это произошло. Внезапно Багров судорожно вдохнул воздух, схватился за горло и, сделавшись фиолетовым, завалился вперед. Скорчившись, он лежал на полу, подтянув к груди колени. Спина его содрогалась.

– Дышать... не... могу, – выкашливал он с усилием.

Ирка перевернула его на бок. Матвей был уже не фиолетовым, а сизым. Это было жуткое зрелище. Багровеющий багровый Багров багровело багровел багрянцем.

– Что с тобой? – крикнула Ирка.

– Ды... шшшш... а-а...

Перевернувшись на спину, Матвей судорожно дернулся, выгнулся и застыл. Глаза его остекленели.

Ирка растерялась. Метнулась в один конец комнаты, в другой. Как поступить и как помочь ему она не знала. Опыт человеческий, а не опыт валькирий подсказывал ей, что в таких случаях делают искусственное дыхание.

Ирка опустила на колени, рывком, чтобы лучше видеть, где сердце, разорвала на Багрове майку. Прильнула к груди ухом. Сердце не билось. Медлить было нельзя.

Раз за разом Ирка основанием ладоней давила Матвею на грудную клетку и вдыхала в Багрова воздух, пока внезапно не ощутила, что его губы ведут себя довольно странно и даже улыбаются. Ирка резко отстранилась. Вскочила. Матвей спешно попытался притвориться, но выдал себя неискренним стоном. Поняв, что разоблачен, Багров преспокойно сел и озабоченно стал разглядывать майку.

– И зачем было рвать? Знаешь, сколько сейчас стоит приличная майка? – спросил он с негодованием и тотчас с улыбкой добавил: – Я вот, например, понятия не имею.

Ирке все еще не понимала. Матвей больше не был ни фиолетовым, ни сизым. Выглядел вполне себе живым и умирать в ближайшее время не собирался.

– У ТЕБЯ НЕ БИЛОСЬ СЕРДЦЕ! – крикнула Ирка.

Багров смущенно улыбнулся. Валькирия-одиночка ощутила себя полной дурой. Никто не умеет притворяться лучше некромага.

– Вообще-то я своего добился. Ты меня поцеловала, – сказал он.

Ирка накинулась на него с кулаками. Бить некромага – делодохлое, причем в самом прямом из смыслов, хотя один удар все равно прошел. Багров озабоченно потрогал скулу.

– Какая-то ты сегодня сердитая! Не иначе как Марс не в том доме. Биоэнергия прет пучками в разломы земной коры и завивается в колечки! Геомагнитное излучение в геопатогенной зоне! – сказал он, пародируя тех блеющих дурачков-астрологов, нетрадиционных целителей и иже с ними, что вечно паслись на Большой Дмитровке в надежде на продление аренды.

– Никто тебя не целовал! Я делала тебе искусственное дыхание!

Багров ухмыльнулся и облизал губы.

– Буду теперь знать, как это называется!

– В следующий раз, когда ты притворишься, я сперва проткну тебя копьем для верности, а потом уже начну приводить в чувство, – сказала Ирка.

Она повернулась, распахнула люк.

– Ты куда? – крикнул Матвей.

Ирка уже выскочила из приюта.

* * *

Девушки – существа странные. В большинстве случаев они обижаются только тогда, когда повода нет или он незначителен. Когда же повод есть, обиды обычно хватает ненадолго. Лишь до тех пор, пока это необходимо, чтобы хлопнуть дверью или произнести «пхе!» с должной степенью негодования.

Вот и Ирка, пробежав по лесу метров четыреста, остановилась. Она стояла, прижавшись лбом к березе, тяжело дышала и одновременно совершенно ясно понимала, что злится на Матвея совсем не так сильно, как ей хотелось бы.

Более того. Она совсем на него не злится и даже рада, что все так получилось. Эта ясная мысль так напугала Ирку, что она пролетела еще метров двести, после чего перешла на широкий шаг.

Сзади кто-то захохотал. Оглянувшись, Ирка увидела уныло ковылявшего за ней Антигона. Запыхавшийся кикимор шел, раскачиваясь и держась за поясницу, как старый радикулитчик.

– Не так быстро, гадская хозяйка! Имейте совесть! Если вы хотите убить Антигона – то вам это почти удалось, потому что я все равно пойду за вами, – сказал он.

Ирке захотелось закричать на кикимора, чтобы хоть на ком-то сорваться, но она подумала, что кричать на невиноватых – слишком распространенный признак слабости. Если и кричать на кого-то – то лучше всего на Багрова, а еще лучше – на саму себя.

Антигон подошел и остановился.

– И куда вы сейчас пойдете? – спросил он.

– К Эссиорху, – ответила Ирка, испытывая потребность поговорить с кем-то вменяемым. Не о Багрове, это слишком личное, а вообще.

За зиму они сильно сблизились. В Эссиорхе было что-то успокаивающее, внятно-последовательное. Такими бывают те, кто не только ищет, но и нашел себя. Ирка с ее вечными метаниями очень это ценила.

* * *

К Эссиорху валькирия-одиночка собиралась добраться наземным транспортом, хитро перескочив с одной маршрутки на другую. Способ был проверенный и немало раз испытанный, однако планы на то и планы, чтобы нарушаться. Не взглянув на номер маршрутки, Ирка случайно села совсем на другую, та куда-то свернула и промчалась по длинной пустынной улице, где каменные заросли домов наблюдались только с одной стороны. С другой же тянулся грязненький весенний парк с темными мокрыми деревьями и гаражи. Пока Ирка опомнилась и крикнула, чтобы остановили, она была уже невесть где.

– Заранее надо предупреждать!

Водитель недовольно тормознул, высадив Ирку и привычно маскирующегося под младенца Антигона рядом с пустырем.

– Когда я предупреждаю заранее, мне обычно говорят, что остановиться нельзя, потому что перекресток, – задумчиво произнесла Ирка вслед выхлопному облачку отъезжающей маршрутки.

– И что теперь будем делать, жуткая хозяйка? – поинтересовался Антигон. – Телепортируем, а?

– Пешком, – упрямо сказала Ирка.

Не так давно Фулона ввела не до конца понятный запрет на телепортацию, ограничив ее только крайними случаями, и Ирка пока слушалась. Антигон уныло вздохнул. Его короткие кривые ноги плохо были предназначены для ходьбы.

Прикинув, как можно срезать, чтобы поскорее вернуться к месту, где подхватила их коварная маршрутка, они пошли через пустырь. Дальше обнаружилась узкая, в одну полосу улочка, не имевшая названия.

Ирка и Антигон остановились и начали вертеть головами.

– Неправильная маршрутка привезла нас на неправильную улицу, – пожаловалась Ирка.

Ей вспомнилось, как однажды она и еще человека три, помогая старенькой японке (полтора метра улыбочивости, увенчанные бейсболкой), пытались вспомнить, где в Москве находится улица Каровиваля, пока через полчаса не обнаружилось, что в виду имеется Коровий вал.

– Зато здесь отличные лужи! – возразил Антигон и радостно зашлепал, зачерпывая грязь ластами. Настроение у него улучшалось по мере того, как лужа становилась глубже.

Ирке пришлось делать то же самое, только уже ботинками. Вскоре улочка без названия перешла в улочку с названием, которое ровным счетом ничего не сказало Ирке. Она даже не знала, что в Москве такая есть.

– Дом десять корпус восемь! Ты когда-нибудь встречал корпус восемь? – спросила она

у Антигона.

– Я даже дома десять никогда не встречал! Я умею считать только от миллиарда и выше! – отрезал кикимор, предпочитавший не заморачиваться точными величинами.

Надеясь выбраться из этих дебрей, они взяли по диагонали и снова ошиблись. Следующий выпрыгнувший им навстречу дом имел уже номер семьдесят шесть и ровным счетом никакого корпуса. Ирка озадачилась.

– Тут уже другая улица! – предположил Антигон.

– Нет тут никакой улицы! – огрызнулась Ирка. – У меня вообще такое ощущение, что Москву построили кому-то назло!

– Кому назло? – не понял Антигон.

– Мне!

С Иркой часто так бывало: скажет глупость – и тотчас бывает наказана. Вот и сейчас она проходила мимо стока для дождевой воды. Решетка была продавлена колесом неудачно проехавшего грузовика. Ирка, имевшая звездочетскую привычку не смотреть под ноги, наступила на пустоту. Падение длилось всего одно мгновение, а ступни уже встретили дно. Яма оказалась глубиной примерно по пояс.

Не успела Ирка обрадоваться, что дешево отделалась, как кто-то яростно вцепился ей в ногу. Боль была обжигающей, но всё же Ирка испугалась не раньше, чем, рванувшись, вылезла на поверхность. На ее голени висело мерзкое существо, покрытое короткой сальной шерстью. На макушке у существа были желтоватые недоразвитые рожки. Голова откидывалась точно на шарнире.

Ирка растерялась. Призвать копые она не догадалась. Вместо этого она вопила и бестолково дергала ногой в надежде, что странное существо отцепится как-нибудь само собой. Антигон оказался значительно сообразительнее. Он прыгнул на спину жуткого создания и большими пальцами деловито нажал за ушами.

– А ну открыл рот, кому говорят! Не бойтесь, хозяйка, это всего лишь хмырь! – пояснил он.

Существо поневоле разжало челюсти, яростным рывком выкрутилось и, пожелав Антигону с-с-сдох-х-хнут-тть, нырнуло в провал. Не тут-то было! Упорный Антигон ласточкой прыгнул следом, настиг и вцепился. Там в склизкой темноте, на гнилых прошлогодних листьях, завязалась короткая яростная борьба. Закончилась она полной викторией кикимора.

Не прошло и минуты, как он показался из ямы, перепачканный, с прилипшим к носу обрывком газеты, но довольный и победительный. За собой он волок хмыря, гибкие руки которого были без сантиментов завязаны морским узлом, а в открытый до предела громадный рот вставлена пустая пивная банка, найденная там же, в яме. Надо отдать ему должное, даже в таком тактически невыигрышном состоянии хмырь пытался с ненавистью мычать, ругаться и плевать.

– В человеческом мире этой дряни быть не положено! Неплохо бы его того... в кислоте растворить! А, гадкая мерзайка?! – предложил Антигон.

– Почему в кислоте? – удивилась Ирка.

– Да, кроме кислоты, ничем это чудо огородное не примешь. Разве только вашим копьём. А так хоть картечью стреляй: любая рана за пять минут зарастет, – со знанием дела сказал кикимор.

Хмырь замычал и принялся выплевывать банку вдвое яростнее. Заметно было, что упоминание кислоты его не вдохновило.

– Что, не нравится? Вот и сидел бы тихо в своем люке, сволота лубочная! Нечего зубусы было распускать! – восторжествовал Антигон.

Ирка наклонилась и задрала штанину, не без страха взглянув на ногу. Рана была серьезной, с четко отпечатавшимися зубами. Всё же валькирии повезло. Джинсы заставили зубы хмыря соскользнуть и помешали ему вцепиться глубже. В результате получился скорее сдавленный прикус-ушиб, чем режущий укус.

– Отвратная нога! Без-зобраз-зная, гряз-зная, кривая! Мерз-з-кий вкус-с-с! Тьфу! Я чуть не подох-х-х! – пролаял хмырь, наконец выплюнув банку.

Антигон поднял ее, осмотрел и затолкал вновь, на этот раз глубже. Ирка ощутила острую обиду. Теперешние ее ноги были совершенно нормальные, даже красивые, но нежить хорошо знает, чем кольнуть. У созданий мрака на скрытые комплексы нюх, как на падаль. Они их чуют и моментально начинают отрывать лапами. Чем глубже зарываешься, тем энергичнее раскапывают, поскуливая от нетерпения, и лишь когда совсем расслабляешься и перестаешь прятать, как Улита свою полноту, беспомощно отбегают в сторону, попросту переставая видеть.

Так устроено зрение мрака, что видит только родственное себе – пятнышки гнили, слабости, любое место, в которое можно ударить. Моряк издалека видит лишь моряка. Летчика же не заметит и в трех шагах, разве что он будет в форме.

Своими комплексами Ирка внутренне, сама того не подозревая, сближалась с... Петруччо Чимодановым. Когда Чимоданова фотографировали, он специально кривлялся и корчил рожи, чтобы доказать сам себе, что абсолютно безразличен к своей внешности. Другим он это успешно доказывал, а вот себе нет.

– А зачем тогда кусал, если ноги страшные? – спросила Ирка.

Хмырь перестал выплевывать банку. На его плоском лице отразилось, что он и сам этого не знает. Появилась в поле зрения нога, он и тяпнул.

– Даю клятву валькирии, что отпущу тебя, если ты ответишь мне... ну скажем, на четыре вопроса, – предложила Ирка с опрометчивым великодушием. – Согласен?

Хмырь закивал так торопливо, что круглая голова заметалась на жирных плечах, как бильярдный шар. Ирка даже забеспокоилась, не собирается ли он таким образом покончить с собой, свернув себе шею. Перестав болтать головой, хмырь с необычайной ловкостью вскинул вверх кривую ногу и пошевелил длинным и цепким большим пальцем, поджав остальные.

– Что это значит? – не поняла Ирка.

– Это значит «раз»! Ваше «согласен?» тоже было вопросом. Ишь ты, арифмометр собачий! – с невольным восхищением пояснил Антигон. – Зачем вы поклялись, жуткая хозяйка? Не надо ничем клясться! Кто много клянется – тот потом себя клянет!

– Не вмешивайся! Я хочу узнать, что он тут делает! – сказала Ирка.

– Вы что серьезно, хозяйка? Разве можно ему верить? Надует! – возмутился Антигон, выдергивая изо рта кикимора банку. – Эй, ты! Вынь ватные палочки из ушей и слушай меня внимательно! Я сам чуток нежить и вашу породу знаю! Если не то, что ложью пахнет, но хоть тенью лжи – вместо башки у тебя будет расти моя булава. Намек был достаточно тонким?

Хмырь с ненавистью покосился на Антигона и прошипел в лицо Ирке:

– Вы обещ-щ-щали! Я ф-фсе с-с-слыш-ш-шал!

– И мою клятву ты тоже слышал? А чем же я, интересно, клялся? Твоим скальпом? – поинтересовался Антигон, красноречиво покачивая булавой на кистевом ремешке.

Хмырь заглох, устремив на булаву внимательные зрачки.

– Вопрос первый из трех оставшихся. Что ты делал в человеческом мире? – озвучила Ирка.

– Ис-с-скал! Вс-с-се наш-ши пос-с-сланы ис-с-скасть! Проч-чесать Верх-х-хнее Подземье! Там внизу ф-фсе з-з-злы, оч-чень з-з-злы! Если не найдем, ф-ф-фсем будет плох-х-хо! Будет бол-ль!

Ирка напряглась. В голосе хмыря, когда он сказал «боль», ей послышался неподдельный страх.

– Что ищут?

– Нам-м-м не с-с-сказали. Но когда кто-то найдет, он п-п-почувствует и ф-ф-фсе мы поч-ч-чувствуем! Надо оч-ч-чень спеш-ш-шить! Оч-ч-чень, чтобы они подох-х-хли! Не выбрались! – ответил хмырь и замолчал, с необыкновенным упорством продолжая

наблюдать за раскачивающейся булавой.

– Последнего вопроса еще не было? «Они подошли и не выбрались» – это о ком? – встревожилась Ирка.

– Не было, – торопливо сказал хмырь.

– Чего «не было»? Ты вопрос-то слышал? – возмутилась Ирка.

Хмырь молчал, торжествующе скалясь треугольными зубами. Ирка запоздало сообразила, что собственный язык вновь усадил ее в лужу.

Еще Бабане внучка казалась ужасно болтливой. На деле же болтливой она совсем не была, а просто имела привычку проговаривать вслух все промежуточные мыслительные конструкции, которые более осторожные люди обычно оставляют при себе.

– Брысь отсюда! – сказала Ирка, отворачиваясь.

Однако хмырь не спешил уходить.

– Пусс-с-сть этот меня развяж-жет! Быстр-р-ро! – потребовал он у Антигона.

– Развяжи его, Антигон!

– Еще чего! Уже бегу! Может, ему еще массаж сделать и пендюкюр на ногах подстричь? Ща ему будет пендюкюр задней ластой с разворота!

– Антигон! Я обещала! – повторила Ирка настойчиво.

– Вы обещали отпустить, но не «отпустить на свободу». А отпустить-то можно и над чаном с кислотой! Э-э? Вроде как и клятву сдержим! – предложил кикимор.

Хмырь перестал скалиться и пугливо заерзал, не отрывая взгляда от булав. Было заметно, что такие словесные игры ему совершенно не нравятся.

– Антигон! Ну пожалуйста! Очень тебя прошу! – еще раз повторила Ирка.

На этот раз кикимор повиновался. Кривясь, он развязал хмырю руки и хотел отойти, но тут хмырь закатил глазки, подогнул колени и сел на асфальт, бессмысленно таращась бараньими глазами.

– Что с ним? Притворяется? – испуганно спросила Ирка.

Антигон наклонился над хмырем и потряс его за плечо. Потом покосился на болтавшуюся на ремешке булав и чихнул от удовольствия.

– Не, не притворяется! Маятник! Я качал булавой и его загипнотизировал! Нам повезло! Давайте, хозяйка! Спрашивайте скорее, пока контора вопросов не считает!

– Кто должен погибнуть и не выбраться?

Хмырь ответил не сразу. Казалось, вопрос пробивается сквозь толстый слой песка. Наконец он разжал челюсти и произнес картонным голосом:

– Златокрылые прорвались в Х-х-хаос. Им оттуда не выбраться. Но мы должны найти то, что ищем, первыми!

– Что вы ищете? – вновь спросила Ирка, надеясь на удачу.

Но, увы! Удача, как это уже случалось, повернулась к ней сутулыми лопатками.

– Кто найдет: уз-знает. Другие – нет. Кто будет разнюх-хивать – тому с-смерть! – повторил хмырь.

Внезапно он вздрогнул и бодро, как пружина, вскочил, оттолкнувшись от асфальта ладонями. Глаза перестали быть бараньими. В них запылала обычная безадресная хмыриная ненависть.

Антигон развернул его за плечи и, не удержавшись, пинком толкнул в сток. Оттуда донеслась грязная ругань, стихшая только, когда кикимор швырнул следом подвернувшийся ему под руку кирпич. Лишь этот довод показался хмырю веским.

– Каждому уровню восприятия соответствуют свои аргументы, – задумчиво, точно проверяя эту истину на прочность, озвучила Ирка.

Она стояла на краю стока и слушала, как удаляется хмырь.

* * *

Люди творческих профессий обычно делятся на две большие группы. На тех, кто

работает запойно, и на тех, кто работает ежедневно. Первых обычно считают внебрачными детьми муз, лишь для маскировки имеющими общегражданский паспорт, а вторых осуждают, как напрочь лишенных всяческого дара. Еще бы, где это видано, чтобы вдохновение приходило каждый день в одно и то же время и, оставляя в прихожей зонтик и ботинки, робко садилось на стульчик. Куда проще ожидать такого постоянства от насморочной и болтливой тетушки Графомании.

Поначалу Эссиорх причислял себя к первой группе и, нацепив на спиннинг морковку, терпеливо отлавливал Пегаса. Однако Пегас ловился как-то очень нерегулярно, и мало-помалу Эссиорх стал сторонником каждодневных последовательных и ровных усилий.

Всю зиму и начало весны он старался рисовать ежедневно, тем более что сезон был не байкерский, и мотоцикл стоял у него в комнате, постепенно завешиваясь всевозможной одеждой.

– Талант у меня маленький, и если я не буду раздувать его искру каждый день, он того и гляди погаснет, – сказал он как-то Корнелию.

Трезвое суждение о себе – единственная основа внутреннего роста. Его стартовая площадка. Другой нет и не будет. Чтобы вытащить из грязи увязшую машину, необходимо поставить домкрат на что-то твердое и незыблемое.

Корнелию тоже были известны эти азы. Он зевнул и, присев на корточки, почесал спину о ручку балконной двери. Племянник Троила вечно изобретал нестандартные движения. А сейчас у него к тому же зудели лопатки. Порой пытались прорезаться крылья, а летать в человеческом мире было особенно негде. Не над Москвой же, путаясь в электрических проводах.

– Искру таланта раздуваешь? Га-га! А ты бензинчику в него плесни! Вообрази себя, к примеру, безнадежно влюбленным, непонятым или там всеми покинутым. Кто-то мне говорил, что саможаление очень помогает творческому копушеству, – посоветовал Корнелий.

Эссиорх подошел к боксерской груше и несколько раз без силы клонул ее левой рукой. Костяшки на руках у него были сбиты. Чаще всего это случалось, когда руки увлажнялись под защитными бинтами, а удары приходились вскользь.

– Я плохой страж, неважный художник и посредственный мотоциклист. Я пытаюсь быть всем сразу, но у меня получается быть только последовательным неудачником.

– Не скромничай! Мотоциклист-то ты не посредственный! – обнадежил его Корнелий.

– Ты просто не видел других. Слишком много талантов – почерк дилетанта. Кареглазов, к примеру, даже акварелей теперь не пишет, говоря, что нельзя размывать талант. А ведь чувство цвета у него прекрасное. Я по старым его работам это знаю.

– Ну-ну, – заявил Корнелий. – Не надо уныния! На то и правила, чтобы превращать их в сплошные исключения! Я вот, например, красив и умен. И флейту выхватываю так быстро, что потом совершенно не знаю, что с ней делать. Хорошо еще, если суккуб какой попадется.

Когда Ирка, прихрамывая, всё же добралась до Эссиорха, Корнелий где-то пропал. Эссиорх же сдвигал к окну мольберт, ловя освещение. Ирка могла часами сидеть рядом и смотреть, как он рисует. Порой она и сама бралась за кисти, но у нее не хватало терпения.

– На компьютере я нарисовала бы это в три раза быстрее! – утверждала она.

– И в четыре раза бездушнее, – обычно добавлял Эссиорх.

Вот и сейчас Ирка долго смотрела, как хранитель поочередно нюхает краски, скручивая с тюбиков колпачки.

– Каждый художник – немного токсикоман. Правильное масло отличается от неправильного не только цветом, но и запахом, – сказал он.

– А это какое? Правильное или нет?

– Пока не разобрался. Я таким раньше не работал. Запах вроде правильный, – ответил Эссиорх осторожно. Лучший способ не ошибиться в выводах – не спешить с ними.

– Слушай, можно я тебе кое-что расскажу? – вдруг спросила Ирка.

Эссиорх разрешил.

– А ведь Багров изменился! Просветлел как-то, что ли. Раньше это был роковой некромаг с тягой к домашнему хозяйству, а теперь дохлыми косточками он, вроде, наигрался, а тяга к хозяйству осталась, – сказала Ирка полувопросительно-полуутвердительно.

– Есть немного, – согласился Эссиорх. – Это только кажется, что люди меняются медленно и постепенно. Это явная обманка. Иной человек двадцать лет с одним лицом ходит – и время его не берет, а потом месяц-два – и совсем другой. Кто-то лучше становится, кто-то хуже. Лифт вверх-вниз катается.

– И что, как ты думаешь, больше всего портит мужчину?

– Многое портит. Но больше всего сытость, успех, чрезмерное здоровье, самодовольство. Зажирается человек, кабанеет. Душа жирком подергивается. В глазах, и в тех жир стоит. Спасибо хоть не бурлит.

– Да ну! Все твои хорошие люди какие-то одинаковые! Тихие такие, ходят, глазками пол подметают, – сказала Ирка.

У нее появилось настроение противоречить.

– А вот и нет, – возразил Эссиорх. – Ты опять обертку от шоколадки перепутала с шоколадкой. Они-то как раз все и разные. Просто, чтобы их яркость увидеть – надо их по меньшей мере узнать. То же, что обычно считают «яркостью» – на самом деле просто гипертрофированные следы пороков. Ну как лицо памятника у гордеца, сонливая вялость речи у лентяя, летящие капельки кислой слюны у болтуна или вытаращенные от честности глазки жулика. Мрак обожает ставить на всё свои печати. У них же, собакеров, строгая отчетность!

Эссиорх отвлекся, опустил руку с палитрой и внимательно оглядел комнату.

– Ты чего? – спросила Ирка.

– Да привычка у меня! Когда теряю в квартире телефон – звоню на него с другого. А тут вот любимую кисть куда-то задевал и ужасно хочется позвонить самому себе на кисть. Дурдом! Жить вместе с Корнелием – это отдельная сказочка про Машу-растеряшу и про Пашу-хваташу!!

– А чего он хватает? – удивилась Ирка.

Своим неосторожным вопросом она ткнула обычно терпеливого Эссиорха точно булавкой. У того, как видно, давно накипело.

– Да всё! Нужен ему свитер – цапает мой единственный, а мне потом приходится втискиваться в его тощий свитерок, пошитый на мелкую мартышку! Даже зубные щетки различать до сих пор не научился, хотя у меня зеленая, а у него красная! Может, он дальтоник?

Оставив Эссиорха зарывать Корнелия в песочную ямку критики, Ирка вышла на балкон. В комнате она отчего-то начала задыхаться. Облокотившись о перила, валькирия смотрела вниз, где на пяточке земли плясал у нее перед глазами куст сирени. Ирка всё надеялась, что он сейчас остановится, но не тут-то было. Чем дальше, тем куст плясал настойчивее. Неожиданно валькирия-одиночка ощутила головокружение и легкую тошноту.

Опасаясь свалиться, Ирка присела на корточки и, покачиваясь, стиснула ладонями виски. Лоб покрывала липкая испарина. В следующую минуту Ирке сильно, до спазма в желудке, захотелось жирных, с трескучим некрепким панцирем прудовых улиток и слизней. От молодых побегов водорослей она бы тоже не отказалась. А уж порыться головой в придонной мути – разве может что-нибудь сравниться с этим утонченным удовольствием?

Отняв руку от виска, она случайно посмотрела на пальцы и обнаружила, что указательный превращается в длинное маховое перо. Ирка вздрогнула, моргнула, тряхнула рукой. Наваждение исчезло, однако уже через минуту то же самое стало происходить и с другой рукой.

«Всё ясно! Я уже три месяца не превращалась в лебедя, и – вот!» – осознала валькирия-одиночка, и ей стало совсем не смешно. Когда у человека всё хорошо с пяткой –

он может месяцами не вспоминать, что она у него вообще есть. Но стоит ему поймать в нее гвоздь, как ситуация в корне меняется.

Превращаться в лебедя прямо здесь, у Эссиорха, ей не хотелось. Мало ли что могла натворить крупная птица, решившая, что ее заперли в четырех стенах. В лучшем случае всё разбить, пытаться взлететь, а то и изрезаться об оконные стекла.

Ирка усилием воли загнала сущность лебедя на задворки души, в ту комнатку за сценой, где пылились несбывшиеся или отложенные желания. Лебедь внутри у нее бился и пытался расправить крылья.

Ирка вернулась в комнату.

– Я сожалею, что наговорил о Корнелии много лишнего. Прости! Я не должен был давать волю эмоциям, – услышала она голос Эссиорха.

Хранитель стоял к ней спиной и ногтем соскребал с холста присохший кусок не то клея, не то воска. Он все еще пытался разобраться в своем отношении к Корнелию. За те минуты, что Ирка оставалась на балконе, акценты немного сместились. Прежде Эссиорх ругал Корнелию – теперь же грыз себя. Ирка издала звук, который Эссиорх воспринял как «почему?».

– Ну как? Думать о незнакомых и неизвестных тебе людях плохо – дурной тон. Думать же плохо о знакомых скверно вдвойне. Человеку лишь кажется, что он говорит плохо о ком-то. На самом деле он говорит плохо только о себе.

– А-а? – переспросила Ирка, не слыша.

– Мелкий я становлюсь, без полета. Накал мысли как накал лампочки. У меня лампочка на 40 ватт. Больше не раскошегаривается, – убито пояснил Эссиорх.

С усилием попрощавшись, Ирка поплелась в коридор, по дороге ухитрившись налететь бедром на мотоцикл.

– Ты что, серьезно уходишь? Без дураков? – удивленно крикнул ей вслед хранитель.

У Ирки не хватило уже сил на ответ. Пытаясь обуться, она присела, собираясь завязать шнурки. Веревочки путались, пальцы не слушались. Дырок казалось бесконечное количество. Вдобавок Ирка поняла, что разучилась завязывать бантик. Простая конструкция из двух шнурков казалась ей теперь сложнее, чем в далеком детстве.

Кое-как справившись, она почти поднялась, когда на нее волной нахлынули возвратившиеся тошнота и головокружение. Пленный лебедь внутри отчаянно рванулся. Ирка попыталась удержать его, но не успела.

Упав на пол, она поджала под себя колени, вытянула стремительно удлинявшуюся шею и забилась в одежде, ставшей вдруг слишком просторной и одновременно тесной. Когда минуту спустя привлеченный шумом Эссиорх выглянул в коридор, то обнаружил лебедя, который, запутавшись в светлой вельветовой куртке, рвался из нее, рискуя сломать себе крыло. Заметив Эссиорха, лебедь вытянул шею и угрожающе зашипел.

Следующие дни стали для Ирки сумбуром, какой оставляют в памяти быстро забывающиеся тревожные ночные сны. Она не знала, ни кем была, ни что с ней происходило. То она старалась взлететь и билась о потолок, то врезалась клювом в стекло и, не понимая, что это, испытывала обиду и недоумение. То куда-то ползла, то что-то глодала, то ей досаждали блохи и она пыталась выгрызть этих мелких тварей зубами. Кажется, один раз ей даже удалось кого-то укусить. За это на нее сильно кричали, а она огрызалась и, пятась, поджимала уши.

Эти простые ощущения, иногда приятные, но чаще нет, захлестывали ее волнами, накрывали с головой и норовили утащить на дно, туда, где не существовало мысли, а было одно простое и во многом интуитивное животное чувство – великодушно-жертвенное у лебедя и озабоченное, недоверчиво-агрессивное у волчицы.

И, чудом выныривая после каждой волны, Ирка лихорадочно напоминала себе, что она все же человек. Живой человек, а не птица и не волк. А потом всё разом переменялось...

Глава 2

Волчица

Я вечно боялся не того, чего надо было бояться, и вечно не боялся того, чего бояться следовало. А раз так, то стоило ли вообще чего-либо бояться?

Загробный дневник подавившегося горошиной в уличной забегаловке

– Эй! Я не могу к ней даже подойти! Пусть кто-нибудь брыснет, а? – пожаловалась Гелата.

Как всегда, подмосковная валькирия дышала нетерпеливым жизненным жаром. Двести движений в минуту, тысяча противоречивых желаний в час. Стоять с ней рядом и то было горячо и беспокойно.

Гелата маячила в дверях, вставала на цыпочки и пыталась увидеть хоть что-то, кроме множества валькирий и оруженосцев, запрудивших всю комнату.

– Нас здесь слишком много! Все лишние должны удалиться! – отчетливо сказала Фулона.

Ее призыв повис в воздухе. Расплывчатые приказы саботировать проще, чем конкретные. Ни одна из валькирий лишней себя не считала. Багров и Антигон тоже уходить не собирались. Подумав, Фулона решила вопрос в гендерном ключе, выгнав на лестницу всех оруженосцев, начав с собственного, который призван был подать пример.

– Пусть очкарик тоже выйдет! Он хотя и компактный, но места много занимает, потому что бесконечно крутится! – потребовала Радулга, указывая Корнелию на дверь.

– Вообще-то я тут живу! Это мой диван! – огрызнулся связной.

– Где твой диван? – не поняла Радулга.

– На котором она лежит!

– Так и быть. В виде исключения диван может остаться!

Корнелий вздохнул и проворчал, что с женщинами не спорят. Их сразу в мешок и топят. Однако мешка под рукой у него не оказалось и поневоле пришлось послушаться.

Гелата, пробившаяся к дивану Ирки, опустилась на колени. Их лица оказались рядом – бледное, с подрагивающими веками лицо Ирки и розовое, напряженно-внимательное Гелаты. Валькирия-одиночка лежала неподвижно, укрытая по грудь одеялом в цветном пододеяльнике. Дыхание было слабым. Кожа на носу содрана, что неудивительно. Когда носом пытаются прорыть нору в ванной, от этого портится не только и даже не столько ванная.

Гелата протянула руку и осторожно коснулась спутанных волос Ирки. Руки у валькирии воскрешающего копы были красные, с облупившимся лаком на ногтях, с тонкими характерными царапинами кошатницы на внешней стороне ладони и, наконец, с кокетливым кольцом-сердечком. Если добавить к этому еще две сбитых ударных костяшки, то руки девы и воительницы можно было представить себе ярко.

– И давно она приняла человеческий облик? – спросила Гелата.

Не дождавшись ответа в первую же секунду, она быстро вскинула лицо. Для нетерпеливой валькирии минута промедления была всё равно что для другого три часа на морозе в ожидании электрички.

– Я же спрашиваю!

– Ты спрашиваешь, а мы пытаемся думать. Часа два назад, – спокойно ответил Эссиорх.

Гелата ужаснулась.

– Как? Уже два часа! А до этого где вы ее держали? Только не говорите, что в ванной!

– А где еще? Искать в зоопарке неудачную клетку два на три метра? Мы поняли, что если кормить вовремя, то в ванной спокойнее всего. Там ее ничего не пугает, и вода опять же... – сказал Эссиорх.

– А кровь на руке откуда? Поранилась? – продолжила выяснять валькирия.

– Сама себя укусила. Голова еще волчья была, а крыло лебединое. Ну и вцепилась! – удрученно пояснил Эссиорх.

Гелата кивнула и, выпрямившись, отошла от дивана. Ирка ничего не могла слышать, но всё равно валькирия воскрешающего копыя предпочла встать у окна.

– Подведем итоги. За двое суток она восемь раз превращалась в волчицу и девять в лебедя. Так?

Эссиорх подтвердил.

– Съела ведро мелких беспозвоночных, трудноопределимое число отрубей и дождевых червей, двенадцать мороженных кур и одного... кгхм... живого кролика. Кстати, какой гений его вообще припер? Да еще и с голубой ленточкой на шее?

Багров виновато кашлянул.

– Но она действительно любила кроликов! Всегда мечтала о кролике! Я надеялся, что она его увидит и это поможет ей стать человеком!

– И что, помогло? – ехидно спросила Ильга.

Она только что перестала выяснять по телефону соотношение курсов валют и теперь активно втискивалась в разговор.

– Мне хотелось сделать ей подарок!

Таамаг чихнула гулко и с раскатами, точно на кафель упала и прокатилась пустая кастрюля.

– Подарок? В сущности, ты его и сделал, – ухмыльнулась Таамаг. – Волчица осталась довольна. Что такое, если разобраться, кролик? Котлета с лапками! И вообще, некромаг, ты помнишь наш последний разговор? Когда тебя удушить? Сейчас или вечером?

– Успокойся, Таамаг! – поморщилась Бэтла. – Хоть ты-то не лезь!

Непрерывный щебет валькирий действовал на Бэтлу изматывающе. Чужие слова буквально торчали у нее из ушей, как мотыль изо рта у переевшей аквариумной лягушки.

Ничто не размывает волю и не лишает внутреннего покоя так быстро, как пустая болтовня. Пускай даже самая дружеская. Поэт, разгрузивший вагон телевизоров, может еще в теории часа за три восстановиться и написать эссе. Но поэт, проболтавший минут сорок по телефону, не способен уже даже разгружать вагоны.

– Всё равно я некромага как-нибудь прибью! Просто для профилактики! Нечего вокруг валькирий крутиться! До того девчонку довел, что она кроликов сырых лопает и носом кафель в ванной проковыряла! – заявила Таамаг, любившая не столько правду, сколько сам процесс обличения.

– Дайте мне топор, маменька, я пошел правду-матку рубить! – томно сказала Ламина.

Валькирия лунного копыя сидела на подоконнике. Уютно подобрав под себя ноги, она покусывала ноготь мизинца, всякий раз внимательно разглядывая его, точно желая добиться какого-то совершенства.

Эссиорх вопросительно коснулся плеча Гелаты. Та оглянулась.

– Можно спросить, что именно тебя настораживает? Ирка же стала человеком! Сейчас отсыпается, а потом проснется! – уточнил он.

– Так-то оно так, но только, боюсь, это мало что решает, – невесело заметила Гелата.

– Почему?

– Разве непонятно? За двое суток она ни разу не была человеком! Ни разу! Превращение из лебедя в волчицу шло по сокращенной схеме, вообще без промежуточных состояний! – подчеркнула Гелата.

– Ну и что? – влез Багров. – Ирка просто всю зиму не превращалась, и вот они прорвались!

– *Без промежуточных состояний!* – настойчиво повторила Гелата. – Восемь и девять – это семнадцать! Как вы себе это представляете? Всё равно что семнадцать раз подряд уронить ребенка головой на бетон и потом удивляться, что он плохо помнит таблицу умножения! Даже если бы она год не превращалась – всё равно такое не могло произойти! Ну два раза, ну три... Хотя три – это уже много.

– И что? Хочешь сказать, она не сможет больше быть валькирией? Копье перестанет подчиняться? – озаботилась Бэтла.

– Сейчас о копье даже речи не идет. Так как промежуточные состояния отсутствовали, ее человеческая личность на время окажется поработанной. Пока же она восстанавливается, одна из дополнительных сущностей заместит основную. Короче, она станет или лебедем, или волчицей. Кем точно – не знаю. В зависимости от того, кто в ней в данный момент сильнее.

– Ты уверена? – спросил Эссиорх.

Валькирия воскрешающего копья невесело кивнула.

– И надолго?

Этого Гелата не знала.

– В лучшем случае: нет. В худшем: навсегда. Всякое превращение – это как мокрой тряпкой по доске. А тут целых семнадцать раз!

Согнав со стула Ильгу, Гелата передвинула стул к дивану, но садиться не стала, а оперлась о сидение локтями и снова стала смотреть на Ирку. У той чуть порозовели скулы, но лицо оставалось меловым.

– Должна существовать еще причина, почему она не смогла сопротивляться волчице и лебедю! – заявила Гелата.

– НЕКРОМАГ! – сказала Таамаг обвиняюще. – Чего другие причины искать? По башке его!

– Если дело во мне – я защищаться не буду, – сказал Багров спокойно.

Антигон перестал носиться по комнате, биться лбом о ноги валькирий, охоть, когда ему наступали на лапы, и дергать себя за бакенбарды. Правый бакенбард был выдран почти с корнем, и отдельные клочки его попадались в самых непредсказуемых местах.

У каждого беспокойство выражается по-своему. Кто-то предпочитает его выбегивать, другие же глотают волнение как ядовитую пилюлю и сидят на одном месте, неподвижные точно удавы, пока оно медленно разъедает их внутри. Так и здесь. У Антигона беспокойство имело двигательную форму, у Багорова – разъедающую.

– Укус хмыря считается? – спросил кикимор, бесцеремонно проталкиваясь через лес ног.

Гелата насторожилась.

– Хмыря? А хмырь откуда? – спросила она.

– Да тяпнул её недавно один хмыреньш... – протянул Антигон, длинным плевком по дуге очень точно выразив всё, что не упаковалось в слова.

Фулона насторожилась.

– Хмырь? В человеческом мире? Что он тут забыл? – спросила она.

– Да вроде как искал чегой-то... У, елкина моталка! Прынцойд переделанный! – горячо сказал Антигон.

У него потребовали подробностей. К сожалению, подробностей кикимор смог поведать немного, то и дело сбивался на личную характеристику хмыреньша. Его останавливали, вновь требовали подробностей, и вновь Антигон слова через три скатывался.

Пришлось махнуть на него рукой.

– Вообще, конечно, укус хмыря мало кому пойдет на пользу. Хмырь и стерильность – это даже не антонимы, а нечто вообще никак не соприкасающееся. Не исключено, что укус хмыря, особенно непромытый, мог ослабить защиту валькирии, – допустила Гелата. – Но все равно нужно еще что-то. Что-то внутреннее, психологическое, глубинное. Э-э... Она никогда не страдала от раздвоенности?

– Раздвой... как? – озадачился кикимор.

– Не было у нее внутреннего надлома, глобального противоречия, недовольства? Иногда человек кажется цельным и благополучным, а внутри его точно двуручной пилой терзает, – пояснила Гелата.

– А то как же! – наконец сообразил Антигон. – Гадкая хозяйка – она такая! Никак ее не поймешь! То говорит: сделай яичницу, а сделаешь – поковыряет и не трескает! «Я, мол,

перехотела. Ты картошки не пожаришь, будь такой гаденький?» – «А яичницу теперь что, выкидывать?»

Кикимор посмотрел на слабые Иркины руки, лежащие поверх одеяла, перешел на крик и, отвернувшись, издал звук, похожий на собачий лай.

Поняв, что от Антигона, кроме рассуждений о яичнице и рыданий, ничего не дождешься – Гелата вопросительно посмотрела на Багрова.

– Ничего не хочешь сказать? – спросила она, очень зорко глядя на него.

Багров смутился.

– НУ???

– Четвертое правило кодекса, – произнес Матвей совсем тихо, чтобы никто, кроме Гелаты, не слышал.

Валькирия воскрешающего копья хмыкнула.

– Про кодекс будешь в суде говорить. Мне скажи по-русски. Что-нибудь вроде поцелуя?

Матвей кивнул, уставившись в пол.

– Это я виноват. Не думал, что это так опасно. Она не хотела, – сказал он, защищая Ирку.

Гелата недоверчиво скривилась.

– Если бы не хотела – ничего не было бы. Опасно не столько соприкосновение губ – сколько соприкосновение сердец, – сказала она.

– Как вы узнали? – спросил Багров.

– Ну об этом легко догадаться, – ответила Гелата так же вполголоса. – Все наши об это рано или поздно спотыкаются. Тут главное крепко держать сердце, чтобы его не выкрали из сумочки... Ирка, к сожалению, не удержала – и вот результат.

– И что теперь будет? – тихо спросил Багров. – Она станет прежней? Останется валькирией? Хотя бы человеком когда-нибудь станет?

Он ощущал себя убийцей. Даже хуже, чем убийцей. Убийца чаще всего убивает того, кого ненавидит. Он же убил или почти убил ту, кого любил больше, чем себя.

Гелата вздохнула.

– Слишком много вопросов. Явно больше, чем у меня ответов. И вообще, если тебе нужна истина в последней инстанции, то это не ко мне...

– Эй вы, двое! Чего вы там шушукаетесь? – недовольно подала голос Таамаг. – Гелата, мамочка не учила тебя, что шепотом на ушко можно говорить только четыре слова: «Простите, где тут туалет?» Всё остальное – невежливо.

– Нет, – спокойно ответила Гелата. – Не учила!

– Это еще почему?

– Когда мама работала на хлебозаводе в утреннюю смену – у меня была вторая смена в школе. Когда же в школе стала первая смена – мама перешла на молокозавод и стала работать уже в вечернюю смену. Когда же настал счастливый миг и мы, наконец, состыковались, учить меня было поздно.

Таамаг выслушала рассказ о детстве Гелаты с интересом.

– А сестры у тебя были? – переключилась она на любимую свою тему.

– Брат, – кратко ответила Гелата.

Разговаривать про братьев Таамаг было неинтересно.

– А, ну брат не считается!

– Почему не считается?

Валькирия каменного копья затруднилась объяснить, но вместо нее влезла Бэтла, имевшая кучу двоюродных сестер и братьев, долго живших с ней в одной квартире.

– Владелец хомяка и владелец бойцовой собаки никогда не поймут друг друга. Сестра – это, по моим наблюдениям, одно, а брат совсем другое. Брат – это стукнуть по лбу, а через два дня, не извиняясь за старое, купить шоколадку. Сестра же – вначале исподтишка уколоть иголкой, а потом тут же не отходя от кассы пожалеть, но шоколадку не покупать, – заявила

она.

– А разве братья не защищают? – усомнилась Ильга, любящая традиционные формулы суждений.

Бэтла с сомнением хмыкнула, безнадежно пытаясь нашарить взглядом своего оруженосца с его продуктовым патронташем. Вспомнила, что оруженосец на лестнице, и загрустила.

– В исключительных случаях – да. Но чаще они обучают защищаться сами от себя, а ты потом применяешь те же методы против других, – сказала она.

Ламина подошла к Иркиному дивану и наклонилась над ней.

– Я ее потрогала, а она попыталась укусить меня за палец! И ещё она вся какая-то влажная! – воскликнула она, невольно встряхивая ладонью.

– Обычный пот! Ты что, сама духами потеешь? – набросилась на нее Гелата, поддерживая за плечи Ирку, которая металась, пытаясь встать.

– Ты угадала! – сказала Ламина.

Перебодать ее в споре было сложнее, чем спилить вилкой столетний дуб.

Гелата поискала глазами полотенце и, не найдя, промокнула Ирку влажный лоб краем одеяла. Охотясь за ее рукой, Ирка замотала головой, точно щенок, который тренирует смертельный укус на хозяйском ботинке.

– Ну это явно не лебедь! Или я совершенно ничего не понимаю в лебедях! – пробормотала Гелата. – Уводи всех! Скоро начнется! – велела она Фулоне.

– А ты?

– Я остаюсь! И захватите с собой моего оболтуса, хоть немного от него отдохну!..

Шумная толпа низверглась вниз, до полусмерти напугав поднимавшегося вверх маленького школьника, оказавшегося как раз между оруженосцами и валькириями. Школьник сдал назад. Его тяжелый рюкзак перевесил и, попытавшись поскользнуться, бедняга ухватился за перила.

– Не упал? Не бывать тебе летчиком! – громогласно сообщил ему Вован.

Лестница грохнула хохотом. Перепуганному школьнику немедленно вручили шоколадку. Школьник ее от неожиданности взял, но держал с испуганным лицом человека, которому мама запретила брать что-либо у людей посторонних, которые на 99,9 процента окажутся маньяками и отравителями.

Всю ночь Ирка металась, шептала что-то, бредила. Становилась то холодной как лед, то горячей как утюг. Под утро она успокоилась, стала дышать ровнее, и Гелата позволила себе задремать рядом.

Проснулась она от острого звериного запаха. Открыла глаза, приподнялась на локтях и хриплым спросонья голосом прошептала: «Ой, мама!» В шаге от нее стояла белая волчица и смотрела на нее желтыми настороженными глазами. На дне глаз плескались осколки луны.

Гелата осторожно свесила ноги. Когда ее вторая ступня коснулась пола, волчица негромко заворчала. Поджатый хвост качнулся, однако без всякого дружелюбия.

– Ирка, это я, Гелата. Ты меня узнаешь? – спросила Гелата очень медленно и отдельно.

Волчица перестала рычать и немного склонила голову набок.

– Всё будет хорошо! Расслабься! Не пытайся с ней сражаться! Просто смотри на мир своими глазами! Своими, а не ее! Не дай зверю сломать тебя! Не сливайся с ним! – медленно, надеясь, что Ирка поймет, сказала Гелата.

В коридоре чавкнула дверь, ведущая на площадку. Волчица вскинула морду, прислушалась и рванула на звук. Хилая дверка комнаты не выдержала наскока ее передних лап и распахнулась. Кто-то негодуяще завопил. Бильярдно застучали обрушившиеся книги в шкаф. Страхнув последние остатки сна, Гелата вскочила и, как была, без обуви, метнулась вдогонку. Она поняла уже, что волчица вырвалась на лестницу.

На бегу Гелата услышала звон. Еще через два пролета увидела осколки, и сразу все стало ясно. Волчица атаковала в прыжке стекло между первым и вторым этажами и в стеклянном дожде вырвалась на улицу. Гелата осторожно просунула голову в раму,

нависшую над ней гильотинным сколом.

В предрассветной полутьме дыбились кусты сирени. Призрачные коробки домов вязли в ватном одеяле тумана. Отыскать быструю волчицу в этом лабиринте было не по силам даже валькирии.

Гелата вернулась в квартиру, ощущая сквозь чулки холод ступеней. На полпути ей попался взмыленный Корнелий.

– Где она?

Гелата посмотрела сквозь него.

– Уже нигде, – хмуро ответила она.

– Как нигде? Там внизу еще одна дверь! Она не сможет ее открыть!

Гелата нервно рассмеялась.

– Она и не пыталась! Кто тебя вообще просил ее выпускать?

Корнелий надулся.

– Говорю тебе: она через меня пробежала! На лицо, между прочим, наступила!

– А остановить? Ты же страж!

– Ага! Остановишь тут! Я упал на спину, а флейта была в рюкзаке! – пояснил Корнелий.

Дурному вратарю в очередной раз помешало, что зритель на первом ряду показал ему язык.

Глава 3

Новая знакомая зоркоглазика

«При поединке, как на холодном, так и на огнестрельном оружии, противникам разрешается безусловно иметь на себе обыкновенной формы очки. Употребление во время поединка пенсне, случайное падение которого может быть причиной различных недоразумений, не допускается...»

И. Микулин. Из «Дуэльного кодекса»

Чем дольше Корнелий жил в Москве, тем реже телепортировал и тем чаще ездил на метро. Корнелий любил метро. Любил грохот вагонов, особенно последнего, на котором не висли сзади другие вагоны и не мешали ему болтаться. Любил резиновый запах новых эскалаторов, выветривающийся не раньше, чем через два года после открытия станции.

Любил момент, когда прожектор поезда рождается в тоннеле, а потом и сам поезд стремительно вылетает с дребезжаще-резким электрическим гудком: отгоняет бравирующих студентов, пытающихся попасть под всесокрушающее зеркало машиниста. Любил надпись **«не прислоняться»** и те многие издевательства, которые творились над ней.

В каждом вагоне у Корнелия имелся свой любимый закуток. Находился он у самой двери – справа или слева. Здесь тебя не сметала толпа, давившая обычно строго вперед, и можно было комфортно стоять, прислонившись плечом к стенке, а бедром к поручню. Единственное, что требуется от обитающего на этом месте, – регулярно наклоняться чуть вперед, открывая схему метрополитена и позволяя недоверчивому пассажиру убедиться, что «Пушкинская» и «Чеховская» – это примерно одно и то же, только через переход.

Порой, правда, Корнелию вспоминалось, что метро – это уже Верхнее Подземье. Еще, конечно, не Тартар, но уже место не самое благонадежное, обиталище нежити и многих нестабильных потусторонних существ, для которых глубины меньше ста метров – смертный приговор. Не самая безопасная территория для связного Эдема, пусть даже далекого от совершенства.

Нельзя сказать, чтобы свет совсем уж не присутствовал в метро. Были у него тут и свои подконтрольные участки. В основном в переходах между станциями, там, где стояли флейтисты, маскирующиеся под уличных музыкантов.

Передвижные эти пункты отсекали от пассажиров привязывающихся к ним суккубов и усложняли комиссионерам беспорядочное рысканье в поисках добычи. Разумеется, суккубы и комиссионеры давно научились их обходить, но всё же чернильной слизи, заменявшей им кровь, они им портили немало.

Корнелий тоже не прочь был при случае шугануть подвернувшегося суккуба или меткой маголодией загнать комиссионера в промежуток между вагонами, где тот мрачно кривлялся на сцепке, не в силах причинить никому вреда.

Но всё же главным образом Корнелий ездил в метро для того, чтобы пополнять записную книжку строчками телефонных номеров. Дешевизна из Эдема неделями могли лежать в его сумке, не доставленные адресатам потому лишь, что Корнелий редко мог сосредоточиться настолько, чтобы сделать хотя бы одну осмысленную пересадку. С утра и до вечера он пребывал в радостной пьянящей эйфории человеческого мира.

Из этой эйфории его умел выводить только Эссиорх, очень неприятно и больно бивший по лбу костяшкой среднего пальца правой руки. Фокус этот назывался: «Тук-тук! Я твой отрезвин!»

А отрезвлять было от чего. Без еды человек умирает через несколько недель. Без воды проживет несколько дней. Без воздуха задохнется за минуту. Без любви же он не протянул бы и секунды. Даже мгновение прожить без любви – совершенный нонсенс, ибо одной лишь любовью существует весь огромный мир с лампочками звезд, фонарем солнца и несколькими большими континентами, лениво плескающимися в каменной ванне Мирового океана.

Под любовью, разумеется, следует понимать не пошлый клубок страстей, высиженный в телеяшике томящимися клушами, а иное светлое, пронизывающее, острое состояние единения с миром. Кем-то оно ощущается остро, кому-то же и простое «привет!» буркнуть невероятная победа над собой. У всякого своя мера. Но и это тоже усилие, сделанное в направлении к любви.

Корнелий же мало-помалу подменял великую любовь к миру любовью частной – к девушкам. При всем том чувство Корнелия было восторженным, распыленным и бескорыстным. Он настолько был полон неумейной радости, что ему обязательно нужно было поделиться ею с кем-нибудь, иначе он лопнул бы от восторга как воздушный шар. Делиться же радостью с девушками было гораздо приятнее, чем с молодыми людьми. Они не смотрели на тебя с недоверчивым прищуром, просчитывая, с какой силой и под каким углом надо ударить в челюсть, чтобы им не мешали слушать плеер всякие эмоциональные субъекты.

Как всякий страж света, Корнелий воспринимал эйдос конкретнее, чем тело. Он всегда видел, какому эйдосу нужна помощь и какое слово надо сказать, чтобы он загорелся чуть ярче и перестал бы чахнуть грустью и беспомощной тоской. Только эйдос представлял для него истинную ценность. Тело же, эту будущую белковую подкормку гробовым червям, часто замечал лишь постольку-поскольку, как замечают кроссовки на ногах у приятеля: «А-а, ты опять эти старенькие откопал? Ну и умница!»

И потому часто случалось, что у иной красавицы ящиком падала челюсть, когда, равнодушно пройдя мимо, Корнелий подходил к ее затюканной подруге, которая втайне воспринималась красоткой как бесплатное приложение к журналу. Ну или как вечную бонну, которой вручаются мокрые бумажки от мороженого.

Безвкусно одетых и назойливо накрашенных девиц Корнелий старательно избегал.

– У девушек, как у насекомых: яркая расцветка чаще всего предупреждение, что насекомое ядовито, – утверждал он.

Эссиорх с ним не соглашался.

– Часто, но не всегда. Смелее всех одеваются смирные и славные тихони. Это у них всплеском, два-три раза в год. Границ по наивности не знают, вот и перегибают палку. Хочется что-нибудь такое с собой сотворить, чтобы, наконец, проснуться. Вот и ищут себя на четвереньках в потемках, как потерянный ключ. Какой-нибудь осёл увидит ее в такой день и обязательно подумает какую-нибудь грязь. Он же не знает, что эта тихая девочка

Нина везет бабушке диабетический сахар.

Как бы там ни было, а Корнелий продолжал собирать телефончики, как трудолюбивая пчелка собирает мед.

В метро знакомиться с девушками было удобно. В переполненном вагоне они ощущали себя в большей безопасности, чем где-нибудь на пустой ночной улице с видом на луну. Единственное, что в метро было неудобно, общаться. Все заглушали стук и грохот. Иногда самый простой вопрос приходилось повторять раз восемь, всякий раз повышая голос, и часто случалось, что в девятый раз, когда оба собеседника уже переходили на крик, поезд внезапно затихал, и твой вопрос был слышен всему вагону.

Часто бывало, что какой-нибудь студент, обучавшийся пить разнокалиберные напитки в тракторном вузе, в группе, состоящей из десяти парней и одной серьезной девушки, фанатично помешанной на дизельных двигателях, набирался храбрости познакомиться в метро.

Хлебнув для большей отваги сложной смеси метротовоздуха, студент приближается к той, с которой он мысленно уже готов вить гнездо и строить шалаш в зарослях бамбука, и, назойливо помаячив перед ее лицом, чтобы быть визуально отделенным от остальной толпы, произносит:

– Привет! Я Максим! Как тебя зовут?

Грохот. Удивленный взгляд. Девушка не слышит. У незадачливого ловеласа начинают сдавать нервы. Он вдруг вспоминает, что у него нос картошкой или, допустим, прыщ на лбу.

– Зовут как? – безнадежно повторяет он. Ему жутко.

Поезд дергает. Девушка, ничего не понимая, начинает крабом отползать вдоль поручня. Парень пугается еще больше. Собственный мелкий недостаток приобретает вулканические размеры. Прыщ становится громадным, как вулкан, и дышит лавой. Он уже ненавидит бедную девушку, с которой всего пять минут назад мечтал создать здоровую ячейку общества и даже, возможно, умереть в один день.

Теперь вопрос звучит с угрозой:

– Имя у тебя есть? Знакомиться будем или как?

Стук колес. Теперь уже слышит весь вагон, кроме той, кому вопрос адресован.

– Хоть как-нибудь вас зовут? В паспорте у вас чего-нибудь написано? Алло!

– Настя, – наконец говорит девушка.

Грохот. Теперь уже не слышит сам незадачливый ловелас.

– Как-как?

– Настя!! АНАСТАСИЯ!

Парень моргает. Он улавливает только кучку разрозненных звуков, однако признаться в глухоте ему неловко.

– «И я?» Прости, я не расслышал: ты и кто?

– У тебя что, бананы в ушах? – взрывается девушка.

Тут поезд как раз выскакивает на станцию, и вопрос разносится громко и четко. Пассажиры смеются. Студент смертельно обижается. Сердце обрушивается в нем, точно тракторное колесо на ногу механику.

– Больная какая-то! – говорит он вполголоса, трусливо прячет бананы в ушах под наушниками и отправляется пить пиво, навеки сделав неутешительный вывод о коварстве и злобе женского пола. Еще один сложившийся молодой холостяк пополняет ворчливые ряды старых коллег.

Хотя, если разобраться, у технаря в метро при должной настойчивости шансы всё же имеются. Технарь – практик, твердо стоящий на ногах и имеющий ясные приоритеты, пусть даже они просты, как табуретка. Гуманитарию же сложно вдвойне, поскольку голова его, наполненная хаотичными и скользко-софистическими знаниями, рождает порой неожиданные даже для самого хозяина звуки. Если вопрос технаря: «Можно с вами познакомиться?» в теории можно еще угадать, то попробуй-ка угадай: «Читали ли вы Кьеркегора? Хотя по вашим печальным очкам я вижу, что вы больше любите Джойса!»

Но и из этого положения Корнелий научился выходить. Во-первых, он знал в Москве все относительно тихие линии, где говорить можно было вполне нормально, а, во-вторых, таскал с собой в метро блокнот и строчил в нем вопросы с чудовищной скоростью.

Получалось нечто вроде:

КОРНЕЛИЙ: (пишет в блокноте) Девушка, что вы делаете сегодня вечером?

ДЕВУШКА: (пишет) Мою голову, забираю конспекты и пишу шпоры к зачету.

КОРНЕЛИЙ: А завтра утром?

ДЕВУШКА: Мою голову и сижу в библиотеке.

КОРНЕЛИЙ: А днем?

ДЕВУШКА: Сдаю зачет.

КОРНЕЛИЙ: А после зачета?

ДЕВУШКА: Мою голову и иду в библиотеку писать бомбы к экзамену.

Убеждаясь, что черед зачетов и экзаменов уходит в дурную бесконечность и грозит слиться с горизонтом, несчастный Корнелий в качестве прощального сувенира вручал девушке вырванное из своего крыла перо, которое она чаще всего принимала за голубиное, и, дружелюбно пожелав ей удачной головомойки, оставлял ее в покое.

* * *

В тот поздний апрельский вечер, незадолго до закрытия метро, Корнелий прогуливался по станции «Краснопресненская», поджидая поезда. Он только-только закончил развозить секретные депеши, которые из несрочных стали уже совсем срочными, поскольку доставить их нужно было еще полторы недели назад.

Станция была совершенно пустая, что в перенаселенной Москве всегда пугает. Чтобы чувствовать себя одиноким, романтику необходима толпа. Когда же толпы нет, романтик невольно начинает нервничать и искать людных мест, чтобы вновь, обособившись, стать самим собой.

Интервалы между поездами сделались большими, и нетерпеливый Корнелий внутренне поскуливал, то и дело поглядывая на часы, разменивающие уже четвертую минуту.

Девушка появилась неожиданно, со стороны большого зеркала, необходимого машинисту для того, чтобы видеть, когда хлопать дверями, дабы защемить побольше пассажиров. Высокая, тонкая, чем-то похожая на цветок лилии. Нос небольшой, чуть вздернутый. Лоб высокий. В строении бровей привлекательная неправильность. Не то излом, не то легкая приподнятость окончаний, придававшая лицу удивленный вид. Под глазами едва заметные усталые полукружья.

«Лет семнадцать», – прикинул Корнелий.

Ему казалось, что еще несколько секунд назад слева от него никого не было. Не из тоннеля же она вынырнула?

На левой щеке у девушки был короткий шрам, горизонтальный и алый. Он касался края губ, отчего казалось, будто она непрерывно улыбается одним углом рта. Корнелий посмотрел на шрам и по наитию снизил возраст девушки примерно на год.

Одета девушка была во всё черное. Высокие десантные ботинки. Кожаные брюки. Кожаная узкая куртка с несколькими дробными и блестящими металлическими пластинами на спине и груди. Единственным исключением являлся красный шелковый шарф. Все вещи – и ботинки, и куртка, и шарф – были в крапинах грязи и пахли чем-то затхлым. Тиной?

К правому бедру девушки были пристегнуты ножны, а в них широкий и длинный, сантиметров тридцати нож-тесак. Корнелий удивился. С его точки зрения ходить с таким по городу означало непрерывно провоцировать нервную московскую милицию. Один только философ Сократ методом целой цепочки умозаключений сумел бы доказать, что такой нож имеет хозяйственно-бытовое значение, служит для заготовки лучины и обтесывания ножек табуреток и холодным оружием не является.

Рядом с девушкой шел громадный худой пес угольного цвета. Единственное

«неугольное» исключение составляла узкая белая полоска на голове. Похоже, некогда пес получил ножевую рану, и шерсть на ней выросла уже седой. Породу собаки Корнелий затруднился бы определить – в ней угадывались и азиатская овчарка, и дог, и ньюфаундленд, и кто-то из крупных дворняг. Одно было несомненно – собаки в роду у нее подобались серьезные, не искавшие в жизни мягких диванов и сбалансированного корма.

Первое, что потрясло, была величина пса. Спина находилась примерно на том уровне, на котором обычно ожидаешь увидеть раму велосипеда. Так и хотелось перебросить ногу и сесть верхом, вот только ногу было жалко. Если одежду девушки еще можно было назвать сравнительно чистой, то пса грязь покрывала почти целиком.

Заметив Корнелия, пес напрягся. Морда его невообразимо сморщилась, даже скомкалась. Кожа подобралась, как она умеет подбираться только у бойцовых собак и волков. Обнажились желтовато-белые клыки размером чуть ли не с палец. Не тратя времени на рычание, пес рванулся вперед.

Корнелий метнулся рукой к флейте, уже понимая, что не успевает даже достать ее. Расстояние между ними было шага три.

– Назад, Добряк! – приказала девушка, дергая пса за узкий кожаный ремень, служивший чем-то вроде поводка. «Чем-то вроде» – это потому, что всякому ясно было, что пса такого размера и веса на нем удержать так же невозможно, как на резинке от треников.

Пес, почти сбивший Корнелия с ног, подчинился. Шерсть на загривке опала. Морда перестала морщиться. Услышав один раз, что трогать Корнелия нельзя, умный зверь потерял к нему интерес и неохотно вернулся к хозяйке. Лишь верхняя губа осталась приподнятой – ровно насколько, чтобы были видны предупреждающе оскаленные клыки.

«Ты мне не нравишься! Если она считает, что убивать тебя не стоит, – живи, но не жди, что я буду вилять тебе хвостом!» – точно говорил он Корнелию.

Незадачливому связному стало не по себе. Как страж света, Корнелий старался не думать ни о ком плохо. Перья от этого быстро теряли белизну. Подумать же хорошо тут как-то не получалось.

– Собака – друг человека, – напомнил он себе. – Хотя какой должен быть человек, чтобы у него был такой друг! Или какие враги должны быть у человека, у которого такой друг!

Для девушки присутствие Корнелия на платформе тоже оказалось сюрпризом. Она не то метнулась, не то сделала резкий шаг влево, потянув за собой пса, вскинула на него глаза, но сразу же прошла дальше и остановилась примерно на месте второго вагона. Там она и стояла, покачивая сумкой на длинном ремне и нетерпеливо посматривая в пустой тоннель.

Громадный пес сидел рядом, изредка с угрозой оглядываясь на Корнелия. По всему было видно, что Добряк – для него самая подходящая кличка.

Девушка нервничала. То и дело, точно опасаясь чего-то, она озабоченно смотрела в тоннель, и лицо у нее становилось напряженным. Поезда все не было. Казалось, секунды прилипают к циферблату электронных часов, а потом, точно издеваясь, большими скачками дергаются вперед.

Самый бестолковый связной света взволновался. Чем дольше он жил в человеческом мире, тем сильнее увлекался и «залипал». С ним происходило то же, что с сотнями стражей до него. Все чаще он мыслил, как молодой человек двадцати с малыми копейками лет – представлялся себе суровым и грозным, сам же вел себя как радостный и веселый щенок.

Постепенно в голове у него точно сам собой образовался рубильник с положениями ON/OFF. В положении «ON» Корнелий был страж. В положении же «OFF» – задиристый очкарик с веснушками, любящий цветные сны.

Случались дни, когда он не вспоминал о том, что он страж света и в жизни у него существует некая высшая миссия и цель, отличная от простого переваривания пищи, блуждания по городу, переработки новых вещей в мусор и получения базового набора удовольствий.

Конечно, спроси у Корнелия некто: «Ау! Проснись! Ты что, забыл, кто ты?», он бы

опомнился, но спрашивал его об этом только Эссиорх, и то чаще кулаком по лбу.

В состоянии «ON» любовь Корнелия была возвышенной, бескорыстной, щедрой и соответствовала стандартам света. В состоянии же «OFF» это был обычный сумбур с сомнениями, метаниями и фоновой мыслью: «А оно мне всё надо?»

В этом отключенном от неба состоянии Корнелий влюблялся только чем-то одним: или разумом, или сердцем. Когда увлекался один разум, сердце начинало ныть и стонать, отравляя разуму всякое удовольствие от логических построений и самоубеждений, точно уставший ребенок, увязавшийся за взрослым на прогулку.

«Это та самая девушка, которая нам нужна, потому что: а) б) в) г)! Смотри! Вся логика в нашу пользу! Не тормози!» – убеждал разум. «Катись ты со своими а) б) в)! Не то! Не мое!» – артачилось сердце.

Когда же влюблялось сердце, а ум оставался холоден, происходило всё наоборот. Вредный ум принимался поливать сердце ледяной водой убийственных доводов и за предсердия и желудочки оттягивал в сторону. «Посмотри на нее! Кого тут любить? Она же: а) б) в) г)! Сопоставляй факты, глупое животное! Нечего блажить!»

В завершающей стадии затянувшегося сражения обычно являлся Эссиорх и коротким ударом костяшкой пальца в лоб переключал Корнелия в состояние «ON», автоматически убивавшее бессмысленные метания.

Длинный поезд показался из тоннеля и, не снижая скорости, с электрическим дребезжанием пронёсся мимо платформы. Все вагоны были освещены, и все пусты. Сюрреалистическое зрелище! Корнелий остановился на краю, замороженно наблюдая за синей гусеницей, вползающей в тоннель.

Когда поезд появился, девушка рванулась было к нему, точно желая вскочить на ходу, но, поняв, что это невозможно, отпрянула и, пробежав несколько шагов вдоль состава, остановилась в замешательстве. Пес тоже сделал несколько скачков, толкнулся мордой в захлопнутую дверь вагона и, отброшенный, упал на бок. Сразу вскочил, вернулся и сел у ног девушки.

Из-за грохота вагонов услышать ее слова было непросто, но Корнелию почудилось, будто девушка негромко крикнула что-то сердитое вслед удаляющемуся поезду. Затем, взяв себя в руки, продолжала нетерпеливо покачивать брезентовую сумкой, точно черная кошка подрагивала хвостом. На Корнелия она ни разу не взглянула.

«Ах так! Ну и ладно! Чем больше я тебе не нужен, тем больше ты мне нужна!» – подумал он.

Досада ужалила Корнелия сердитой пчелой. Связной обиделся и сделал охотничью стойку. Чем дольше он всматривался в девушку, тем сильнее путался. Ему было и тревожно, и радостно. Он сам не понимал, что с ним творится. Происходило нечто необычное с точки зрения положения «OFF», в котором находился замученный курьерской беготней Корнелий. И сердце и ум разом сказали «нет», а потом так же разом сказали «да!» И снова «нет», и снова «да».

– Так не бывает! Что-то тут не так! – сказал себе Корнелий.

Переключившись на истинное зрение, он убедился, что эйдос у девушки присутствовал, но немного странный. Точно рассеченный наискось, он состоял из двух половин. Одна из них была яркой и живой, другая – темной, будто обугленной.

Корнелий озадачился. За всё время своего пребывания в человеческом мире он не встречал ничего подобного. В большинстве случаев эйдосы освещались или тускнели целиком, без жестких разделений или границ. Разделенный эйдос – такой же нонсенс, как, допустим, вода, покрашенная в полосочку.

– Ничего себе! – невольно произнес Корнелий, в котором страж света на время заглушил бестолкового собирателя телефончиков.

Так как он стоял близко, девушка услышала и, повернув голову, окинула его быстрым взглядом, после чего вновь отвернулась. Корнелий успел заметить, что глаза у нее были странные, песочного цвета. Зрачки расширенные, без отблеска.

Одно точно: напугана она не была.

– Смывайся отсюда, очкарик! Если еще один поезд пройдет пустым, скоро здесь будет жарко, – бросила она.

Корнелий не обиделся на «очкарика». Своей ботанической внешностью он скорее гордился и всячески ее усиливал. Если у тебя есть внешний недостаток – акцентируй его, и он легко превратится в достоинство.

– Я не очкарик! Я зоркоглазик!.. – поправил Корнелий и быстро уточнил: – В каком смысле жарко?

– Не смотаешься – поймешь! – процедила девушка сквозь зубы.

Растратив все свои интеллектуальные способности на шуточку про «зоркоглазика», Корнелий испытал кризис разговорного жанра. Обычно многоречивый, теперь он сумел связать три предложения, лишь помогая себе овечьим бляньем:

– Хороший пес! С такими никакой конницы не надо! Как тебя с ним в метро впустили?

Девушка не ответила. Она подбежала к краю платформы и, заглядывая в тоннель, прислушалась. Громкий пес прислушивался вместе с ней, повернув голову и насторожив уши. Оба были настолько синхронны, что у Корнелия даже мелькнуло подозрение, не составляют ли оба единое целое.

С грохотом подъехал поезд, но не на эту платформу, а на соседнюю. Девушка на секунду задумалась и рванула туда. Грязный пес спешил за ней большими скачками. То и дело обгонял, оборачивался, проскальзывал. Ту же дистанцию, что и хозяйка, он ухитрился пробежать зигзагами и вдвое бестолковее. В вагон он вскочил первым, выскочил и снова вскочил.

Приотстав, Корнелий помчался за ними и успел в последний миг. Двери хлопнули за его спиной.

– Чуть крылья не прищемило! – сказал Корнелий весело.

Он ничем не рисковал, зная, что ему никто не поверит. Людям с непросветлившимся эйдосом невозможно поверить в крылья, как невозможно ясно увидеть звезды в захватанный телескоп.

Девушка обернулась. В поезде она выглядела повеселевшей.

– А ты что тут делаешь? Ты же ехал в другую сторону! – спросила она.

– У зоркоглазика есть имя. Его зовут Корнелий! А тебя как-нибудь зовут? – незадачливый связной спешил узнать все самое главное, пока состав не разогнался и не начался грохот.

– Как-нибудь зовут. А что, очень важно?

– Для теоретической науки все детали имеют ценность.

Девушка усмехнулась. Когда она смеялась, шрам на ее щеке отползал вниз, и возникал привлекательный зигзаг.

– Ну, Варвара.

– Варвара Краса Длинная Коса?

Лучше бы он удержался, потому что шутка не понравилась.

– Сказок перечитал? Слушай, отвали, а!

Уловив недовольную интонацию, пес угрожающе зарычал на Корнелия, но тотчас получил по морде коленом.

– Добряк, назад! Сказано: не трогать ботана!..

Девушка сорвала с головы черную вязаную шапку из тех, что любят носить туристы, лыжники и диггеры, не раздобывшие еще удобную каску с фонарем. Волосы у нее были короткие, темные. Лежали они неровными прядями и вообще ощущение было такое, что девушка стрижет себя сама.

– Беру свои слова назад! Длинная коса отменяется, – со вздохом признал Корнелий.

– Опять коса? Тебя что, заиклило? Мечтал в детстве заплетать куколкам бошки, а мама покупала машинки?

Корнелий улыбнулся, оценив градус ехидства. Он уже ощутил, что Варвара колючая

как еж, а раз так, то с ней надо быть мягким как колобок. Да и вообще с девушками не спорят. Почти всякое женское мнение условно. Любая девушка сама себя семь раз опровергнет в течение минуты, если дать ее речи изливаться спокойно, не встречая препятствий.

Состав начало побалтывать. Вынужденный сделать паузу, племянник Троила стал оглядываться. Ему было интересно, какое впечатление произвела девушка с громадным псом на остальных пассажиров.

Оказалось – совершенно никакого. На них даже никто не смотрел.

Последний час перед закрытием метро – время, когда никто ничему не удивляется. Этот час принадлежит влюбленным, возвращающимся с романтического дежурства. Еще – печальным дамам с венками тюльпанов или длинной шпагой единственной розы. Еще – подвыпившим красноглазым дяденькам в съехавших набок галстуках, которых культурно выперли из гостей, десять раз вежливо повторив, что завтра чудовищно сложный день. Еще – сонным поварам и официантам недавно закрывшихся кафе. Еще – бодрым дачникам, любящим рискованно успевать на последнюю электричку или запрыгивать на ходу в единственный автобус, с предварительным забрасыванием в его приоткрытые двери рюкзака и тележки. И, наконец, это час зорких карманников, которые сдергивают у уснувших пассажиров мобильники и выхватывают сумочки у грустных дам, всегда оставляя им цветы. В ночном вагоне одни только карманники пытаются казаться правильными и скомпенсированными людьми, и по этому признаку их всегда можно опознать.

Корнелий стоял рядом с Варварой, неуютно отгороженный от нее псом. На плече у девушки висела зеленая брезентовая сумка. Вместительная, надежно и крепко прошитая кожаными шнурами, с мощным ремнем. На такой можно было без особого риска висеть над пропастью, зацепившись ремнем за сук. Корнелий знал толк в вещах, сделанных своими руками. В Эдеме других вещей и нет. Массовое производство и поточные линии освоены исключительно в человеческом мире, где всякий скрыто стремится быть похожим на кого-то иного, разумея под похожестью внешнее сходство.

– Классная сумка! – искренне сказал Корнелий.

Он сам толком не знал, почему ляпнул про сумку. Про погоду было бы некстати. В метро, как во всяком уважающем себя подземье, погоды нет. А искусственные фразочки типа: «Как ты относишься к розовым бегемотикам?» он предпочитал не использовать. В них ощущалась вымученная заученность, присущая лишь тоскливым профессиональным ловеласам. Это с одной стороны. С другой же, на такие вопросы очень просто ответить одним словом: «Никак!» и этим разом обрубить весь разговор.

Варвара, усмехнувшись, посмотрела вначале на свою сумку, затем на очкарика. Ее громадный пес оскалился, будто тоже улыбнулся.

– Нравится, говоришь? – спросила она с интонацией, которую Корнелий не совсем понял.

Ободренный Корнелий потянулся к ремню сумки, желая разглядеть ее поближе. Не успел связной коснуться его даже и пальцем, как что-то больно ударило его по запястью. Корнелий не уловил мгновения, когда девушка выхватила тесак. Так он впервые его увидел – синеватый, многослойный, отлично отточенный, кузнечной, никак не заводской работы. Правда, надо отдать Варваре должное, удар она нанесла тупой стороной. Одновременно снизу, в сантиметре от руки курьера-недотепы капканом щелкнули зубы пса.

Корнелий ошеломленно уставился на зазубрины на клинке. Если бы удар был нанесен чуть выше, он пришелся бы зазубринами.

– Ты что, перегрелась? – сердито крикнул Корнелий.

– Только попробуй еще раз коснуться, и я отрублю тебе кисть! – хладнокровно предупредила Варвара.

Корнелий понял, что это не шутка. Миг – и клинок скрылся в ножнах. Движение было привычным, быстрым, доведенным до автоматизма. Ощущалось, что повторяют его много раз в день, причем не один год.

– Весеннее обострение жадности? Я же только посмотреть хотел! Желаете сделать хорошего человека невыносимым – сделайте его частным собственником, – мстительно сказал Корнелий, потирая ушибленное запястье.

Поезд дернулся, точно налетел на незримое препятствие, и резко остановился в тоннеле, так и не добравшись до «Белорусской». Варвару бросило на Корнелия, и она вынуждена была ухватиться за него. Тот чудом успел вцепиться в поручень и повис, как на турнике. Ноги оторвались от пола. Только пес устоял на четырех лапах, и даже сделал два бодрых прыжка против хода поезда.

По вагону прокатились две дачные тележки, ставшие временно самодвижущимися, и один офисный мэн с лицом упадочного римского императора, выгнанного из гостей. Бедолага проснулся минуту назад и задумчиво маячил перед схемой, пытаясь осознать, сколько кругов он нарезал уже по кольцевой.

Свет мигнул и погас. Вагон погрузился в чернильную тьму. Узкие стены тоннеля сдавили состав. Кто-то зажег фонарик и хаотично скользнул лучом по стеклам. В узком луче света синими толстыми удавами змеились кабели. В соседнем вагоне у кого-то сдали нервы. Корнелий услышал глухой удар, хруст стекла и крик. Вагонное стекло очень толстое. Лопается оно длинными трещинами. Добиться от него бодрого звона – утопия.

Тусклое резервное освещение вспыхнуло только спустя минуту. Одновременно в динамике проснулся хмурый мужской голос, совсем не похожий на тот причесанный записанный голосок, которым объявляются станции:

– Говорит машинист! Линия обесточена. Вскоре поезд продолжит движение! Сохраняйте спокойствие!

– О, приключение! – бодро сказал Корнелий. – Видишь, бояться нечего!

Варвара не разделяла его оптимизма.

– Они просекли, – пробормотала она.

– Они – это кто? – спросил Корнелий с куда меньшим энтузиазмом в голосе.

Только что он мысленно проверил возможность телепортации и озадаченно осознал, что ускользнуть, если потребуется, сможет лишь один. Вытащить Варвару ему не по силам. Верхнее Подземье не его территория.

Девушка не стала уточнять. Казалось, само существование Корнелия выскользнуло из ее сознания.

– А ну отодвинься! Добряк, следи, чтобы нам не мешали! – коротко скомандовала она, толчком локтя отправляя свою сумку за спину.

Вновь достав свой тесак, она стала разжимать двери, действуя им как рычагом. У Корнелия опять появилась возможность оценить многофункциональность этого оружия. Рапира сломалась бы тут быстрее чиха. Да и штык, которые златокрылые порой пристегивают к флейтам, пожалуй, тоже.

– Здесь есть «Экстренное открытие дверей»! – подсказал Корнелий и сразу же получил краткий ответ:

– В курсе. Но мне так не интересно.

– Вы с ума сошли! Задержите их! Они погибнут! Есть тут настоящие мужчины? – крикнула одна из дачниц.

«Настоящие мужчины» робко зашевелились, оглядываясь друг на друга. Один из них двинулся было к ним, подогревая себя покачиванием богатырских плеч, но Добряк показал клыки, и герои предпочли ограничиться репликами из зала.

Разжав дверь настолько, что образовалась узкая щель, Варвара дала псу короткую команду. Пропустив его вперед, она и сама ужом нырнула в тоннель. Корнелий тоже попытался проскочить, но, поскольку Варвара уже выдернула тесак, захлопнувшаяся дверь зажевала его руку беззубыми челюстями.

Не растерявшись, Корнелий ухватился руками за поручень. Легко подтянул ноги, закинул их в открытую верхнюю часть окна и, перевернувшись на живот, скользнул по вагону вниз. Варвара боком пробиралась по узкому тоннелю. За ней бесшумно двигался

угольный пес. Когда он оборачивался, выпуклые глаза отблескивали желтым.

Услышав шаги, Варвара обернулась.

– А ты чего за мной увязался, ботан?

– Корнелий имя ему! – с пафосом поправил связной.

В темноте сверкнула улыбка.

– Оставайся в поезде, Корнелий! Тебя они не тронут! Ты им не нужен!

Корнелий испытал что-то вроде профессиональной ревности. Что это за *они*, которые с легкостью останавливают поезда, которым не нужен светлый страж, но нужна девчонка с большой собакой и здоровенным тесаком? Подогревать вселенную глупыми вопросами он, однако, не стал.

– Я пойду с тобой! – сказал он.

Варвара испытующе посмотрела на него и дернула плечом.

– Иди, если делать нечего. И почаще наступай на тот короб справа! – посоветовала она.

– Зачем?

– Чтобы сразу шарахнуло, когда ток врубят. Меньше будешь мучиться.

Корнелий принял это к сведению. Тусклые огни поезда отползли назад. Теперь они шли быстрее. Шпалы под ногами едва белели. Освещение в тоннеле отсутствовало. В темноте Корнелий услышал, как Варвара открыла сумку. Что-то брякнуло. Вспыхнул большой аккумуляторный фонарь. Похоже, путешествовать в тоннелях было Варваре не в диковинку.

На глаз оценив его вес и размер, Корнелий присвистнул. Теперь понятно, почему в фильмах нередко оглушают часового ударом фонаря. С такими фонарями молоток – явное излишество. Сумка, тесак, фонарь с запасными батареями – девушка была экипирована не хуже любого диггера.

– Слушай, а ты ведь часто бываешь под землей! – сказал Корнелий с внезапным озарением человека, который к концу школы наконец разобрался, что на ноль деления нет.

Варвара кисло оглянулась на него и посоветовала активнее шевелить нижними конечностями. Метров через тридцать она остановилась, чтобы осмотреть технический лючок, в который заползали провода. Изнутри он был опутан белыми нитями плесени. Когда на нее упал свет, плесень задрожала.

– Бесполезно! Узкий! – сказала Варвара.

Черный пес вернулся, сунул в люк нос и вновь быстро побежал по шпалам, изредка попадая в луч фонаря. Варвара шагала следом. Замыкающим, часто спотыкаясь и оглядываясь на короб, спешил Корнелий. Когда фонарь удалялся, он автоматически переходил на рысь.

Что такое луч света, понимаешь только внизу, в Подземье, когда со всех сторон тебя, как конфету, обсасывает пустой и липкий рот мрака. Фонарь – единственная пуповина, которая связывает с верхним миром. Хрупкую и редющую его струйку ты готов прижать к себе, осознать и целовать, как живую. Она и есть живая. Если она оборвется – ты не просто верный труп. Ты труп, отсроченный во времени, что хуже раз в десять.

– А зачем мы пошли в сторону последнего вагона? Вдруг до «Белорусской» было ближе, чем до «Краснопресненской»? – мнительно спросил Корнелий.

– Не исключено, но вперед нельзя.

– Почему?

– Я о том отрезке пути слышала... Ни толковых ответвлений, ни залазов, ни занывров. Даже жалкий отстойник проискать можно с час. Максимум пара вентиляционных шахт. Не факт, что будет куда забиться, если поезд тронется. А он обязательно тронется, как только они разберутся, что нас там нет.

– А следующий поезд? – озабоченно спросил Корнелий. – Мы же идем ему навстречу! И если движение восстановится, то...

– А говорят еще, что все гении передохли! Я же сказала: шевели нижними конечностями! Больше молчи и быстрее топай! – кратко ответила Варвара.

- Ты можешь попытаться не грубить хотя бы три минуты? – мягко спросил Корнелий.
- А ты можешь три минуты не дышать?
- Нет.
- Вот и я не могу!

И снова в луче фонаря замелькали белые ребра шпал. Варвара не бежала, но шагала широко и решительно, шаря фонарем по стенам тоннеля. Пытаясь успеть за ней, Корнелий посбивал о шпалы носки новых туфель и отбил пальцы.

Минут через пять он ощутил вибрацию.

- Слышишь? – спросил он.
- Угу.
- Что это?
- Встречняк! – кратко ответила Варвара. – А заныра всё нет. От короба держись подальше, ботан!
- Что будем делать? Побежим назад?
- «В назаде» мы уже были. Шустрее давай, зоркоглазик!

Оглянувшись на Корнелия, она перешла на бег. Луч фонаря прыгал. Пес большими скачками несясь впереди, возбужденно поскуливая. Дрожь становилась назойливее. Нечто огромное, грозное, беспощадное мчалось им навстречу, пока оставаясь невидимым.

– Мы бежим навстречу поезду! Мы бежим навстречу поезду! – неуклюже прыгая и не веря сам себе, повторял Корнелий.

– Ага! Тарань его лбом прямо под прожектор. Там самое уязвимое место! – услышал он насмешливый совет.

Пес, унесшийся далеко вперед, остановился и глухо гавкнул, точно кашлянул в бочку. Крупные собаки всегда лают неохотно, оставляя это удовольствие визгливой мелочи.

Варвара подбежала и направила фонарь. Справа в стене, утопленная на одну ступеньку, помещалась низкая четырехугольная решетка. Ее замыкал небольшой, но очень вредный с виду замок. Он висел и ехидно покачивался от вибрации. Рельсы плясали. Поезд был уже где-то совсем близко.

Корнелий еще только собирался извлечь флейту и снести его маголодией, а Варвара уже мгновенным движением извлекла из сумки внушительный гвоздодер. Тесак она на этот раз пожалела.

– Олухи! Вечно всё варят, а где не варят, там замки вешают! – сказала она сквозь зубы.

Не связываясь с самим замком, она атаковала гвоздодером одну из петель, сорвала, пнула решетку тяжелым ботинком и сразу же на четвереньках полезла внутрь. За ней, пыхтя и паникуя, нырнул Корнелий.

Пёс скользнул последним. Его черная шерсть на секунду озолотилась. Слепляющий зрак завывающего поезда пронесся по тоннелю. Бетонные стены дрожали. Корнелий зажал руками уши. Связному света чудилось, что по затылку ему барабанят молотом. Грохот втискивался не только в уши, но и в легкие. Все тело сотрясалось.

Поезд уже промчался, а Корнелий все еще жадно заглатывал воздух, уткнувшись лбом не то в бок пса, не то в подошву высокого ботинка Варвары.

– Ты как? Очки не потерял? Иногда бывает, что и волной одной убивает. Как-то вылезла я, где электрички на Мытищи ходят. А там два папаненка банки на рельсы подкладывают. Поезд близко промчался, и их волной шарахнуло. Один встал, а другой лежит. Мертвее мертвого, а на теле ни одной раны! – услышал Корнелий голос из темноты.

Одновременно он почувствовал, что колени и кисти у него увязают в жирной грязи, похожей на мелкие черные водоросли. Грязь эта казалась вполне живой и покрывала не только пол тоннеля. Она была и на стенах, и на потолке. Вонь здесь стояла не то чтобы невыносимая, но глухая, безнадежно-вечная и, по всем признакам, невыветривающаяся.

Ботинок, в который упиралась голова Корнелия, нетерпеливо дернулся, толкнув его в макушку.

– Вылезаем! До следующей громыхалки минут пять. Надо поискать заныр

поприличнее.

– Может, не надо вылезать? – робко сказал Корнелий.

Он готов был сидеть и тут, как улитка в раковине. Только бы не бежать дальше навстречу поездам.

– А что нам делать в водостоке? Устриц разводить? – удивилась Варвара.

– А если вперед проползти?

– Куда? Внизу окажется коллектор для стока в подземную реку, и больше ничего. Тут всякие газы часто скапливаются. Траванешься – я потом тебя не вытащу. Да и пытаться не буду. Разве что очки захвачу на память.

Корнелий послушался и не пожалел об этом. На этот раз им повезло сразу. Метров через двести им встретился полукруглый бетонный закуток, в котором помещался наглухо закрытый распределительный щит. Не слишком высокий, примерно по пояс. Несколько толстых черных проводов изгибались и воровато ныряли в него.

Черный пес легким прыжком перемахнул щит сверху и кашлянул приглашающим лаем. Сразу за щитом начиналась сварная железная лестница. Варвара повернула к Корнелию перепачканное лицо, улыбнулась и внезапно резко ткнула его локтем под ребра. Корнелий согнулся.

– Не понял за что, зоркоочкарик? Профилактика психологических расстройств! Болтай ты чуть меньше – мы дошли бы сюда раньше и не торчали бы в водостоке! Улавливаешь закономерность?

Закономерность связной света удавливал, но вот с методами обучения был категорически не согласен.

Прогромыхав по лестнице с два пролета, они уткнулись в узкую вертикальную шахту, выложенную кирпичом. Вежливо посоветовав Корнелию «убрать бошку», Варвара вскинула фонарь. Луч поднялся метров на десять, рассеялся и заблудился. Шахта казалась бесконечной. По стенке шахты стекала тонкая струйка воды.

Варвара сплюнула сквозь зубы.

– Блин! Засада! Бывают же такие уроды! – сказала она, пиная кирпич ботинком.

Корнелий непонимающе покосился на нее. Заметив железные скобы, он подпрыгнул и, повиснув на одной, убедился, что они прочные. Вскарabкаться по скобам можно было без особых хлопот. На всякий случай он проверил еще несколько.

– Полезли! Давай скорее! – бодро крикнул он, глядя вниз на смотревший прямо ему в глаза круг фонаря.

– Вот сам и шустри куда хочешь! – с досадой ответили ему из темноты.

– Ты чего?

– А своя голова не работает? Мой пес весит сто четырнадцать килограммов. Взгромоздить его на плечи? Или, может, затолкать в сумку?.. Придется возвращаться и искать другой заныр. Я Добряка не брошу!

Корнелию стало неловко. Он разжал руки и спрыгнул на битый кирпич.

– Извини, я болван! – сказал он.

Варвара кивнула.

– Извиняю тебя, болван! – сказала она, явно провоцируя.

Корнелий подавил в себе сильное желание шарахнуть ее маголодией.

– Ну что, идем обратно? – спросил он преувеличенно бодро.

Пес насторожил уши и негромко зарычал в темноту, точно предупреждая о чем-то. Черные губы вновь поползли вверх. Варвара нахмурилась и непроизвольно коснулась ладонью рукоятки тесака.

– Нет! Ни за что! – сказала Варвара.

Теперь она смотрела то на свою сумку, то на Корнелия, словно проверяя, насколько они достойны друг друга.

– Что нет? – не понял связной света.

– Со мной ты не пойдешь!

– Почему?

– Без тебя я выберусь скорее!

Как ни печально Корнелию было в этом сознаваться, он ощутил, что так и есть.

– Ты полезешь здесь! – решительно продолжала Варвара. – Скоро будет проход в бетонную такую будку. Они обычно торчат где-нибудь у шоссе посреди газона. Вентиляция шахт. Двери там нехилые, их не откроешь, но можно попытаться скovyрнуть решетку. Я дам тебе гвоздодер. Он у меня лучше любого лома. Если с гвоздодером не получится, начинай тупо орать жалобным голосом! Рано или поздно тебя освободят, но уже с неприятностями.

Корнелий машинально взял гвоздодер и стал заправлять его под ремень.

– Это еще не все! Не вертись!

Луч фонаря съехал влево. Корнелий ощутил, как на плечо ему повесили сумку. Ту самую, за попытку прикоснуться к которой ему не так давно едва не отсекали кисть. Она оказалась неожиданно тяжелой.

– Если ты уж увязался, сохрани это! Только попробуй где-нибудь бросить или потерять – я заставлю тебя слопать твои очки! Натурально слопать, со стеклами! – без тени юмора предупредила Варвара.

Корнелий благоразумно предпочел не акцентироваться на гастрономических подробностях.

– А что в сумке?

– Неважно. Главное: пока она у тебя, мне они ничего не сделают. Ну я, во всяком случае, так думаю.

– А как я тебе это верну?

– Я сама тебя найду! Скажи только где.

Корнелий продиктовал адрес квартиры Эссиорха. Варвара повторила.

– Если придешь и откроет такой здоровенный в кожаной куртке – это мой слабоумный старший брат. Будет глупо улыбаться и интересоваться насчет телефончиков – можешь ему сразу врезать. Он по-хорошему все равно не понимает, – сказал он.

Варвара рассеянно кивнула. Она запоминала адрес. Убедившись, что память держит его цепко, она подтолкнула Корнелия к скобам и опустила луч фонаря в самую землю, чтобы он не был замечен издали. Секунду спустя она и черный пес исчезли во мраке. Корнелий услышал, как звякнула лестница и всё стихло.

Он остался в крошечной темноте. Неосторожно шагнул, стукнулся лбом и панически стал ощупывать стены. Корнелию чудилось, что он погружен в банку с маслянистой черной краской. Хоть бы искра где-нибудь брезжила! Ничего и нигде.

Это была не та условная, нервно-уточенная темнота, которая бывает ночью в комнате – с серыми неясными тенями, шорохами и кружевными призраками тюлевых штор. Тут царил иной мрак – глухой, равнодушный и пожирающий мрак Верхнего Подземья. Лишь капли воды с равномерными интервалами разбивались о бетон.

Даже представить было жутко, что испытывает диггер-одиночка, случайно разбивший фонарь или оставшийся без запасных батарей. Вот он стоит и понимает, что за ним сюда никто не придет, а вокруг километры каменного лабиринта, ям и трещин.

Вспомнив о флейте, Корнелий достал ее и поднес к губам. Он немного нервничал, и маголодия получилась только со второго раза. Забрезживший слабый свет окутал его, разгоняя мрак примерно на метр в каждую сторону. Различив скобу, он подпрыгнул и быстро полез вверх.

Корнелий карабкался и считал скобы. К тридцать пятой он начал слегка задыхаться. К пятидесятой закружилась голова. Он остановился, перестал лезть и с минуту отдыхал, пытаясь не представлять, на какой он высоте. На семьдесят второй скобе он потерял туфлю. Зацепился, сам себе наступил на носок и не успел подхватить. Туфля сгнула совершенно без звука. Спускаться за ней Корнелий не стал, хотя и было жалко.

Еще скоб через двадцать лестница закончилась, и Корнелий животом выбрался на ровную площадку. Здесь он обнаружил гниющий матрас, несколько расплывшихся в

цветную кашу журналов и молодую, с розовым хвостом крысу, смотревшую на него без страха и любопытства. Корнелий топнул на нее ногой. Крыса не испугалась, но всё же на всякий случай удалилась, часто оглядываясь, как отрешенный от житейской суеты интеллект при встрече с буйным и беспокойным дураком. Сверху двумя ручейками втекал слабый и синеватый ночной свет, и шло пролета четыре лестницы без перил.

Где-то рядом мерно гудел вентилятор, однако дуло не сказать чтобы очень сильно. Моргать, правда, приходилось часто. Глаза пересыхали. Их забивало непрерывно сыпавшимся сверху мелким мусором.

Поднявшись, Корнелий некоторое время безуспешно провозился с гвоздодером, прищемил себе палец, сдался и прибегнул к помощи флейты. Шагнув наружу, он прищурился от яркого света.

Грязный и потный, с поцарапанными ладонями, без одной туфли, с штанинами мокрыми выше колена, он стоял у бетонной будки недалеко от моста. Внизу, в нескольких метрах, проносились машины. Позади, через узкий асфальтовый перешеек, тянулся длинный, сталинской постройки дом. Во всем доме горело окна три, не больше.

Сумка, врученная Корнелию на хранение, оттягивала плечо. Он с легкой досадой толкнул ее коленом, и тотчас услышал раздавшийся из сумки негодующий звук. Корнелий некоторое время поколебался, но, вспомнив, что не давал клятвы, открыл ее.

В сумке он обнаружил большой пакет с сухарями, порезанными крупно и довольно неаккуратно, но зато круто посоленными; длинную веревку, плоскогубцы, ручную дрель, пару зажигалок, фляжку с водой, набор отмычек и толстые рабочие рукавицы. Одна из рукавиц была значительно тяжелее другой. Перевернув ее, Корнелий осторожно вытряхнул на ладонь что-то круглое. Поднес к свету и присвистнул.

На ладони у него лежала отбитая мраморная голова.

Размером голова была примерно с кулак взрослого человека. Скол наискось проходил по шее и захватывал часть ключицы. Короткий нос, впалые виски, четкие завитки каменных волос – все это было почти прекрасно, но по непонятной причине мраморная голова произвела на Корнелия отталкивающее впечатление.

Он напрягся, пытаясь сообразить, что вызывает у него такое чувство и вдруг понял. Рот. Длинный, тонкогубый, старческий, он провисал краями вниз, придавая голове сходство с лягушкой.

Внезапно веки поднялись, и Корнелий увидел стылую пустоту. Точно смотришь в темный колодец и понимаешь, что камень никогда не долетит до дна.

Жабьи губы разомкнулись.

– Назови мне своё имя, незнакомец! – произнесла мраморная голова пограничным голосом, который мог принадлежать как взрослой, чуть охрипшей женщине, так и юноше-подростку.

– Демосфен я! – сказал Корнелий.

– Теперь я знаю твое истинное имя, Демосфен! Берегись, несчастный! Твоя жизнь в моих руках!

Корнелий застучал зубами сначала сильно, а затем подумал, что может отколоться эмаль, и поубавил рвения.

– Пожалуйста, не убивай меня! Ты кто? – взмолился он.

– Я не КТО, а ЧТО, – назидательно поправила каменная голова.

Глава 4

Mutatis mutandis¹

Убитых им (дядей) на дуэлях он насчитывал одиннадцать

¹ С соответствующими изменениями (лат.).

человек. Он аккуратно записывал имена убитых в свой синодик. У него было двенадцать человек детей, которые все умерли в младенчестве, кроме двух дочерей. По мере того как умирали дети, он вычеркивал из своего синодика по одному имени из убитых им людей и ставил рядом слово «квит». Когда уже у него умер одиннадцатый ребенок, прелестная умная девочка, он вычеркнул последнее имя убитого им и сказал: «Ну, слава Богу, хоть мой курчавый цыганенок будет жив».

М.Ф. Каменская «Воспоминания» (о графе Федоре Толстом)

Ната осторожно отняла ладонь от носа. Против ожидания крови на ладони не наблюдалось – только две небольшие капли. Дверь, которую захлопнул барон мрака, еще дрожала.

– По-моему, Арей тоскует без Мефа, – сказала она.

– Подчеркиваю! С чего ты решила? – деятельно уточнил Чимоданов.

Он сидел на полу и озабоченно ощупывал отшибленное бедро. Будь удар нанесен боевым клинком, он уже истек бы кровью. Чимоданов давно усвоил, что любая рана в ноги зачастую опаснее раны в корпус. Слишком много там проходит крупных кровеносных сосудов.

– Ему некого бить, и он колотит нас утром и вечером, каждый день, – пожаловалась Ната плаксиво.

– Может, всё-таки тренирует?

– Сплошными спаррингами? Один на один, один против двоих, мы все против него?

– А ты какие тренировки хотела?

– Спокойное что-нибудь, с теорией, с записями в тетрадь, – мечтательно сказала Вихрова. – Как называется тот удар, как называется этот... Тесты всякие. Ну там какое спортивное оружие имеет вес до 770 г, клинок длиной до 90 см треугольного сечения и круглую гарду диаметром не более 13,5 см?

– Телескопическая дубинка? – лениво предположил Чимоданов, которому лень было опознавать шпагу.

В любом случае Вихрова куда чаще пользовалась рапирой, утверждая, что от шпаги у нее руки отвисают и становятся длинными, как у обезьяны. И это при том, что разница в весе между рапирой и шпагой всего в двести граммов.

– Разве можно бить девушку по лицу? – продолжала бунтовать Вихрова.

– Он тебя не бил по лицу. Только показал дыру в защите. Показал же, да? – привычно засомневался Мошкин.

В голосе у него ощущалось довольство. Сегодня он дважды достал Арея шестом в схватке один против троих. В первый раз, когда тот слегка подвис, атакуя Чимоданова, а во второй случайно, когда, лихорадочно отступая, наносил шестом предупреждающие сближение тычки.

– Ну да... Тебе хорошо говорить! Знай только держи дистанцию и долби! Это тебе любой дурак скажет, что из двух детсадовцев больше дерется тот, у кого лопатка длиннее, – пробурчал Чимоданов.

Хотя он и часто поддевал Мошкина, на самом деле же относился к нему дружески. Во всяком случае, настолько, насколько вообще был способен на это чувство. Во многом происходило это потому, что они были абсолютно разные, а умения их и таланты не пересекались.

Единственный универсальный принцип мужской дружбы – дружба, в которой каждый признает главенство другого в чем-то. Один – главный по всему, что имеет руль и тормоза, другой – признанный спортсмен, третий – эрудит, знающий, как звали тещу императора Нерона, четвертый, допустим, дальше других плюет вишневыми косточками.

– А что у него за портрет в кабинете появился? Раньше вроде не было, – неожиданно спросил Чимоданов.

– У Арея? Какой портрет?

– Телка в старинном платье, довольно не уродливая, и рядом девчонка. Девчонка к ней жметя, типа ща нас замочат! – а та ее по башке гладит, – сказал Петруччо.

У него было странное свойство: всякий раз, как он бывал чем-то тронут, он становился нарочито грубым. Защитным цинизмом заглушал всякое ненормированное движение сердца.

– Это дочь и жена Арея, – насмешливо глядя на него, сказала Ната.

Она знала все и всегда, хотя внешне и притворялась рассеянной.

– Которых убил Яраат?

– У него других и не было, – подтвердила Вихрова. – Как ты там сказал? Телка в старинном платье? Ща нас замочат?

Чимоданов прикусил язык и пугливо осмотрелся. Если бы в этот момент со стены сорвалась одна из двух висевших алебард и надвое развалила бы ему голову, он бы счел это вполне закономерным.

Он был не то чтобы осёл. Просто слишком долго маскировался, а когда хотел врубить заднюю передачу, оказалось, что шкура уже приросла. Так и остался вроде умник, но с ключьями ослиной шерсти.

Петруччо мало склонен был копаться в себе. Служба мраку его вполне удовлетворяла. Лишь изредка возникало ощущение, точно он сел не в свой автобус, а когда опомнился, отъехал так далеко, что возвращаться не имело смысла.

Покинув фехтовальный зал, появившийся в подвале резиденции на Большой Дмитровке несколько месяцев назад не без участия пятого измерения, служащие мрака поднялись наверх. Улита прохаживалась по пустой приемной с унылым видом. Заметив их, она подошла к столу и энергично хлопнула печатью по первой из подвернувшихся бумажонок.

– Тоскливенько! Суицидненько! Прямо не апрель, а ноябрь какой-то недоношенный. Кто-нибудь, кроме меня, еще собирается вкалывать или других трудоголиков на складе не нашлось? – поинтересовалась она.

Секретарша русского отдела мрака тренировалась в последнее время нечасто – раза три в неделю. Не то чтобы внаглую отлынивала, но находила постоянные убедительные отговорки. То ей надо было принимать отчеты, то, используя арендованный асфальтовый каток, учить комиссионеров деловой порядчности, то ехать с Мамаем на другой конец Москвы за кожей для пергаментов.

Арей на уловки не покупался.

– Когда у кого-то находится слишком много уважительных причин, это подозрительно. Истинно занятый человек всегда свободен. Хочешь быть смертницей – будь ей, – говорил он.

Улите было всё равно. Она и без того ощущала себя смертницей. В глазах у нее стояла зимняя тоска, а на сердце была осенняя слякоть. Было ли это как-то связано с Эссиорхом, или ее тяготило двойственное и выпивающее душу положение ведьмы, никто не допытывался. Главное, что чувства юмора она не потеряла. Только им и спасалась.

Чимоданов сел за стол и попытался по-хозячьи зарыться в бумажки, однако желания работать у себя не обнаружил. Настроение было нелопатное. Он зевнул до щелчка челюстей и поинтересовался у Улиты, что нового в главной конторе. О чем сплетничают джинны, принимающие под роспись инкассаторские брезентовые сумки с эйдосами?

Улита лениво присела на край стола Петруччо.

– В Канцелярии Тартара все на ушах. Один из мелких крысенышей счел себя обиженным. За очередное тысячелетие службы ему вместо пятидесяти нормальных премиальных эйдосов выдали пятьдесят гнилых! Крысёныш обозлился и решил отомстить. Он выкрал у Лигула нечто важное, к которому имел должностной доступ, и попытался скрыться в человеческом мире.

Глазки у Чимоданова загорелись.

– Что, серьезно? Не врешь? А почему он не телепортировал?

– Телепортировать вместе с *этим* он не смог, и потому бежал через Хаос. Пропажи хватились сразу, а так как исчез и канцелярист, то концы увязались быстро. Выслали в

погоню Черную Дюжину. Настигнуть его удалось только в Верхнем Подземье.

– Убит, конечно? – с относительной уверенностью спросил подошедший Мошкин.

– Покончил с собой, предварительно разбив свой дарх и попытавшись растоптать все эйдосы. Разумеется, Черная Дюжина всё равно их собрала и присвоила, – уточнила Улита.

– Хм... А что он украл, нашли?

– Нет, хотя тело обыскали тщательно. Должно быть, успел избавиться. Подозревают даже, что вор, когда почувствовал погоню, мог разбить *это* на части и попытаться спрятать по отдельности.

– А совсем уничтожить?

– Невозможно. Самое большее расколоть на две-три части.

В дверь робко заскреблись виноватым котиком. Это шеф-повар, некогда отдавший в залог свой эйдос, привез в фургончике еду. Горячий обед отдувался жаром. Круглый повар тоже отдувался, но уже от беспокойства. В последний раз Улита пригрозила, что если котлеты снова будут холодные, то она собственноручно перекрутит его на фарш. И вот теперь котлеты были точно из недр вулкана. Есть их было невозможно.

– Лучше б не угрожала! – пробормотала Улита.

Пока повар оставался в резиденции, к скользкому разговору благоразумно не возвращались. «Не выноси сора из избы! Самим меньше достанется!» – любил повторять Арей.

Чимоданов питался очень своеобразно. Вначале выедал глаза у яичницы, затем говорил, что вообще-то сыт, а потом съедал все без остатка. Рядом с его тарелкой обычно сидел Зудука и, дожидаясь, пока хозяин отвернется, пытался подсыпать соли или перца. Когда он окончательно надоедал, Петруччо сажал его в кастрюлю, прижимал крышку чем-нибудь тяжелым, и Зудука сердито булькал внутри.

– Надоели вы мне все со своей любовью! Слушать противно, – ближе к концу обеда внезапно взбrehнул Чимоданов.

Улита перестала есть и медленно подняла одну бровь. Насколько она помнила, о любви никто и не заикался.

– Ау, родной! Очнись! Ты похож на болящую старушку, которой всюду мерещатся целующиеся парочки, – сказала она.

Чимоданов ткнул в Мошкина пальцем.

– Это всё он! Он знает! – произнес Петруччо.

Мошкин побагровел. Он и в самом деле не выдержал и заговорил с Петруччо о любви. Просто не с кем больше было. Правда, случилось это еще утром. Хотя до Чимоданова многое доходило, как до жирафа. Бывали случаи, когда он принимался отвечать на вчерашние и даже позавчерашние вопросы.

– Ну хорошо. Вернемся к любви. И что именно вам противно, многоуважаемый? – вежливо спросила Улита.

– Ну что тебе подходит единственный человек в мире и если пропустишь его, фигово будет. Так, что ли? – насмешливо спросил Петруччо, косясь на Мошкина.

– Примерно, – осторожно согласился Евгеша.

Как раз это и было утренней темой.

– Чушь насчет единственного. Если начерно прикинуть, какое там население России? Сто сорок миллионов плюс-минус? Так?

– Так.

– Человек живет в среднем семьдесят лет? Верно?

– Допустим.

– Сто сорок делим на семьдесят. Значит, на год жизни приходится два миллиона голов. Выходит, наших ровесников, семнадцатилетних, худо-бедно два миллиона. Если считать, допустим, от пятнадцати до двадцати лет, с запасом, то и все десять миллионов. Но пусть будет даже два миллиона, шут с вами! Из них девушек половина, то есть миллион. Девятьсот пятьдесят тысяч (опять же с запасом!) отбракуем – ну там обе ноги левые, фигура как у

шахматного коня или характер скверный.

– У тебя зато прекрасный! А фигура как у шахматного осла: конем даже и не пахнет! – не выдержала Ната.

Чимоданов не стал спорить. Ему важно было досказать мысль.

– Вот и получается – пятьдесят тысяч единственных и неповторимых. Даже если ты нравишься каждой десятой, то эти пять тысяч твой стратегический запас. Так или не так?

– Нет, дорогуша! Не так. Ты и каждой тысячной не понравишься, да дело даже и не в том! – сахарным голосом сказала Улита.

– А в чем? – озадачился Чимоданов.

– В твоих поисковых запросах, – отрезала ведьма. – Ежу понятно, что чем проще запрос, тем больше вариантов! Я сто раз уже об этом говорила. Если тебе нужен просто брюнет – вариантов миллион. Если же брюнет со стеклянным глазом и деревянной ногой, играющий на рояле и любящий на завтрак волнистых попугайчиков, вариантов оказывается нуль целых фиг десятых. Вот и получается, что такая амеба, как ты, Чимоданов, пару найдет всегда, а девушка с претензиями, не желающая лопать, что дают, не найдет её никогда. Усвоил?

– Меня брюнеты со стеклянным глазом... – горделиво начал Петруччо, однако его взаимоотношения с брюнетами так и остались непроясненными.

Послышался старческий кашель, и в приемной появилась Мамзелькина. Деловито шаркая, она подошла к столу и остановилась, опираясь на зачехленную косу. Маленькие щечки в узелках жилок полыхали.

– Ну! Здоровы будете, хозяева дорогие! – сказала она с особой намекающей интонацией.

Улита сразу вскочила и вернулась с кружкой, в которой плескала медовуха. Это была дань, за которой Аида Плаховна регулярно являлась на Большую Дмитровку.

У Мошкина кусок застрял в горле, когда старушка многозначительно пожелала ему приятного аппетита.

– Хорошо жуй, милоч! Радуйся! Я ведь многих жующих видела, по работе-то. Ест себе человек как ни в чем не бывало, зубочисткой ковыряет, ротик салфеткой утирает... А скажи ему, что обедец-то последний, небось передернулся бы, – сказала она жалостливо и погладила Мошкина по голове сухой ручкой.

Нервный Евгеша уронил вилку.

– Обмельчали люди! – продолжала Мамзелькина. – Меня вон и то боятся! А чего меня бояться? Я что, страшная? Вот ты скажи! Страшная я?! – высохший палец ткнул в Вихрову.

Ната поспешно замотала головой.

– Н-нет!

– Вот видишь! Правильно девушка говорит: не страшная! Она-то толк знает! – успокоилась Мамзелькина. – Двести годков назад человек-то как умирал? Придешь за ним, а он письмо пишет. Вдохновенный такой, в белой рубаше, свеча на столе горит. «Ну что, скажешь, родной? Расписался ты что-то. Идем, пора, дуэль у тебя!» Он кивнет и в путь. Глядишь, и часу не прошло, а уж ухлопали молодчика... Или на бранное поле придешь, а там батальон под огнем. Сидят на травке, шутят, покуривают, приказа дожидаются, а вокруг ядра лопаются. И ни в одном ни капли страха. Прямо коса не поднимается!

Мамзелькина отхлебнула медовухи и закашлялась. В узеньких глазах появилась влага.

– А сейчас что? Вот чикну сейчас, к примеру, тебя. По ошибке! Пуцай потом премии лишают! – пальчик нацелился в задрожавшего Петруччо. – Ей-ей, чикну! Так ведь орать будешь, пищать, отговариваться! Дела, мол, у тебя, квартира без ремонта, за машину задаток дал.

– Нет у меня машины и квартиры! Вы меня с кем-то пу... пу... пу... – лязгая зубами, выговорил Чимоданов.

Увлечаясь Мамзелькина его не услышала. Она нашарила косу и нехорошо потрогала брезент. Мутный взгляд скользил по шее Петруччо, будто примериваясь для удара.

Чимоданов гибко, как змея, соскользнул со стула и спрятался под стол.

Довольная Мамзелькина задрезбжала смешком, как треснутая копилка.

– Ну и дурак! Осел потому что! Живешь, а не знаешь, что смерти нет.

– Как нет?

– А так и нет! Я есть, а смертушки нету. Понял загадку?

Петруччо замычал под столом. Аида Плаховна вздохнула.

– Вылезай! Пошутила я! Пословица у меня такая: с косой не пошутишь, на кладбище не похихикаешь!

Мамзелькина допила медовуху и поставила кружку на стол. Звук от кружки был отчетливый, сухой, точно финальная точка. Она посмотрела на Улиту и, мгновенно переключившись, стала деловитой:

– Арей у себя?

Улита подтвердила, что у себя.

– Как у него настроение?

Ведьма качнула руками, точно чашами весов.

– Неважное.

Аида Плаховна удовлетворенно кивнула. Она больше не притворялась пьяной.

– Сейчас взбодрим! – пообещала она, со звуком старого наждака потирая сухие ладошки.

В приемной мрака запахло хризантемами. Мамзелькина дернула лямку рюкзака и зашаркала к кабинету на стреуголенных старостью ножках. Едва дверь закрылась, Улита, Чимоданов и Ната, переглянувшись, кинулись следом: подслушивать. Не прошло и десяти секунд, как брошенный Ареем метательный нож пробил дерево насквозь. Начальник русского отдела мрака отстаивал свое право на конфиденциальность.

* * *

Барон мрака сидел в кресле и, откинувшись, смотрел в потолок остановившимся взглядом. Он пребывал во власти уныния, от которого не свободны и стражи мрака, хотя сами выпустили его когда-то в мир. Даже Мамзелькиной, не страдавшей впечатлительностью, показалось, что перед ней не начальник русского отдела, а вывернутая наизнанку и покрытая плотью черная дыра, которая чем больше пожирает, тем пустее становится.

Услышав, что кто-то вошел, Арей недовольно повернулся к двери.

Мамзелькина заохала. Началась обычная старушечья игра в уговоры. Аида Плаховна кокетничала, говоря, что заглянула всего на минутку. Упрямилась, пугалась предложенного стула и отказывалась от медовухи, уверяя, что с ее давлением пить нельзя.

– И давно бросила? – спросил Арей, устало втягивая ноздрями знакомый запах.

– Да только что последнюю допила и завязала!.. По Тартару ползает, гаденыш! Как меня увидит, язык высовывает. Издевается! Ну ничего! Попросит он меня о чем-нибудь!

– Кто?

– Да змий зеленый! – пояснила Мамзелькина.

– Аида! – сказал барон мрака. – Как давно ты меня знаешь? Так вот: я знаю тебя ровно столько же!

Мамзелькина вздохнула, поправила обострившийся носик и, оттолкнув косой стул, вытребовала себе кресло. Усевшись в кресло, она скосила красные глазки на портрет жены и дочери Аррея и как ни в чем не бывало перевела разговор на то, что весна в этом году холодная.

– Холодная, так погрейся! – сказал Арей. – Где взять, чтобы налить, ты знаешь.

Аида Плаховна зарумянилась. Она предпочитала немного больше политеса. Налив себе медовухи, она уютно угнездилась в кресле, высоко подняв костистые колени.

Пользуясь молчанием, барон мрака лениво взял из стопки писем верхнее. Распечатал

его, просмотрел и безгласно оттолкнул от себя ногтем.

– Что там? – спросила Аида Плаховна.

– Донос, – сказал Арей. – Культурный такой, в закругленных уведомительных выражениях, но сути это не меняет. Один компаньон сообщает о другом. Мрак им выделил кое-какие средства на некий, скажем там, сомнительный с этической точки зрения проект, а тот, второй, перетрусил и часть «темных» денег перевел на интернат для глухих. Благотворительностью занялся. Доперло, наконец, что раз есть тьма, то есть и свет. Математическое мышление проснулось. Забавный жулик, не так ли? Хочет и там, и тут подстраховаться. А если бы свет ему денюжат подкинул, тогда как? Всю сумму на добрые дела, а на сдачу открыл бы в центре города ночной клуб для наркоманов?

Мамзелькина булькнула в чашку с медовухой.

– Но не об этом деляге речь, – продолжал Арей. – Его, конечно, сурово накажут, да и интернату подачка не пойдет впрок. Сегодня там сгорит гараж, и убыток будет примерно на сумму пожертвования. По определению невозможно, чтобы деньги крови послужили свету. Мне другое любопытно, а именно мотивы приятеля, который донёс. В чем лично его логика и где лично его выигрыш?

Мамзелькина вскинула голову и настороженно посмотрела на Арея. Тот, отлично поняв ее удивление, осклабился. Начальник русского отдела был не совсем типичный страж мрака. В отличие от совсем уж кондовых начальников Тартара он способен был изредка видеть себя со стороны и довольно трезво судить о себе. С другой стороны, такая сторонняя объективность мало что ему давала, поскольку он не мог уже измениться.

Откровенность накатывала на мечника волнами, захлестывала его, как лежащий в полосе прибоя камень, и откатывалась назад в море, оставляя камень на прежнем месте.

– Не думай, что я перековался, Аида! Я страж мрака, и мне плевать, что измена мерзость! Всё, что плохо людям, для меня по определению хорошо. Но, строго между нами, на что надеются предатели? Измена же никогда не окупается!! Назови мне хоть одного предателя в истории, который хоть когда-то что-то выиграл? Пусть даже и во временной жизни, не говоря о вечности?

Мамзелькина сложила ладошки подозрительной трубой и, продолжая дребезжать хохотком, через дырочку посмотрела на Арея.

– Насколько я помню, с Яраатом ты уже расплатился! – сказала она.

Ноздри Арея едва заметно раздулись. Кожа под усталыми, с красными прожилками глазами стала цвета желтой восковой бумаги.

– Давно хотел тебя спросить: ты ведь тоже там была? – спросил он без всякого выражения, не глядя на Мамзелькину.

– Где, Арейшечко? – наивно пропела старушка.

– Там и тогда.

Аида поняла, что ей не отвертеться, и голос ее, до сих пор сладкий, стал жестким, как курица, умершая своей смертью во время марафонского забега.

– А ты будто не знал, что была? Уношу всегда я, даже когда основную работу сделали за меня другие.

– А оставить их ты не могла? Для меня? – спросил Арей еще тише.

Будь на месте Мамзелькиной Мошкин или даже Ната, они бы уже лежали в обмороке. Однако Аиду не так просто было смутить. Она только с беспокойством заерзала и сослалась на проклятую работу. В разнарядке, мол, черным по белому всё прописано, а разнарядка «официальный документ».

– Если б не она, я бы, может, котят на продажу разводила. Сиамских. Я ведь тоже, Арейшечко, это пойло не от счастливой жизни глотаю! Так-то вот! – надрывно сказала Плаховна, присасываясь к кружке медовухи, точно канализационный насос к засору в трубе.

– Врёшь ты всё, Аида! Не продавала бы ты никаких котят. Они бы у тебя в руках передохли! – сказал Арей.

– Это еще почему? А вот и продавала б! – вскипела Мамзелькина, готовая охранять

свою мечту с косой в руках. Как многие серийные убийцы, она была сентиментальной.

– Ой, брось, Аида! Любая игра в «если бы» – наша пропаганда! Оправдывающий себя быстрее скатывается. Многим кажется, что они плохие потому, что кто-то в этом виноват. Сильные духом сохранили бы свой дух даже в зоне за полярным кругом. Гнилые же ухитрились бы сгнить даже на Гавайских островах, в гамаке под пальмой! – сказал Арей, роняя слова отчетливо и по одному, точно бусины на полировку.

Заметно было, что не мораль его терзает, а собственная боль, огнем выжигающая его изнутри. Он оглянулся, привстал с кресла, застыл. Женщина с немного длинноватым, усталым лицом грустно смотрела на него с портрета.

– Почему? Для меня, Аида! – повторил Арей.

– Ишшо чего! Я их, может, для тебя и унесла! – вдруг сказала Мамзелькина совершенно трезвым, точно и не было никакой медовухи, голосом.

– ДЛЯ МЕНЯ? – страшно повысил голос Арей.

В тесном кабинете дохнуло Тартаром. Дрогнули и осыпались звонким горохом стекла в резиденции. Затрещали стены, заходили ходуном балки. Мелкой дрожью затряслось все проклятое логово мрака на Большой Дмитровке. Съежился и на глазах впал в ничтожество весь несчастный тринадцатый дом.

С жестяным звуком на Большой Дмитровке столкнулось несколько машин. Померк и выцвел размытый московский закат. Страшный меч, точно сам собой устремившийся к голове Аиды, замер на расстоянии волоса.

Мамзелькина смотрела на Арея с ухмылочкой, прилипшей к тонким губам. Эпилептический припадок дома ее не впечатлил. Мужские игры с металлическим ломом не устроили. В кружке даже медовуха не плеснула.

– А ведь ежели б ты меня убил, енто был бы логический казус! Кто б меня унес? – сказала она.

Старушенция обожала прикрывать свой ум простотой речи. Легко могла цитировать Вергилия, однако и в мусорном баке не прочь была порыться зачехленной своей косой.

– ПОЧЕМУ ТЫ СДЕЛАЛА ЭТО ДЛЯ МЕНЯ, АИДА?

Плаховна деловито затопала к бочонку с медовухой. Нацедила в кружку, выловила костистыми пальцами соринку и укоризненно отщелкнула ее в сторону.

– Я лишь ускорила неминуемый финал. Ты не задумывался, откуда у тебя вообще могли появиться жена и ребенок? Это же противоестественно для стража мрака. Жена еще ладно, спишем на страсти, но ребенок? Детей дает только свет. Но ведь не мог свет дать их тебе? Согласен?

Арей не то кивнул, не то судорожно дернул головой.

– Значит, всё дело в том начальном свете, который тогда еще – возможно! – оставался в тебе самом. В последнем его отблеске! Он сумел зажечь ту женщину любовью к тебе и даже произвести новую жизнь, после чего погас окончательно. И никогда уже не загорится!

– Это так. Даже Лигул не всегда был горбуном. Хотя к чему это теперь? – глухо согласился Арей.

– А каково было им, зажженным, рядом с тобой, погасшим, ты подумал? Живым рядом с мертвым? Точно в гробу с покойником! Ты таскал их за собой по гнилым болотам, прятал в норах, убивал у них на глазах... Посмотри!

Арей оглянулся. Женщина на портрете отвернулась, будто избегала его взгляда. Ребенок прижимался к матери, скрывая лицо. Казалось, он прячется не только от Мамзелькиной, но и от своего отца.

– И Яраат, получается, оказал мне услугу! А потом появилась ты со своим трупным списочком и предала тому, что сделал этот мясник, официальный характер, – горько сказал Арей. – Сгинь, Аида! Уйди, гуманная ты наша старушонка!

Плаховна хихикнула. Как большинство слуг мрака, обижалась она редко и всегда не там, где можно было это предугадать.

– Мой тебе совет, Арей, убери портрет! Спрячь его там, где ты прятал его раньше! И

осторожнее с памятью! Когда долго ковыряешься в памяти – просыпается совесть. Начинаешь возиться с совестью – вылезают любовь и жалость. А для нас с тобой, Ареюшко, они смерть. Сердца-то у нас мертвые, сухие. Не ровен час ковырнешь, так прахом распадутся.

Арей начал отвечать, но что-то отвлекло его. Он оборвал фразу и, скатившись с кресла, приготовился к отражению атаки. Тусклый зазубренный меч вновь вспыхнул в его руке, похожий на мертвенный лунный луч, когда он пробивается ночью в щель между шторами.

Аида уронила кружку с медовухой и засуетилась, звякая косой. За окном повисла боевая двойка златокрылых. Один из них заканчивал разрезать строительную сетку примкнутым к флейте штыком. Заметно было, что находиться рядом с резиденцией мрака ему неприятно. Напарник, зависнув метрах в трех позади, страховал его, держа у губ флейту. Одно неосторожное движение Арея, и он выдохнет маголодию.

Первый златокрылый был светловолосый, с горящими глазами и впалыми щеками аскета. Второй, напротив, упитанный и очень деловитый. Арей невольно усмехнулся, оценив, как грамотно подобрана двойка. Теория и практика. Мысль и ее воплощение.

Арей, помедлив, опустил меч. Он уже сообразил, что имей светлые враждебные намерения, они начали бы обстрел резиденции еще издали, не связываясь с сеткой. Мамзелькина подпрыгивала за спиной у Арея и, колотя его ручкой косы по спине, тоже выражала желание видеть, что происходит за окном.

– Что вам здесь надо, просветленные вы наши? Вербоваться пришли? Сегодня неприятный день! – с вызовом поинтересовался Арей.

Не отвечая, тот страж, что завис у сетки, спокойно извлек из-за пояса свернутый пергамент и, надев его на штык, протянул Арею, оставаясь вне границ резиденции. Барон мрака вскочил на подоконник и, легко ударив своим мечом по штыку, подхватил слетевший пергамент.

– Что это? Письмо запорожцев турецкому султану? – поинтересовался он, но вновь не удостоился ответа.

Светловолосый страж повернулся к страховавшему ему напарнику, кивнул, оповещая, что всё закончил, и оба, сорвавшись с места, в одно мгновение набрали огромную высоту. При этом деловитый страж не удержался и снайперской маголодией, на лету, обратил в кляксу пластилина ковылявшего к резиденции комиссионера.

Оценив точность маголодии и сопоставив ее со скоростью, на которой она была выпущена, Арей легонько присвистнул.

– Кто-то из спецов! Приятно всё-таки, что для передачи мне бумажек не посылают кого попало, – сообщил он, соскакивая с подоконника.

– Боятся! – льстиво пропела Мамзелькина.

– К сожалению, нет. Даже гибель их не страшит. Они преспокойно сливаются с абсолютным светом, зная, что вечно будут существовать в нем. Но всё же это был профессионал. И это мне немного льстит, – сказал Арей, срывая с пергамента печать.

«Россия, Москва
Большая Дмитровка, 13
Начальнику русского отдела мрака
мечнику Арею

Немилостивый государь!

Взяться за это письмо стоило мне немалых колебаний. Мне непросто писать тому, кто осознанно служит Тартару, однако Вы имеете право знать. Способ, которым Яраат изъяс эйдосы у Ваших жены и дочери (метод вынужденного отречения под угрозой смерти близкого человека), являлся совершенно незаконным.

По предвечному закону, нет ни одной несправедливости, даже вопиющей, которая не послужила бы в конечном счете к благу тех, кто ей подвергся. Так

случилось и на этот раз. Мрак не сумел удержать у себя эйдосы ваших родных, хотя и прилагал для этого все возможные усилия. Некоторое время назад их эйдосы были возвращены Эдему.

Эйдос вашей много выстрадавшей супруги в настоящее время находится у нас. Для Вас он навеки потерян. Гораздо сложнее вопрос с эйдосом Вашей дочери. Он еще незрелый и неопределившийся, вдобавок, как Ваша дочь, девочка имела несчастье испытать на себе сильное начальное влияние мрака. В результате оставить ее эйдос у себя свет в настоящее время не может. Передавать же его вновь в руки Тартара, разумеется, не входит в наши планы.

В результате было принято решение, создавшее уникальный прецедент. Вашей дочери возвращено ее тело, и она перемещена в человеческий мир для окончательного определения судьбы эйдоса.

Хотя это, несомненно, вызовет у вас сильное раздражение, по причинам, которые Вам, безусловно понятны, мы не сможем сообщить вам ни где находится Ваша дочь, ни даже ее теперешнее имя. Отмечу только, что беспокоиться о ней не следует. Скажу даже больше: Ваша дочь находится в человеческом мире уже несколько лет. Я намеренно медлил с написанием этого письма, чтобы убедиться, что девочка Ваша, рожденная совсем в другую эпоху, вполне может вписаться в контекст современной жизни и совершать поступки, хотя и не бесспорные, но всё же осмысленные.

За время пребывания в Тартаре и затем в Эдеме эйдос продолжил свое развитие, так что теперь, разумеется, Ваша девочка значительно старше, чем была в момент, когда вы разлучились.

Искренне убежден, что Вы не пожелаете дочери своей участи и не станете разыскивать ее, с тем чтобы переманить на сторону мрака. Кроме того, надеюсь, что, пройдя через горнило ни для кого неминуемых земных испытаний, Ваша дочь изберет путь света.

*Руководитель отдела незаконных изъятий эйдосов,
Эней Анхизид,
светлый страж первого ранга»*

Прочитав письмо, Арей рванулся к окну в надежде нагнать златокрылых, но, поняв, что это бесполезно, застыл. Пергамент подрагивал у него в руке.

Аида Плаховна попыталась заглянуть в пергамент через его плечо, но мечник коротко оглянулся на нее. Увидев его перекошенное лицо и оскаленные зубы, даже прошедшая огонь, воду и медные трубы Плаховна испугалась.

– Ты точь-в-точь Цербер, когда Лигул бросает ему мясо! Прямо от страха померла б, да некому меня таш-ш-шить будет! – сказала она, отпрянув.

Арей не ответил. Едва ли он вообще слышал Мамзелькину. Он то резко опускал руку, то вновь поднимал пергамент к глазам. Казалось, он в одно и то же время хочет и разорвать его, и боится лишиться единственного, что связывает его сейчас с дочерью.

Громадная волна, поднимавшаяся в Арее после прочтения письма, не могла удержаться в нем и спешно искала выхода. Выходов могло быть только два: или внутренне сокрушить, подмуть и изменить самого Арея, или вырваться наружу, перейдя во внешнее движение. И она перешла во внешнее движение в тот миг, когда Мамзелькина неосторожно звякнула кружкой, чтобы налить себе еще медовухи.

– Аида! Признаться! Ты ведь знала? – внезапно спросил он.

Плаховна сделала костистыми плечиками отгоняющее мух движение.

– О чем знала-то?

– ЧТО МОЯ ДОЧЬ ЖИВА!!

– Дык откуда я знала-то? Кто мне, старой, что скажет? Бывалоча, к кому не придешь в гости, все гонят! Никто, значить, не рад! Иной зовет, зовет, а придешь – не рад совсем! – опечалилась Мамзелькина.

– АИДА!

Услышав окрик, Плаховна мгновенно перестала печалиться и сказала скучным

голосом:

– Оно, конечно, ежели с другой стороны подойти, то Книга Смерти-то у меня хранится. Учет, стало быть, и контроль! Без нее поди упомни: кого где взяла и куда унесла? Как потом отчитываться? – как ни в чем не бывало продолжала Мамзелькина. – И вот как-то смотрю: с нумерацией чегой-то не того творится. Вроде сползло всё чуток. Озадачилась я, стала проверять и смотрю: ба! А Ареевой-то дочери нетути! Была в сохранности, а нету!

– И ты молчала?

Мамзелькина без особой нужды принялась поправлять брезент на косе.

– Дельце-то больно скользкое, с какой стороны не возьмись. Поначалу я решила, что ты сам чего учудил с Книгой-то Смерти, чтобы дочери помочь. Вроде неловко бучу поднимать. Скандалы пойдут, проверки, а так нету и нету. Ежели что, думаю, прикрою тебя, скажу, что чернила выцвели. Потом голову поломала, к тебе присмотрелась и стала на Лигула грешить. Он это, мол, устроил для своих делишек. Тут я тем более помалкивала, чтобы между молотом и наковальней не оказаться. Я женщина в летах, здоровьем не похвастаю...

Мечник недоверчиво скривился. Мамзелькина грешила на здоровье еще до того, как жена Сократа стала сварливой. Уже тогда Аида Плаховна была дряхлой рассыпающейся старушонкой и жаловалась на ревматические боли в коленях.

– И когда имя моей дочери исчезло из книги?

Аида Плаховна зашевелила губами, припоминая.

– Дык уж годика с три, наверное. Так и есть: годика с три!

Еще раз взглянув на пергамент, Арей осторожно положил его на стол. Так осторожно кладут только предметы, которые очень хотят и одновременно страшатся уничтожить.

– Зачем они сказали мне, что она жива, но не сказали, где она? Чтобы глумиться, да? Попадись мне когда-нибудь этот Эней! Я убью его не сразу! Вначале он прожует у меня свое письмо. Медленно, по кусочкам! – прорычал он.

Мамзелькина укоризненно зацокала языком.

– Ишшо чего! Насколько я знаю их организацию, свет не глумится. Во всяком случае, мне такое не припоминается. Глумление – наш продукт, производится в Тартаре, и нечего к нему ручонки тянуть! – сказала она осторожно.

– Но зачем тогда он это сделал?

Решив, что нельзя только пить, нужно когда-то и подкрепиться, Аида Плаховна извлекла из воздуха копченую куриную ножку с полоской кетчупа и стала обкусывать ее по кругу. Ела она так, как едят только маленькие тощенькие старушки – невероятно деликатно и культурно, с мизинчиком в отлет.

– Обычные комплексы швета! – пояснила она. – Швет вечно считает, что он кому-то чагой-то должен. Вот и сейчас кто-то из них решил, что будет непорядочно не сообщить тебе, что твоя дочь жива. Но, коль скоро тебе сообщено, у них есть долг и перед твоей дочерью, чей эйдос до сих пор на перепутье. То ли наш, то ли ихний – поди разбери!

Арей напрягся, точно бойцовый пес, увидевший у своей миски другого пса.

– Откуда ты знаешь про эйдос? Ты же не читала письмо? – быстро спросил он.

– Ну дык с какой-то жа радости твоя дочь исчезла из моей книги? А ежели ишшо и свет вмешался, других вариантов нетути, – резонно отвечала Мамзелькина. – Минуточку! Я сейчас!

Внезапно она отвлеклась и, положив обкусанную куриную ножку на полировку, исчезла, чтобы возникнуть две секунды спустя и, костистыми пальцами открыв незримую молнию, выудить из воздуха застрявшую где-то косу.

– Извиняюсь! Срочный вызов... Две уличные банды в Нью-Йорке не поделили, кто первый будет чистить клетку у попугайчика, – сказала она, протягивая одну руку за куриной ножкой, а другую за кружкой.

– А подождать нельзя было? – с досадой спросил Арей.

– Куды ж тут дальше ждать! И так обождалась! В одного восемьдесят пуль всадили, почитай напололам рассекли! Сквозь него стену дома видно, а он всё стоит живенький и

глазками лупает! Те, кто в него палил, уже и в обморок все попадали! Так-то вот и рождаются мифы! – хихикнула Аида Плаховна.

Арей даже не улыбнулся.

– Аида! Я хочу ее найти!

Мамзелькина, уже присосавшаяся к кружке, ободряюще закивала, демонстрируя, что она всеми косами и косичками «за».

– Вот и найди, милоч!

– Мне потребуется твоя помощь! Больше мне обратиться не к кому, – продолжал Арей.

– Почему это? А твои комиссионеры? У них же нюх!

Мечник скривился, демонстрируя, что комиссионеры последние, к чьей помощи он прибегнет. Аида Плаховна кокетливо махнула куриной ножкой.

– Ох-ох! Думаешь, не понимаю? Всем хорош мрак, да одна беда: довериться из своих некому! Только смертушку – хе-хе! – и зови!.. А сам ты что? Она же твоя дочь! Не чувствуешь ее эйдос?

Арей мотнул головой.

– Нет! После того, как он побывал в Эдеме – у меня утрачена с ним всякая связь. Я не знаю ни где ее искать, ни как она сейчас выглядит, ни ее теперешнего имени – ничего. Даже сколько ей теперь лет – и это мне неизвестно... – сказал он угрюмо. – Поможешь?

– Даже и пытаться не буду! – решительно ответила Мамзелькина.

– Почему?

Аида Плаховна кивнула на свое сельскохозяйственное орудие.

– Да потому, как нету у меня самой дара искать! Не я ищу, а она вот ищет! А уж коли она найдет, так ты первый не обрадуешься!

– А остановить ее? – спросил Арей, поглядывая на брезент.

Мамзелькина выпрямилась в струнку и очень веско сказала:

– Моя коса не твой меч! Не я тут хозяйка! Не она ко мне, а я к ней приставлена!.. Все-таки я не верю, что ты не можешь найти человека, которого хочешь найти! А на что тогда темный дар и все силы Тартара?

Арей поморщился.

– Та же история, что с твоей косой! – сказал он устало. – Прибегнув к мраку, я должен буду заплатить ему тем, ради чего я к нему прибегнул – то есть моей дочерью! По-другому тут никак: сила, которой я служу, больше меня! Возможен только вариант с отложенной оплатой, но и он меня не устраивает. Свет ее, возможно, защитит и прикроет, но, получается, от чего? От мрака, который я на нее призову! Мерзейшее унижение!

С костяным звуком Аида Плаховна поскребла пальчиком лоб.

– Выходит, сам по себе, без мрака, ты мало что можешь? Как и я? – уточнила она.

– Разве только надо будет раскроить кому-нибудь голову вот этой железкой! – ответил Арей, положив тяжелую ладонь на рукоять меча.

Аида Плаховна куснула кружку и булькнула в нее.

– Чего ты смеешься, старушонка? – подозрительно спросил Арей.

Мамзелькина продолжала булькать.

– Да ничего! Подумалось тут: мы с тобой вроде круче некуда! Я смерть, ты рулишь мраком на шестой части суши! На деле же пальцем не шевельнем без указки! Вроде как являемся частью могучей силы, на деле же – мухи, увязшие в смоле. Смола вскипает, и мы вскипаем. Смола отступает, и мы пятимся... Ты дочь свою не можешь найти, а я за своей косой как собачонка таскаюсь! – сказала Аида, заговорщицки понизив голос.

Должно быть, медовуха все же заполнила пьяными пузырьками прогнивший ее мозг, потому что на трезвую голову ни один бонза мрака такого не брякнет.

Арей равнодушно махнул рукой.

– Какая разница чего мы можем, а чего нет. Как мне ее найти? Прошли годы. Она выросла и изменилась. Как я узнаю ее? Думаешь, бесполезно? – спросил он.

Плаховна утвердительно икнула.

– Помоги мне хоть как-то, Аида! Глупо, что некого больше попросить, но некого. Когда нужно убивать – я справляюсь сам, но для более тонкой работы я не заточен, – попросил Арей.

Мамзелькина порозовела. Какая пожилая женщина не любит помогать и устраивать чужие судьбы?

– Даже и не знаю. Свет обычно очень пунктуален. Сдается мне, что и новое тело он сотворил точно таким, каким оно было прежде. Что у нас там с особыми... ик... приметами? Тридцать девять зубьев, шерсть на ушах, по шести пальцев на ладонях, россыпь родинок с кулак на лице и шее?

Арей сделал вид, что протянул руку за кружкой.

– Я тебе больше не налью! Отдай, пьянчуга! Никаких особых примет не было!

Мамзелькина попятилась, спасая кружку.

– Всё, не буду! А что у нас с фамильными редкостями? Кольцо с вязью, браслет, всякие прочие безделки? Может, уникальная кукла? Хотя нет: чтобы Арей и дарил куклу!.. Признавайся: с чем она у тебя игралась в кроватке? С шипованным кастетом?

Арей крикнул. Видимо, Мамзелькина была не так уж далека от истины.

– Если и дарил, это ничего не значит. Свет вернул ей тело, все же прочее сгнуло, – проворчал он.

Мамзелькина надолго задумалась, посапывая красным носиком. Арей даже заглянул ей в лицо, проверяя, не спит ли она.

– Внешнее сходство! Вдруг девочка похожа на тебя как две капли... ик... медовухи! – очнулась Аида.

Арея передернуло.

– На меня? Ты бредишь, старуха! Я урод! Но у меня была прекрасная девочка! Красавица!

Плаховна задрезжала.

– Покажи мне папашку, который искренне считает свою дочь страхолудиной! Так и быть, я потеряю на него разнарядку, заспиртую в банке и буду всем показывать!.. Ну, раз нет примет и уникальных колечек с черепушкой, тогда остается единственное... Ты и сам знаешь.

– Эйдос? – спросил Арей.

– Да. Эйдосы гораздо уникальнее тел. После Эдема ты его не чувствуешь, согласна, но вбили... вибизи... тьфу!.. вблизи ты же его узнаешь?

Арей медленно кивнул.

– Думаю, да. Эйдос у нее редкий, – согласился он.

– И в чем его редкость? – заинтересовалась Мамзелькина.

Мечник спохватился.

– Он душит любопытных старушенок!.. – ответил он резко. – Не обижайся, Аида!.. Да, эйдос я узнаю, но как я окажусь вблизи?

Мамзелькина заглянула в кружку, но больше наливать не стала. Вспомнила, что ей скоро работать.

– Да никак. Он сам окажется. Мы попытаемся притянуть его цепью событий. Ты с ней обязательно встретишься, – пообещала она.

– Но как ты организуешь эту цепь?

– Предоставь всё мне!.. Порой у меня это получается, хотя я... ик... представления не имею как. А для надежности отправь на ее поиски еще кого-нибудь. Толку, может, не будет, но процесс пойдет. Это как в стакане с... мнэ-э...

– Медовухой, конечно? – раздраженно сказал Арей.

– Нет, милоч: чаем. Ежели хочешь, чтоб определенная чайнка подплыла к краю, закрути чай ложкой. Создай движение. И чем сильнее закрутишь – тем скорее она подплывет. Обратись к тем, кто имеет эйдос и высший его дар: свободу выбирать, какого цвета камешки складывать в свое ведро! Надо пользоваться, пока мы еще представляемся им

чем-то, имеющим собственную волю, – шепнула она, кивая на дверь.

– А они справятся? – усомнился Арей.

Мамзелькина поскребла пальцем остренький подбородок.

– Почему нет-то? От человека с эйдосом требуется только сильное желание. Желание – магнит, к которому притягиваются события. Наше дело создать у них такое желание, а остальное уже как сложится... Прямой помощи не будет, но как я уже сказала, будет движение чайнок в стакане! – плечики Мамзелькиной приподнялись и опустились, выражая полнейшую неопределенность.

Не представляя, что происходит в начальственном кабинете, оставшиеся в приемной изнывали от любопытства. Улита дважды порывалась войти с бумагами на подпись, но ей не открывали. Чимоданов совсем изъерзался.

– Вариант а) старушенция пьет медовуху; вариант б) стряслось что-то важное; вариант в) Мамзелькиной в кабинете уже нет, а Арей не желает открывать просто потому, что не желает, – заявил он.

Мошкин ожидал дальнейшего перечисления, однако оказалось, что вариант в) последний.

– Какое счастье, что когда проходили алфавит после «В», он болел, – шепнула Ната.

Выждав еще минут двадцать, Улита решила постучать вновь. На этот раз ее впустили. На всякий случай держа перед собой папку с бумагами якобы на подпись, ведьма шагнула вперед. Прячась за спиной Улиты, следом за ней прошмыгнули и остальные. Один только Евгеша застрял на пороге, раскачиваясь как маятник и точно вопрошая всей своей похожей на вопросительный знак фигурой: «А я действительно хочу войти? Оно мне надо?»

Мамзелькина сидела на пыльном подоконнике и, приложив ухо к пустой кружке, слушала, как шумит море. Должно быть, звук ей нравился, потому что лицо у нее было довольное и чуть ли не мурлыкающее, как у сытой кошки.

Арей исподлобья разглядывал вошедших.

– А вот и добровольцы! Вам нужно будет найти одного человека! – сказал он.

– Шеф, а отговорки принимаются? – забеспокоилась Улита.

– Принимаются. Как же иначе? – заверил ее Арей. – Но исключительно посмертно! Кто желает отказаться?

Желающих не оказалось.

Глава 5 Страж № 13066

– За ту вторую я как раз меньше боюсь. Ее смирить чуть-чуть надо и все. Представь: торчит в доске горделивый, глупый, новый гвоздь, всех царапает, всем штаны рвет. По нему тюкнешь слегка молотком и стал на место. Всё красиво, всё в порядке. А вот если гвоздь глубоко в дерево вдавлен, да еще без шляпки, да еще зажатый весь, скрюченный, обиженный на весь мир, а его вытянуть нужно – тут уже требуется повозиться. Иной раз всю скамейку раскурочишь и плоскогубцы сломаешь, а гвоздь не распрямишь.

Златокрылые. Неформальное совещание

Воробы моржевали в лужах, кокетливо подернутых бензиновой пленкой. Кто-то нашептал им, что завтра будет тепло. По Астрадамской улице бродила грустная дворняга, похожая на волчицу, вскормившую Ромула и Рема. Озираясь, она искала еду для щенков, спрятанных в закутке между самовольными гаражами. Кто-то сердобольный метнул из окна длинную связку сосисок, и дворняга волокла их, заглатывая на ходу.

Депресняк, вымотанный после мартовского буйства, тощий, с ребрами, обозначившимися четко, как клавиши рояля, целые дни проводил на крыше. Расслабив обвисшие крылья и подрагивая хвостом, он лежал на самом краю, на жестяном козырьке, и

рассеянню нюхал ветер. В эти часы он не реагировал даже на пролетающих голубей, которые в любое другое время были бы восприняты им как перелетная стайка вкусных котлет.

Изредка он лениво опускал морду и равнодушно посматривал вниз – туда, где шумная толпа озеленителей, возбужденная теплым весенним днем, топталась у общежития, галдела, размахивала руками, бодро перекрикивалась с теми, кто оставался внутри. Грохотала музыка. На газон дождем летели окурки, бумажки и шершавые, загадочные, неразделимые на слова предложения.

Дафна стояла у плиты рядом с окном. Раскаленная сковорода шипела и плевалась. Даф надкалывала скорлупу флейтой, выливая яйцо на сковороду и отпрыгивала, чтобы на нее не попали брызги.

Мефодий, ради которого эта яичница и создавалась, спал на диване, согнувшись и подтянув к груди колени, умиротворенный как эмбрион. Рот его был приоткрыт, сложенные ладони смирно лежали под щекой в лучших традициях средней группы детского сада. Даф знала, что когда Меф спит в такой позе, из-под него можно безопасно вытащить диван – всё равно не проснется.

Она мельком подумала, что если сейчас заснять его, то не исключено, что после Буслаев не оценит юмора и порвет снимок в клочья. Мужчины нередко представляются себе более роковыми, чем они есть на самом деле. Отбирать же у человека иллюзию опаснее, чем у детдомовца пряник: запросто можно получить по голове чем-нибудь более весомым, нежели простой аргумент. Именно поэтому на иллюзии, даже ложные, посягать не следует. Через какое-то время они отмирают и сами.

Крупное, с четким штампом птицефермы яйцо треснуло от совсем лёгкого удара длинным непредсказуемым зигзагом. От неожиданности Дафна вскинула руку и вылила на сковороду будущий желтый глаз яичницы. Спасаясь от неминуемого раскаленного всплеска, она резвым козленком отскочила назад и тотчас налетела на что-то спиной.

В первую секунду она решила, что это шкаф, но тотчас данное предположение встретило одну маленькую бытовую нестыковочку. А именно ту, что шкаф не говорит «ой, блин!».

Заинтересованная, кто тут ляпает блины, Дафна обернулась и увидела двоих златокрылых.

Один, белокурый и худой, был нежен и задумчив. Его впалые аскетические щеки покрывала мягкая неколая щетина песочного цвета, похожая на высветленные ежиные колючки. Его спутник, напротив, казался бодр и деловит. Лицо круглое, а волос жесткий как проволока и темный до синевы. За несколько секунд он ухитрился обежать всю комнату, всё потрогать и даже выглянуть в окно.

В настоящий момент оба стояли и созерцали Дафну с интересом, частично граничащим с неодобрением. Даф торопливо попыталась сдернуть фартук. Бантик сзади на поясе развязался сам, а вот тесемкой на шее она по рассеянности чуть не задавилась. Вообще-то стражу-хранителю не рекомендовано кормить своего подопечного, разве что в случае крайней опасности для жизни. Например, если тот, тяжело больной и изможденный, лежит в глухой чаще леса, не имея сил даже собрать ягод или накопать карманным ножом дождевых червей.

– Дафна? Помощник младшего стража № 13066? Третий дивизион света? – уточнил жестковолосый суровым тоном несостоявшегося педагога, исключенного из института за разжигание костра в поточной аудитории и вынужденного пойти в охранники супермаркета.

– Да, – сказала Даф, пытаясь сообразить, какова цель их визита. Златокрылые тем и отличаются от помощников младшего стража, что никогда и нигде не шатаются просто так, ради процесса. Для этого они слишком деловиты и слишком заняты.

– Что вы делали со своей флейтой, помощник стража № 13066? – продолжал допрашивать круглолицый.

Уже только по одному тому, как тщательно он выговаривал номер («один-три-ноль-шесть-шесть»), было заметно, что он зануда. Голос у него так и трескался

от назидательности как перезревший арбуз.

– А что я делала с флейтой? – испугалась Даф.

– Разбивали скорлупу! Зачем?

Дафна смутилась. Она давно заметила, что большинство собственных поступков не может объяснить словами, чтобы объяснение не вышло совсем уж дебильным. В результате получается примерно то же, что со студентом-второкурсником, у которого профессор требует вслух объяснить, какая конкретно нравственно-психологическая мотивация понуждает его во время спецсеминара зажигалкой подпаливать снизу стол.

– Ну мне было интересно! – сказала она робко.

– Что конкретно вам было интересно, № 13066, разрешите узнать?

– Можно ли расколоть яйцо флейтой.

– И как? Можно? – с внезапным интересом спросил до того молчавший белокурый аскет.

Голос у него был мягкий, глубокий, звенящий.

– Да. Но всё-таки ножом сподручнее. От флейты пролом глубокий получается и потом из сковородки нужно пальцами скорлупу выковыривать, – признала Даф, попеременно переводя взгляд с одного златокрылого на другого и пытаясь понять, что же все-таки им надо.

Куда больше белокурого ее беспокоил темноволосый. Его короткие жесткие волосы и круглое, точно по циркулю созданное лицо, упорно щекотали ей память чем-то полужабытым. Нет, она точно его уже видела! Но где? Когда?

Неожиданно Дафна вспомнила, что относительно недавно, лет так пять-шесть тысяч назад, Шмыгалка, она же Эльза Керкинитида Флора Цахес, энергичная и хлопотливая, точно профессиональная насадка, отвела пестрый выводок учеников на экскурсию на базу златокрылых.

– Руками ничего не хватать! В том числе и друг друга! Рта не открывать! Никуда не бежать, нигде не теряться! Ваша цель – ввести всех в заблуждение и произвести впечатление нормальных, вменяемых и психически полноценных помощников молодых стражей! – твердила она всю дорогу.

Потом отловила за руку юную Дафну, пытавшуюся дать пинка одному внешне тихому гаду, только что залепившему ей волосы ягодами с кустарника дикарской симпатии, внимательно посмотрела на ее взбудораженную и покрасневшую физиономию с продольной царапиной на носу (свалилась накануне с дерева сбытия мечт) и со вздохом добавила:

– Если это, конечно, в принципе возможно!

Дальше всё, разумеется, происходило в традиционном духе образовательного маразма. Вся группа резвилась как табун жеребцов, бедная же Дафна, как главная бунтарка, всю экскурсию проследовала под усиленным конвоем, удерживаемая за запястье цепкой Шмыгалкой. С другой стороны, в этом были и свои плюсы. Не имея возможности отвлекаться, Дафна запомнила ту экскурсию гораздо лучше множества других, безнадежно слипшихся в ее памяти.

Там-то, на базе златокрылых, Даф впервые и встретила этих двоих. Белокурого звали, кажется, Горазд, а темноволосого Ратувог. Оба входили в личную гвардию Троила. Нетипично сердитый для светлого стража Ратувог уже тогда был инструктором и преподавал боевые маголодии в условиях скоростного пилотажа. Дисциплина сложная и мало кем освоенная. Из ста светлых стражей едва ли найдется один, способный без ошибок исполнить атакующую маголодию, отвесно пикируя затылком вперед на группу улепетывающих комиссионеров.

Основная трудность тут даже не в жестком воздушном потоке, который режет лицо и смазывает звуки, сколько в невозможности сосредоточиться, что для маголодий крайне необходимо.

– А мы уже встречались! – сказала Даф жизнерадостно.

Ратувог взглянул на нее чуть внимательнее. Даф отлично видела, что он ее не помнит. Память так хитро устроена, что маленькие хорошо запоминают больших, большие же запоминают маленьких смутно, периодически путая их с мебелью.

– Где?

– В тренировочном центре златокрылых! – с гордостью, что может удивить, выпалила Даф.

Жестковолосый очень удивился.

– Я помню всех своих студентов. Вы проходили там курс, № 13066?

– Очень краткий, – поспешно сказала Даф, оправдывая себя тем, что экскурсия – это тоже в какой-то мере курс.

– Должно быть, ваш курс был **чудовищно** кратким. Стоит только взглянуть, как вы обращаетесь со своей флейтой, чтобы это стало яснее ясного! – отрезал Ратувог.

Заметив, что Дафна огорчилась, добродушный Горазд ткнул своего напарника локтем.

– Давно хотел тебя спросить! Что ты испытываешь, когда грубишь девушкам? – прошептал он.

Инструктор боевых маголодий озадачился. Заметно было, что этим вопросом ему приходилось задаваться нечасто.

– В данном случае я разговариваю не с девушкой, а со стражем № 13066! – сказал он, веско кашлянув. – Посмотри, на что похожа ее флейта! А ее подопечный! Дрыхнет в десять утра, а она ему завтрак готовит! Позор! Кем она хочет его сделать? Патентованным тунеядцем? Лентяем-хроником?

– Ты же не знаешь, а значит, ты не имеешь права думать о ком-то дурно. А если поправка № 18/23? – заступился Горазд.

Беспокойный Ратувог сунул нос в пустую чашку, ничего в ней не нашел и огорчился.

– Поправка 18/23? И где тут одр болезни? Этот вот пошлый сибаритский диван с цветочками – одр болезни? Коринфская колонна мещанства! Не хватает только журчащего фонтанчика на батарейках!

Дафна смутилась и спешно принялась припоминать, не получал ли Мефодий в последние дни какой-нибудь травмы, дающей ей право воспользоваться лазейкой в кодексе.

– Мефодий упал с мотоцикла, – поспешно сказала она, впервые радуясь этому событию.

– Когда?

– Позавчера! Эссиорх сто раз объяснял, что мотоцикл слишком тяжелый, чтобы пытаться тормозить ногами, не дождавшись полной остановки. У Мефодия же велосипедная привычка, что можно соскакивать, когда захочется.

– И что, поломал что-нибудь? – усомнился Ратувог.

– Нет. Но стесал себе кожу на ноге. И на ладонях тоже.

Инструктор с сомнением посмотрел на спящего Мефа.

– А чего такой румяный?.. Или, скажешь, что это диатез на нервной почве? Волосы распустил и дрыхнет! На девчонку похож! Стыдитесь, номер один-три-ноль-шесть-шесть! Вы его запустили!

Дафна быстро оглянулась на Мефодия. Неужели правда похож на девчонку? Уф, нет! Очертания лица жесткие, определенно мужские. Похоже, у Ратувога обычная солдафонская реакция на длинные волосы.

– Уже стыжусь. Кстати, никто не знает: страж света может изменить номер? – спросила она.

– Зачем?

– Ну мне не нравится мое число. 13, а потом еще и 66. Не просто криво, а вдвойне криво. Да еще и нолик посередине. Вроде как результат всех моих благих намерений.

– А какой бы тебе номер хотелось? – сочувственно спросил мягкий Горазд.

– Какой-нибудь приятный. Ну, например, 55.555! Или 12333!

Горазд хихикнул. Круглое лицо его напарника приобрело форму вытянутого овала.

– Слышал? И как тебе эта масштабная идея со сменой номеров? – спросил Горазд у Ратувога.

Тот пожелтел.

– Ахинеийский бред! И что это будет за армия света? Сегодня меняются номерами, завтра флейтами, потом крыльями и боевыми наградами. А послезавтра чем? Честью?..

– Я этого не говорила! – оправдываясь, сказала Даф.

– Разумеется! Потому что ты об этом не думала!.. И как, по-твоему, поступить с тем номером 12333, который уже существует? Вывести в чистое поле в расход?

– Ну почему в расход? Вдруг он сам захочет поменяться? Вдруг ему надоело быть 12333-м? – отважно предположила Даф.

Златокрылые переглянулись.

– А если не надоело? – предположил круглолицый.

Даф вспыхнула. Её всегда ужасно раздражали стражи (да и люди тоже!), всё всегда знавшие за других. Хуже хронической категоричности только бесхребетная уступчивость.

– Как вы можете догадываться, если наверняка не знаете? – спросила она с досадой.

– Да так вот могу! 12333 – это мой номер! – кисло сказал инструктор.

– Ох!

Дафна ощутила себя человеком, который, страдая от жары и усталости, обошел пустыню, чтобы найти единственную лужу и сесть в нее. И надо же было так угадать! Это как раз тот случай, когда интуиция граничит с антиинтуицией. Посмотри на тысячу шкатулок, внутри одной из которых оса, и выбери именно ее.

– Не обращай внимания! Он только снаружи колючий. На самом деле он добрый. У него в казарме живет четыре ангорских хомячка, – ободряюще шепнул ей Горазд.

– Уже двенадцать, – ворчливо поправил Ратувог.

– Как двенадцать?

– Так, двенадцать! Это же ангорские хомячки. Пока мы тут с ней болтаем, их может стать тридцать шесть... Кстати, не знаешь кого-нибудь, кому нужен ангорский хомяк, а еще лучше два или три? – спросил он, неуверенно кашлянув.

– Нет. Кажется, никому, – сказала Дафна.

Ратувог не удивился. Видимо, это был не первый отказ, который ему пришлось выслушать.

– Так и подумал. У тебя крайне неосведомленный вид, № 13066! Работай над собой!

– Буду работать! – пообещала Даф.

– Только не прямо сейчас. Мы немедленно отправляемся в Эдем!.. Через семь... даже уже через шесть минут тебя примет Троил.

– МЕНЯ? Зачем? – переспросила Даф испуганно, начиная нервно вертеться на месте.

Она была в смятении, как хозяйка квартиры, которая вспомнила, что к ней сейчас явится толпа гостей, а у нее в холодильнике только полпачки маргарина с застрявшей в нем вставной челюстью дедушки.

– На месте узнаешь. Пять с половиной! – безжалостно сказал Ратувог, взглянув на часы.

Даф секунд на десять застыла, а затем в лихорадке заметалась по комнате, налетая на стулья, ушибаясь и ойкая.

– Вот смотри: типично женская реакция! Вначале они тормозят, потом раскачиваются, и лишь убедившись, что уже опоздали, начинают дико спешить. Я это еще по пилотажу заметил – всюду одно и то же! – негромко сказал приятелю Ратувог.

– Может, стоило сообщить ей пораньше? – сочувственно предположил Горазд.

– Чтобы она убила себя и нас своим беспокойством? Нет уж, увольте, старший страж Горазд! Я склонен думать, что даже и за шесть минут говорить было неоправданно рано! Правильнее было бы, ни о чем не предупреждая, притащить ее к Троилу прямо вместе со сковородкой, в фартуке и с флейтой, к которой прилипла скорлупа! – заявил Ратувог.

Горазд укоризненно положил руку ему на плечо.

– Будь снисходителен! Вспомни со сколькими нашими такое было! Чего далеко за

примерами ходить? Ты сам был послан на три дня подменить парнишку, самовольно сбежавшего из военной части к больной девушке. И что же? Застрял на земле на двенадцать лет!

Ратувог нахмурился, затем невольно улыбнулся, покосился на Дафну, в очередной раз налетевшую на стул, и, понизив голос, произнес:

– И, между прочим, не подумай, что хвастаю, дослужился до майора! А капитана мне так вообще дали на два года раньше!

Горазд вздохнул:

– Всё равно у меня совесть неспокойна. Как только я подумаю, что мы должны сделать с парнем...

– Приказ есть приказ! – отрезал Ратувог.

Наконец Даф перестала метаться.

– Я готова! – громко сказала она.

Оба златокрылых повернулись. Неизвестно когда Даф успела облечься в куртку. Из рюкзака торчали верная флейта и зазубренный хвост спешно сдернутого с крыши Депресняка. Должно быть, ради того, чтобы ввести в заблуждение златокрылых, котик послушался сразу.

– Готова, так идем! – проворчал Ратувог и взял Дафну за руку.

Оба исчезли одновременно, только рюкзак с котом замешкался и некоторое время задумчиво болтался в воздухе, точно пытался сообразить, что он делает тут в одиночестве. Наконец исчез и он.

Старший страж Горазд остался в комнате. Он подошел к дивану, на котором спал Меф. Присел на корточки и, почти соприкасаясь с ним головой, долго смотрел на него вблизи. Меф заворочался во сне. Перевернулся на другой бок. Тогда, решившись, светлый страж встал и, беззвучно прошептав что-то, коснулся прохладной ладонью лба Мефодия...

* * *

Из-за дикой спешки визит Дафны в Эдем имел характер метеоритной атаки. Чтобы посетить родные места и не опоздать к Троилу, у нее было ровно три минуты. Для полноценной ностальгии этого явно недостаточно, а вот для легкой паники в самый раз.

Понимая, что пешком путь до Дома Светлейших займет не один час, ей поневоле пришлось последовать примеру Ратувога и материализовать крылья. Дафна призвала их, испытывая сильнейшее беспокойство. Она давно боялась смотреть на свои крылья. Ей казалось, что у нее не осталось и половины светлых перьев, а раз так, то в Эдеме все будут смущенно коситься на нее, точно на мусорщика, явившегося в рабочей одежде на выставку редких цветов.

Когда легкий зуд в лопатках подсказал, что крылья появились, Даф набралась храбрости и повернулась. Уф! Всё оказалось не так уж и страшно. Собственно темными стали девять перьев и еще два маховых пера потемнели до половины. Вроде бы ничего – жить можно. Хуже было то, что и остальные перья утратили прежнюю слепящую белизну и имели желтоватый цвет застиранного белья.

«Сползаю... – подумала Даф виновато. – Сползаю!.. Слишком долго не была в Эдеме, мало грызла себя, осуетилась. Вот сейчас возьмут меня под белы ручки и скажут: а давно ли ты, милая, смотрела на себя со стороны? Давно ли работала над собой? Тебе надо вытряхивать себя как пыльный половик, а ты к Троилу собралась!»

Разбегаясь и ловя распахнутыми крыльями тугой ветер, Дафна опасливо оглянулась на Ратувога. Как он, профессионал, отнесется к ее полету? Давно не тренировавшаяся, Дафна ощущала себя зажатой и испуганной, точно бледный рыхлый москвич, трусливо появившийся из пляжной кабинки в первый свой курортный день и перебежками пробирающийся к морю между загорелыми телами атлетов.

К счастью, Ратувога менее всего интересовало, как она летит. Не оглядываясь, он уже

несся далеко впереди, то спускаясь к вершинам деревьев, то без усилий набирая высоту. Заметно было, что полет не доставляет ему никаких усилий. Он летел как мыслил, летел как жил. Техника полета его казалась органичной и естественной. Ни одного непродуманного движения. Желая набрать высоту, он не делал взмахов крыльями, а лишь откидывал голову, выгибался и, ловя встречный ветер широкими маховыми перьями, мгновенно взмывал, теряясь в лазурной бесконечности.

Дафна испытала ревнивое чувство. Когда-то она сама неплохо летала, а теперь вот запустила, и, хотя навык остался, всё тонкости ушли.

«А ты как хотела! Чтобы летать, мало тренироваться три ночи в месяц на городских крышах! Надо быть легким, веселым, радостным, любящим! Именно любящим вся и всех. Ты же набила себе карманы мелкими обидками, раздражением, подозрениями всякими! Где тебе лететь? Тебе бы под землю с ушами не нырнуть – и то хорошо!» – грызла себя Дафна.

Белоснежные, скоростные, до боли гармоничные крылья Ратувога не давали ей покоя, покусывая сердце легкой завистью.

«Надо же! Пунктуальный, занудный, как немецкий поэт-романтик, а как летает!» – подумала Даф и тотчас, не успев зачерпнуть правым крылом таинственно ускользнувший ветер, оказалась в кустарнике. Судя по мелким белым цветкам и салатово-зеленой с фиолетовым подворотом листве, это был кустарник крушения ложных иллюзий.

Кустарник великодушно спружинил, и, кроме самомнения, ничего не пострадало.

«Чего это я? Ах да! Завидовать в Эдеме нельзя, а осуждать тем более!» – спохватилась Даф.

Осуждающий в Эдемский сад никогда не войдет. А то и там ему померещится, что белые голуби несимметрично летают или тарулку с амброзией съели без должного уважения.

Она лежала на спине и смотрела вверх. Голубизна неба Эдема была пронзительной и острой. До боли в глазах. До щемления сердца. Душа Дафны мгновенно наполнилась сияющим светом, но не удержала его в себе долго. Он выветривался, размывался, исчезал, и вновь на поверхность выползали бодрые черные жучки мелочных забот: сказать, встретиться, сделать...

«А ты как хотела? Влезла в корыто повседневного мира – вот и пускай себе кораблики пополам с мыльными пузырями!» – жестко сказала себе Даф.

Она выбралась из кустарника, расправила крылья и, отплеывая прилипшие к губам листья, помчалась догонять Ратувога. Тот, по счастью, притормозил и выписывал в небе петли.

– Ты где была, № 13066? Упала, что ли? – крикнул он.

– М-м... В каком-то смысле... – неопределенно пробормотала Даф.

Можно было, конечно, придумать что-нибудь более спасительное для репутации, например, что ей захотелось понюхать цветы, но она опасалась, что за всякую, даже невинную ложь вновь окажется в кустарнике.

Вслед за Ратувогом она зигзагом пронеслась по Эдемскому саду, помешав двум румяным чернобровым русалкам утопить в пруду излишне любознательного эльфа. Изящный горбоносый эльф пищал, что не подсматривал, и, ссылаясь на женевскую конвенцию по правам военнопленных, требовал вернуть колчан со стрелами.

– Ща! – отвечали русалки, прицельно бросаясь кувшинками.

В кустарнике шмыгали шпионящие гномы, десантированные с помощью катапульты из английского сектора. Их отлавливали и из чугунной пушки возвращали на родину хмурые бородачи домовые в лаптях и красных рубашках с подпоясками, вооруженные бердышами. Самых ругачих гномов они заряжали головой вперед.

Как Дафна успела заметить, ее строгого спутника нежить побаивалась. Домовые переставали заламывать гномов и бурчали: «здрасьте!» Гномы же переставали кусаться, пинаться и, стаскивая красные колпаки, умильно раскланивались.

– Хау ду ю ду! – говорили они вежливо.

– Нечего тут хаудуюдукать! Идите себе!.. И что с ними будешь делать, с этими

мифическими? – ворчал Ратувог. – На земле им места нет, а здесь они мгновенно устраивают дележ территории. Наш сектор, ваш сектор. Туда не лезьте, сюда не ходите! Того и гляди примутся пилить райские деревья и устраивать засеки. Писк везде, шум!

– А на земле почему нельзя было оставить? – спросила Дафна, хотя примерно знала ответ.

– Как оставишь? Чахнут они там. Люди верят во всё, что угодно, кроме правды. Покажи им хоть кентавра, хоть русалку – спишут на генетическое уродство и все дела. Драконов в средневековье всех перебили, а теперь говорят – миф.

* * *

Дом Светлейших столпом огня пронзал небеса. Дафна с ее скромными возможностями видела его не дальше первого неба. Дальше всё скрывали белые, подсвеченные изнутри тучи.

Около каменных грифонов Ратувог снизился и спокойно прошел между ними. Остановился и нетерпеливо оглянулся на Дафну.

– № 13066! За кем стоим? Кого ждем? – крикнул он.

Дафна поспешно проскользнула между грифонами, внутренне сжавшись, точно школьница, которой нужно пройти между забором и крупной собакой. Оба грифона остались неподвижными, лишь у одного, как показалось Дафне, дрогнуло покрытое мелкой сеткой трещин каменное веко.

Ратувог проводил Дафну до златокрылой стражи.

– Третье небо. К Троилу! – доложил он, кивнув на нее.

Ратувога охрана хорошо знала, и спрашивать у Дафны, есть ли у нее пропуск на третье небо, никто не стал. И без того было ясно, что это маловероятно. Один из златокрылых, гигант с зелеными глазами и ромашкой за ухом, мельком заглянул в свиток всеведения и показал Даф на транспортную руну.

– Правила пребывания помнишь? – поинтересовался он.

– На балконы не выходить. Глубоко не дышать, – озвучила Даф.

Гигант кивнул.

– Да. Кто глубоко вдохнет или зачерпнет зрачками живительное сияние третьего неба, будет нуждаться в нем всю жизнь и не сможет нормально существовать на первом. А ведь не факт, что ты когда-нибудь поднимешься до третьего неба. Я имею в виду внутреннюю готовность и зрелость.

Даф слышала об этом и раньше. Еще один извечный принцип Эдема. Никогда не доверять своим заслугам и ни во что их не ставить. Даже если ты и планетами жонглируешь, то лишь потому, что это тебе разрешается. Меньше времени потеряет тот, кто дважды пропустит свой поезд, чем тот, кто один раз сядет в чужой. Выше вознесешься – большее упадешь. Лучше скромно упасть со стула, чем нескромно с крыши.

Даф шагнула к транспортной руне. Гигант еще раз внимательно оглядел ее и протянул руку за рюкзаком.

– Извини, но кота придется оставить.

– Почему? Он будет сидеть тихо, – вступилась за Депресняка Дафна.

Златокрылый не спорил.

– В этом я не сомневаюсь. Но на третьем небе его тартарианская составляющая может раствориться. Вместе с некоторой частью кота, разумеется. Так что, поверь, ничего личного.

Даф со вздохом протянула ему рюкзак. Торчащий из него хвост с зазубриной сердито подрагивал, из чего можно было заключить, что содержимое рюкзака пребывает не в духе. Затем хвост исчез, и в затынутую горловину попыталась просунуться недовольная морда.

– У вас есть сейф? Если есть, суньте его туда. Сейчас его лучше не гладить! – на всякий случай предупредила Дафна.

Гигант задумчиво склонился над рюкзаком. Морда мгновенно скрылась и сменилась лапой с выпущенными когтями, которая попыталась ободрать златокрылому нос.

– Какой-то ты, братец, ущемленный в своей мелочной злобе! – басом сказал гигант, за лямку передавая рюкзак напарнику.

Третье небо встретило Дафну полыханием прогуливающих жар-птиц. Вид у них был такой вопиюще-самодовольный, что Даф раз и навсегда заключила для себя, что мозгов у них не больше, чем у обычных павлинов. Заметив Дафну, три или четыре птицы подошли и, вытягивая шеи, с интересом уставились на ее карман.

– Нет у меня ничего! – с сожалением сказала Даф.

Из кармана, который она для наглядности вывернула, выкатилась блестящая монета в рубль. Каждая из птиц поочередно клюнула монету, чтобы убедиться в ее несъедобности, после чего вся группа разочарованно удалилась, продолжая сиять.

– Где ты там? Иди сюда! – услышала Дафна бодрый голос.

Дверь в кабинет Троила была приоткрыта: ее ждали. Честно стараясь дышать носом, Дафна осторожно просунула внутрь голову.

Лысина Генерального стража поблескивала как крепкое, протертое рукавом рубашки яблоко. Троил выглядел жилистым, стремительным. Казалось, перед Дафной находился не главный страж, а радостный, цельный, сосредоточенный в вечном движении к свету порыв.

Стол был завален бумагами, однако в настоящий момент Троил занимался довольно странным делом. Кинжалом для срезания дархов он преграждал путь маленькой белой гусенице с темной головкой, которая решительно направлялась к пергаментам. Натыкаясь на кинжал, гусеница обиженно останавливалась, поворачивала и начинала огибать его. В ее решительности сквозило твердое желание осмысленного вредительства. Троил вновь преграждал ей путь. Мешавшую ему цепь с золотыми крыльями он перебросил через плечо, за спину.

– Что вы делаете? – удивленно воскликнула Дафна.

На этот раз гусеница не стала огибать кинжал. Вместо этого она выгнулась аркой и принялась оползать его сверху. Покачив головой, Троил осторожно приподнял кинжал и перенес гусеницу на дальний конец стола.

– Думаешь, успокоишься? Как бы не так! Опять полезет к пергаментам! – сказал он.

– А откуда она вообще взялась? – спросила Дафна.

Троил вздохнул.

– Откуда взялась – как раз понятно. Непонятно, что с ней делать дальше. Эту гусеницу один любознательный ученик первого тысячелетия обучения нашел в гнилом яблоке под древом познания. Тут бы и раздавить, а он посадил ее в спичечную коробку и стал носиться с ней по саду. Вначале скормил ей оливку напористости, затем две вишни любопытства, помидор неутомимости, виноградину волчьего аппетита, почти весь персик храбрости, а потом – надо же было додуматься! – орех бессмертия и неуязвимости. Примерно на этом этапе его и поймали за ухо. Теперь вот голову ломаю, как с ней быть. Ползает, всё пробует на вкус, всюду суется. И не прихлопнешь: бессмертная! – пожаловался Дафне Троил.

– А вы отдайте её Чимоданову. Он обожает эксперименты всякие ставить. Будет её постепенно взрывать, в кислоте растворять, – брякнула Дафна.

Ей не верилось, что она разговаривает с самим Генеральным стражем, да еще осмеливается давать ему бессмысленные советы. Для этого поистине надо было хлебнуть из лужи наглости!

Троил укоризненно покачал головой.

– Ну уж нет! Я всё же надеюсь, что она со временем окуклится и будет прекрасная бабочка: всезнающая, неутомимая, отважная и уже без волчьего аппетита, – ответил он мягко.

Наклонив кинжал, Генеральный страж позволил гусенице заползти на лезвие и вместе с кинжалом убрал ее в шкатулку. Затем обошел стол и, велев Дафне не вертеться, озабоченно и быстро осмотрел ее крылья. Даф ощущала себя как школьница, на глазах у которой проверяют ее сочинение. Ей попеременно хотелось то спрятаться под стол, то влезть на потолок.

– Так-так... Ну и сколько? – спросил Троил негромко.

– Девять и два по половине, – ответила Даф.

– И это все, что ты заметила?

– Нет... И остальные уже не белые. Захватанного такого цвета, – тихо сказала Дафна. Троил быстро провел ладонью по блестящей голове.

– Хорошо, что ты не оправдываешься. Это напугало бы меня куда больше. Самооправдание убивает быстрее любого яда. Ты понимаешь, что с тобой?

– Ага. Меня затащил человеческий мир.

– Именно это он и сделал. Опутал тебя своей медовой паутиной, впрыснул в тебя свой желудочный сок, а сам отполз как паук и наблюдает, как ты медленно перевариваешься.

Даф поежилась от натурализма этого описания. Ей захотелось забиться под скромный кустик нитья и большой ложкой есть ягоды саможаления. Однако под кустик ее не пустили.

– В другое время я не позволил бы тебе вернуться на землю, но сейчас случай особый. К сожалению, тебе придется вновь отправиться в человеческий мир и опекать своего подопечного. Возможно, даже энергичнее, чем прежде. Ты должна будешь находиться поблизости, общаться с ним, но одновременно не говорить ему, кто ты.

Дафна почувствовала, что притормаживает. Либо Троил говорил что-то не то, либо она понимала его как-то не так.

– Как это «находиться поблизости, но не говорить ему, кто я»? – переспросила она с недоумением.

– А вот так! Ты с ним познакомишься и будешь стараться влиять на него в позитивном ключе.

– Как это «познакомлюсь»? Он что, меня не узнает?

– Нет. Ему будет казаться, что он встретил тебя впервые, – пояснил Троил.

Даф неосторожно сделала слишком глубокий вдох и вынуждена была схватиться за стол. Ей почудилось, что Генеральный страж, медленно покачиваясь, поднимается к потолку. Троил понимающе подвинул ей стул.

– Дышать только носом! Это всё же третье небо! Для тебя еще рановато тут находиться! – напомнил он.

– Про Мефа это всё шутка? – беспомощно спросила Даф.

– Не шутка. По моему приказу Мефодию Буслаеву стерли память, – твердо сказал Троил.

– Что сделали?

– *Стерли память*, – спокойно повторил Генеральный страж. – И не надо смотреть на меня с укором! Ты уже не маленькая. Свет – это врач. А врачи не всегда выписывают сладкую микстуру. Иногда им приходится браться и за скальпель.

– *Всю память? Он что, совершенно ничего не помнит?*

Даф услышала свой голос, но не узнала его. Ей смутно показалось, что вопрос задает кто-то, стоящий рядом. Она даже невидяще оглянулась в пустоту.

– Ну почему ничего? – примирительно сказал Троил. – Если стереть совершенно всё, то придется заново учить Мефа есть ложкой. На такое мы, разумеется, не пошли. Он помнит свое имя. Сохранил основные навыки и теоретические знания. Единственное, что он забыл, – свою службу мраку, свои потусторонние штучки и нескольких прежде знакомых ему людей. Чтобы чем-то заполнить пустоту, мы создали ему псевдобιοграфию. Несколько опорных воспоминаний. Место учебы, работа. Если будут пробелы и нестыковки – воображение быстро их заполнит. Люди очень ловко умеют обманывать самих себя. В этом смысле они опередили даже стражей мрака, которые всё же предпочитают обманывать других.

Дафна вежливо улыбнулась, привстала и вдруг рванулась к двери. Скорее к Мефу! Может, они еще не успели!

– Замри! – резко приказал Троил. – Еще один шаг – и у Мефа будет новый страж-хранитель!

Дафна остановилась, ощущая себя птицей, которую на взлете ударила дробь из

двустволки. Она оглянулась, посмотрев на Троила глазами раненой лани.

На Генерального стража это не произвело никакого впечатления.

– Не глупи! Память уже стерта! Понимаешь: уже! А теперь вернись! И не надо мелодрам! – сказал тот спокойно.

Даф покорно вернулась.

– Но зачем? – бессильно спросила она.

– Ты знаешь закон света. Если камень не летит вверх, он падает вниз. Росток души Мефа перестал тянуться к солнцу. Теперь он тянется горизонтально, вдоль земли, а то, что это губительно, понимает каждый садовник. С почвы на него легко заберутся насекомые или обычная плесень. Чтобы он не погиб, нам придется немного подправить его.

– Неправда! – забывшись, крикнула Даф.

Троил строго посмотрел на нее, и Дафна, опомнившись, прикусила язычок.

– Простите! – сказала она тихо.

Генеральный страж заставил ее вновь опуститься на стул, сам сел на стол и, водя пальцем по полировке, стал говорить отрывисто и веско:

– Человек подобен зеркалу. Если не протирать его регулярно, то рано или поздно такой слой грязи будет, что не только лица не увидишь, но и места, где оно должно быть.

– Росток Мефодия тянется к солнцу! – тихо повторила Даф.

– Я внимательно наблюдал за ним. Согласен. Он начинал расти в правильном направлении. Но стражи мрака заботливо навалили сверху гнилой листвы искушений. Собственная крутизна. Громадные возможности. Свобода от родительской опеки. Виртуозное владение клинком. Выигрышная внешность и так далее. В результате Мефодий застрял. Законсервировался. Не то чтобы возгордился, но стал слишком гламурным. У него не мужество, а «чисто конкретное» понятие о мужестве в стиле Арея. Не пламенная любовь, когда сердце превращается в огонь, а постановочная сцена из романтического фильма.

Даф вздрогнула. Выстрел был в десятку.

– Не жажда служения свету, а снисходительное внутреннее самолюбование. Он не служит свету. Он одалживает свет тем, что не творит явного зла. Именно поэтому он и не увидел лестницы в Эдем, – после короткой паузы жестко продолжал Троил.

– Зачем свет посылает ему все эти испытания? – спросила Даф.

– У нас нет выхода. Таков закон внутреннего совершенствования эйдоса. Без испытаний нет закрепления. После периода полноты всегда идет период скудости. После цветущего лета – мертвящая зима. После бодрствования – сон. Горную реку, которая весной сметает мосты, летом можно перейти вброд, едва замочив ноги.

– Да-да, знаю. Нам что-то говорили. Испытания – это как кнопка «save»! Не нажмешь – опыт личности не сохранится и набирай все заново, – уточнила Даф, ощущая в глубинах сознания слабое шевеление некогда полученного образования.

Троил посмотрел на нее с терпеливым укором. Он очень сомневался, что курс стражей света, составленный много тысяч лет назад, иллюстрировался такими примерами, как кнопка «save». Это была явная отсебятина.

– На сегодняшний день Меф не принадлежит ни нам, ни мраку. Он ничейный, а, стало быть, никакой. Он еще окончательно не переболел, – добавил он.

– Чем?

– Злом, разумеется. Только стражи мрака заражены им как чем-то неизменным. Человек же при сильном желании имеет шанс измениться. Зло является болезнью, которой можно переболеть, изжить её и больше к ней не возвращаться. Что, например, делает студент, когда видит, что лист исчеркан и сдавать работу в таком виде нельзя?

– Берет новый лист и переписывает, – убито признала Дафна.

– Именно так поступим и мы. Любя Мефодия, мы дадим ему новый лист и предложим ему переписать себя заново. Но переписать, так сказать, по внутреннему ощущению, не заглядывая в черновик. Когда же он перепишет, вернем ему и старый вариант – то есть память.

– А как же свобода воли? – озабоченно спросила Даф.

Троил засмеялся. Смех у него был хорошим. Смеялись не только губы и глаза. Даже морщинки у глаз и те улыбались.

– На свободу воли никто не посягает. Как и раньше, Меф в силах выбрать как мрак, так и свет. Но когда кость неправильно срастается, ногу вновь ломают и кладут в гипс, чтобы дать ей еще один шанс. Мы даже рискуем. Никто не гарантирует, что на новом витке все забывший Буслаев не отдаст эйдос мраку за какой-нибудь пустяк вроде водонепроницаемых часов и будет еще считать, что заключил выгодную сделку.

Лицо Даф вытянулось. Ей сложно было допустить, что это правда.

– Мы имеем дело с ретушированной судьбой! – продолжал Троил. – Все эти годы, пока Меф служил мраку и был его наследником, он вел надуманное, неестественное существование. Был подобен дереву, которое по некоему плану пересадили, допустим, на Луну, под стеклянный колпак с воздухом. Дерево чудом выжило, не погибло, даже получилось во многом необычным, но хорошо ли это для него? Сможет ли оно снова расти на земле, в нормальных условиях, при нормальном тяготении? Для формирования же эйдоса, для приобретения им действительной зрелости и вечности, нам нужны как раз естественные условия. Вот мы и пересаживаем его обратно. Порой же, спасая корень, приходится подрезать ветви.

Поняв по вытянувшемуся лицу Дафны, что последние слова ее ошеломили, Троил взял колокольчик и нетерпеливо позвонил. Двое златокрылых внесли и поставили на стол небольшой тяжелый ящик из железного дерева. Крышку ящику заменяло выпуклое стекло. Троил кивнул. Златокрылые вышли.

– Взгляни! – сказал Генеральный страж, приглашающе постучав по стеклу ногтем с отчетливым белым полукружьем.

Дафна осторожно склонилась над ящиком.

– Назови мне свое имя, незнакомка! – услышала она искаженный стеклом высокий голос.

– А зачем? – напряглась Даф.

– Теперь я знаю твое истинное имя, Азачем! Берегись, несчастный! Твоя жизнь в моих руках! – угрожающе процедила мраморная голова.

Дафна взглянула на Троила и вопросительно коснулась ногтем своего виска.

– А, ты об этом! Не обращай внимания! Обычная защита артефакта. Некоторых людей, говорят, до сих пор пугает, – пояснил тот рассеянно.

– А кто это? – спросила Даф.

– Я не КТО, а ЧТО! – поправила голова.

– Перед тобой карта Хаоса. Нет, не вздумай поднимать стекло! Эта голова побывала во мраке, и здесь, на третьем небе, она сразу распадется! – предупредил Генеральный страж.

Дафна озадачилась.

– Разве хаос может иметь карту? Хаос – это совершенный беспорядок. Нечто начальное, неорганизованное, противоположное гармонии. Бестолковый сгусток пластилина, из которого вылепился мир, – усомнилась Даф.

Троил улыбнулся.

– Где ты это вычитала? – спросил он с интересом.

Дафна затруднилась назвать источник.

– Ну как же? Это одна из аксиом, входящих в общемировую копилку знаний! – заявила она уверенным голосом.

Это был старый экзаменационный трюк. Когда точно не помнишь, откуда выдернул цитату, проще всего свалить на общемировую копилку. Этот грустный ослик всё вывезет.

– Твоя копилка – это древние греки, которые представляли свет и мрак в виде бесконечной сутолоки богов! Мир не вылеплялся! Он возник сразу и без черновиков, в единое мгновение, когда слово стало материей!

Лысина Троила блеснула ярко и укориженно. Даф торопливо закивала. Она уже

чувствовала, что еще немного и проснется ее задремавший комплекс вечной двоечницы, которая спасается от затюканности лишь природной бодростью характера и твердым ощущением, что истина лежит где-то в стороне от умствующих знаний.

– Ничто так не губит стража, как слишком среднее образование! Абсолютное знание в понимании, что ты ровным счетом ничего не знаешь! Даже рядом не валялся с истинным знанием! К нему близки либо те, кто вообще никогда не получал никакого образования, даже начального, либо... хм... возможно, профессора, понявшие уже бессилие своей науки. Те же, кто слегка откусил от образования, немного пожевал и отбежал в сторону – совершенно безнадежны. У них развивается комплекс околоснайства! – сказал Троил горячо.

Даф не спорила, и Генеральный страж скоро остыл. Он наклонился над стеклом и тоже стал разглядывать то, что лежало под ним.

– Есть еще другой Хаос, менее глобальный. Так стражи мрака называют пространство между Нижним Подземьем и Верхним Тартаром. В своем роде это великая крепостная стена мрака. Его наружная защита, до сих пор считавшаяся непреодолимой. До Нижнего Подземья наша разведка добиралась, но не дальше Хаоса.

– И мрак об этом знает? Ну о разведке? – с беспокойством спросила Дафна, не слишком доверявшая себе в плане сохранения каких-либо тайн.

Троил кивнул.

– Убежден, для Лигула это не секрет. В Нижнем Подземье регулярно происходят стычки. Лигул не придает им большого значения, поскольку знает, что все наши попытки пробиться в Хаос до этой минуты оставались безрезультатными. Мы потеряли четыре группы разведчиков. Свойство Хаоса таково, что, сделав вперед всего один шаг, вернуться без карты уже невозможно. Только пробиться дальше, в Верхний Тартар, но туда – это мы знаем наверняка – ни одной из наших групп добраться не удалось.

– Вроде мозаичного лабиринта? – предположила Дафна.

Спросила не слишком уверенно, не исключая нового обвинения в «околоснайстве».

– Сходство есть, но существует и отличие, – согласился Троил. – Мозаичный лабиринт имеет ограниченную площадь. Где-то он сродни минному полю – неловкий шаг и тебя нет. Хаос же огромен. Мы лишь приблизительно можем представить себе насколько. Как и лабиринт, он вечно меняется. Там, где вчера была дорога, сегодня можно ее не искать. Не думаю, что Хаос убивает сразу и мгновенно, как те плиты. Скорее он подобен пустыне. Выматывает, выжигает силы, дразнит миражами и равнодушно бросает умирать, кто где упал. Но опять же – это только мое предположение.

Голос Троила дал трещину и ушел вниз. В зрачках нарастающими льдинками всплыла грусть. Даф догадалась, что он думает о пропавших златокрылых. О том, как они пробивались в бесконечной пустоте, как погибали, ни на секунду не усомнившись, что это необходимо свету. Так, солнечные лучи, падая на снег, спокойно умирают, зная, что рано или поздно их тепло растопит его мертвенную мерзлоту. Ну а тогда и самой смерти не будет.

– И вот теперь у нас есть настоящая карта Хаоса, которая изменяется вместе с самим Хаосом! Точнее, ее часть, – закончил Генеральный страж.

– Откуда она у вас? – спросила Дафна.

– Ты не поверишь, кто мне ее принес, – сказал Троил и недооценил женскую интуицию.

Девушки не угадывают лишь того, что очевидно, как 2+3. Все же психологические загадки, особенно с полутонами и запутанными клубками отношений, они щелкают на лету.

– Корнелий, – моментально попала в точку Дафна.

Троил удивился.

– Как ты догадалась?

– По словам «ты не поверишь». Во всем Эдеме только я и он не способны сделать ничего толкового. Я ее не приносила. Остается Корнелий.

– Да. Я получил ее вчера от Корнелия, а он от некой девушки, которую мы усиленно ищем, но пока не напали на ее след.

– Такое возможно? – удивилась Дафна.

Кивок Троила заверил ее, что возможно и не такое. Особенно в человеческом мире, где все вертится и пенится, как в миксере. Где между светом и мраком все чаще вклинивается мертвенная, безнадежная, пахнувшая трясинной серость.

– Значит, теперь свету нужна вторая половина карты, – подытожила Дафна. – Для второй половины карты требуется девушка, которая, вероятно, сможет рассказать, где взяла первую. Такая вот выстраивается цепочка.

Генеральный страж вновь позвонил в колокольчик. Златокрылые забрали ящик и вышли, на секунду замешкавшись в дверях. Замешательство вышло оттого, что каждый по бесконечному такту, органично присущему свету, попытался пропустить другого вперед, и получилось это, разумеется, одновременно.

– Особенно забавно бывает, когда вызываешь сразу стражей шесть. Поначалу каждый пытается пройти последним, но, сообразив, что остальные сделают то же самое, принимает удар на себя и благородно идет первым, чтобы позволить другому уступить. Результат всегда один – кто-нибудь обязательно застрянет, – заметив взгляд Дафны, с улыбкой пояснил Троил.

Он подошел к двери и поклонился, показывая, что больше не задерживает Дафну.

– Остальное, по мере надобности, тебе передадут через Эссиорха. Можно, конечно, и через Корнелия, но лишь в том случае, если будет необходимо, чтобы информация добралась к тебе с опозданием на неделю. Удачи!

Стараясь не наступать на жар-птиц и дышать носом, Дафна сделала не больше трех шагов, когда, высунувшись из кабинета, Троил крикнул ей вслед:

– И еще кое-что! Просто на всякий случай! Общайся с Мефодием, не забивай ему голову рассказами о свете и мраке! Стражи, дархи, флейты, мечи, эйдосы... Для него это теперь декорации из фильма, вроде камнеметных машин или драконов!

Дафна еще не ушла, когда большой кристалл на столе у Троила вспыхнул и на нем проявилось лицо Ратувога. Инструктор по боевым маголодиям, одетый как для дальнего военного похода, стоял и смотрел на Генерального стража с выражением, которое показалось Дафне озабоченно-укоризненным. За спиной у Ратувога Дафна заметила тех златокрылых, что приходили за ящиком. Как и Ратувог, оба были полностью снаряжены для похода.

– Готовы? – спросил Генеральный страж.

Ратувог кивнул.

– Отлично. Сейчас буду, – сказал Троил.

На этом загадочный разговор, где один из собеседников молчал, а другой был странно краток, завершился. Кристалл погас.

Замешкавшись у дверей, Даф увидела, как Троил решительно встал, подошел к большому ларю и достал из него нагрудник. Нагрудник был облегченным, без украшений. Похоже, Троил пользовался им с того времени, как был рядовым стражем, а затем златокрылым.

– Вы отправляетесь в Хаос? – не подумав, по голому наитию, брякнула Даф.

Троил обернулся. На лице у него мелькнула мгновенная досада, сменившаяся ровным терпением.

– Давно хотел спросить: кто был выпускающим преподавателем вашего курса? – спросил он.

– Шмы... Ой! Эльза Керкинитида Флора Цахес! – вовремя поправилась Даф.

– Почтенный страж и хороший педагог! – на лице Троила мелькнуло удивление, что у такой хорошей курицы могут быть такие полоумные цыплята. – Она не объясняла вам, что любопытство – родная сестра назойливости?

– В Хаос, да? – повторила Даф.

Генеральный страж задумчиво постучал пальцами по нагруднику. Ладонь его скользнула сверху вниз, остановившись на старой выбоине с правой стороны груди.

– Я послал их на смерть. Я же должен отнести им и ту половину карты, которую мы получили. Она не поможет выбраться, но полдороги они всё же пройдут. Даже самый

маленький шаг стоит жертвы, если это шаг вперед, – сказал он тихо.

– Но зачем златокрылым Хаос и путь через него? Что им там делать? Зачем мы вообще посылали туда стражей? – спросила Даф, ощущая себя отважным портняжкой.

Кто она и кто Троил, чтобы задавать ему такие вопросы?

Генеральный страж продолжал изучать нагрудник. Искренность – это то, что ценится само по себе. Даф же была хотя и любопытной, но искренней.

– Есть эйдосы, которые мрак захватил незаконно, с помощью различных уловок. Случайные проклятия родителями детей, вымогательство, просто обычная глупость или неосторожность. Такие эйдосы мы рано или поздно возвращаем, поскольку мраку их все равно не удержать. Это так же невозможно, как нельзя бесконечно прятать под водой надутый шар. Но опять же – все упирается во время. Порой это занимает десятилетия и даже столетия. Мрак очень увертлив. Нам нужен рычаг воздействия на мрак. Таким рычагом станет путь через Тартар. Открытая граница. Лигул понимает только аргументы силы.

– Но если вы понесете карту, вы не сможете вернуться назад! – быстро сказала Даф.

– С собой мы берем припасы. Они помогут продержаться дней десять... Даже, возможно, две недели. За это время может случиться чудо, мы отыщем вторую половину карты и найдем обратный путь.

Даф задумалась и нашла, как ей казалось, гениальное решение.

– А если взять много припасов? Очень-очень много! – предложила она.

Троил улыбнулся. Примерно так мог бы отреагировать разведчик, которому из лучших побуждений посоветовали взять с собой пушку и четыре вагона снарядов и ползком пересечь с ними линию окопов противника.

– Это ничего не решает. Две недели – предельный срок. Дольше в Хаосе не выжить ни одному златокрылому. Никакие запасы тут не помогут.

– Но вы Генеральный страж! Вы не должны...

– Именно потому, что я генеральный страж, я и обязан! – оборвал её Троил. – Ты не одинока! Есть и другие, которые отказываются понимать, – он с горечью кивнул на кристалл, явно имея в виду Ратувога. – Это у мрака верховный предводитель отсиживается в тени и оттуда бросает в бой всё новые орды. У нас же не должно быть так, или даже уничтожение мрака нам ничего не даст. Убивший змея сам станет змеем! Мы отличаемся от стражей мрака не тем, что они используют клинки, а мы дудочки!..

Троил достал свою флейту, со щелчком примкнул к ней штык и потряс, проверяя, крепко ли он фиксируется. Затем вновь вытащил штык и вложил его в ножны на поясе. Даф впервые поняла, что штыком можно пользоваться еще и как кинжалом.

– Всё равно я не понимаю! – робко возразила она. – Многих можно заменить, но не вас! Что будет делать свет, если лишится Генерального стража? Это не логично!

– Там, где есть логика – нет истины. Истина сама творит себе логику, но никак не наоборот. Запомни это раз и навсегда и тогда ты поймешь, что единственное существо в мире, которое не достойно жалости, – это ты сам, – сказал Троил.

Видимо, не надеясь уже отделаться от Дафны, он первым вышел из кабинета. Нагрудник он нес в руке. Даф видела переплетение ремней, часть из которых была сношена. Дафна не сразу бросилась за Троилом. Еще несколько секунд помедлила.

«Ну вот! В кабинете Генерального стража я одна! Значит, теперь я генеральный страж!» – подумала она, испытывая мгновенный соблазн присесть на стул Троила.

Едва она так подумала, как неосторожно слишком глубоко вдохнула носом воздух третьего неба и закашлялась так, что едва не вывернулась наизнанку, и еще полчаса спустя ощущала, что у нее першит в горле. С Дафной вечно было так: едва подумает или сделает какую-то глупость – сразу следует возмездие.

Глава 6

«Звездный пельмень»

Человек, притворяясь, забывает, что маска прирастает к коже, а после врастает и в мясо. Исключений нет, какой бы чужеродной и временной маска не казалась поначалу. Один притворяется слабым и становится слабым. Другой притворяется циником и становится циником.

Ничто не бетонирует душу быстрее лжи. Вода принимает форму того сосуда, в котором находится. А если вода замерзает, то сосуд лопается – и вот она: готовая форма. Нужно быть очень осторожным со временным. Оно очень скоро становится постоянным.

Златокрылые. Неформальные разговоры.

В комнате отдыха персонала было душно. Кондиционер едва справлялся с кухонным жаром. Одна из дверей выходила в вытянутый зал, где белели вертикально стоявшие пельменницы и раз за разом чавкал мини-пресс. Каждым своим опусканием он оттискивал двадцать два пельменя и одновременно через особые трубочки вдувал в них фарш. Дальше пельмени отправлялись на мгновенную заморозку, а оттуда уже – в зависимости от количества заказов – на варку.

В том кресле, в которое уборщица Лина тайком от начальства сажала своего кота Барсика, сидел теперь другой кот. Это был самодовольный, немного не в меру упитанный мужчина, похожий на постаревшего Карлсона, которому жизнь отбила пропеллер. Он был без пиджака, в фирменной рубашке с эмблемой сети. На груди золотился буквами бейджик:

«Адам Брух
Центральный офис
Директор по подготовке персонала»

Постукивая карандашом по столу, он обозревал сидящих перед ним сотрудников. Их имена были вписаны в ведомость, распечатанную на листе формата А4.

– Спрашиваю, как всегда вразнобой. Маркелов! Какой девиз компании «Звездный пельмень»?

Парень, чью фамилию назвали, растерянно поднялся. Он был огромный, с мощными руками и такими мышцами спины, которые, если их напрячь, разорвали бы тесноватую фирменную рубашку. Улыбался немного испуганно.

– Не помню! – прогудел он басом, которым можно было тушить свечи и раскалывать стаканы.

– Думайте, Маркелов! Старайтесь мыслить! Вы не можете этого не помнить! Это написано везде! На дверях, на столиках! Даже на эмблеме вашей рубашки! Вам достался элементарный вопрос! – настойчиво повторил Адам Брух.

Маркелов надулся и покраснел, точно пытался оторвать от земли неподъемную штангу. Двух пьяных дебоширов усмирить, а начальства боится до дрожи в трицепсе.

«Это же надо! Эмблема у него на рукаве, а даже глаза скосить не догадается!» – с раздражением подумал директор по подготовке персонала.

Глаза Маркелов всё же скосил, но не на эмблему, а на светловолосого парня, сидевшего напротив. Парень что-то прошептал.

– А, это! Типа «Много пельменей за нормальные деньги!» – радостно повторил Маркелов.

– Без «типа»! И за разумные деньги! Чувствуете семантическую разницу, друг мой? – улыбаясь, поправил Брух.

Разницы «его друг» не почувствовал.

– Я и говорю: за нормальные! – повторил он с недоумением.

– Хорошо, Маркелов! Садитесь! Плюс!

Рядом с крупным плюсом Адам Брух незаметно поставил в ведомости маленький

кружок, а в нем точку. Это означало: «надежный, но тормозной». Отныне дальше работы на пельменном прессе Маркелову никогда не продвинуться, хотя, конечно, знать он об этом не должен.

У Бруха зачесались глаза. Он провел указательным пальцем по нижним векам.

– Поехали дальше! Кто основал компанию «Звездный пельмень»? Митина! История компании!

Бойкая маленькая Митина вскочила, точно подброшенная пружиной, и затарахтела, поедая начальство глазами:

– Гарпунер китобойного промысла Стивен Тейлор в конце девятнадцатого века прибыл в Архангельск и в обмен на револьвер системы Кольт и три мотка китайского шелка выведаль у аборигенов рецепт приготовления пельменей, составлявший главную тайну Российской Империи. Генералы русского царя пытались схватить его, однако Стивену чудом удалось скрыться в трюме парового судна. Вскоре он убедился, что пельмень до сих пор не запатентован и запатентовал семьдесят семь видов пельменей из разной муки и с самыми разными видами начинки. Два года спустя в Чикаго появилась первая закусочная. Она так и называлась: «Звездный пельмень». Официанты в ней были одеты как настоящие русские мужики: в папаху, в лапти и в рубаху из красного кумача. Сейчас это крупнейшая и стремительно развивающаяся сеть пельменных в мире, насчитывающая более двух тысяч ресторанов быстрого питания! Только в Москве, кроме нашего, работает еще семнадцать ресторанов и еще пять должны открыться до конца текущего года.

Митина еще не замолчала, а умный Брух уже поставил плюс. Рядом же с плюсом маленький восклицательный знак, означавший: «Хорошие данные! Высокая степень лояльности! Годен к продвижению». Эта и в школе, небось, отличницей была и всегда будет. Отличник – это состояние души, а не знаний. Всю брошюру, раздаваемую сотрудникам, знает, конечно, назубок.

– Хорошо, Митина! Садитесь!.. Пчч! Пчч!

Брух внезапно чихнул, сглатывая в чихе все гласные, и нервно стал озираться. У него была аллергия на кошачью шерсть. Но откуда здесь кошки? Это запрещено! Он осторожно втянул воздух носом и вновь выдал серию мелких чихов. Перестав чихать, он поймал насмешливый взгляд светловолосого, того, что подсказывал Маркелову.

– Что вы хихикаете! Вы, светленький, с хвостиком! Как ваша фамилия?

Фамилия у парня оказалась противная, ужасно Бруха раздражающая: «Буслаев».

– Что вы хихикаете, Буслаев?

– Чушь собачья потому что! – спокойно, с легким вызовом, ответил парень.

Брух покрутил в пальцах карандаш и, заглянув в ведомость, отыскал фамилию. Почему-то она была напечатана в самом низу. «Просил же по алфавиту! Не забыть сделать втык секретарше!» – напомнил он себе. Вслух же мягко спросил:

– Что именно чушь, э-э... Мефодий? Поясните!

– Пожалуйста! Откуда в Архангельске аборигены? Кто имеется в виду? Чукчи? Алеуты? Или, может, русские поморы? Михайло Ломоносов был из поморов. Он тоже абориген? Из Австралии на кенгуру допрыгал? Дальше: что это за толпа безымянных царских генералов, которая не смогла поймать одного-единственного несчастного гарпунера? У них есть имена и фамилии или так и бегали за гарпунером безымянной толпой?

Брух насторожился.

– Это всё, что вы хотели сказать, Мефодий?

– Нет, не всё. Продолжать?

– Продолжайте!

– Что это за русские мужики в папах и лаптях? Где так ходили? В психлечебнице? Какой может быть копирайт на пельмень, известный на русском севере неизвестно с каких времен? Может, еще на Аш-два-О копирайт возьмем? Лучше б этот Тейлор застрелился из револьвера системы Кольт, предварительно подавившись тремя мотками китайского шелка!

– Оставьте свои нездоровые гормональные фантазии при себе, Буслаев! – отрезал Брух.

Он знал, как ставить на место обнаглевших сотрудников.

Директор по подготовке персонала не стал падать в обморок. Он был неглуп. Дураки по служебной лестнице дальше среднего звена не пробиваются. Он и сам любил на досуге, в дружеском кругу, умеренно поиздеваться над наивной историей компании «Звездный пельмень», однако делать это на работе считал самоубийственной глупостью.

Вместо этого он быстро оглядел лица сотрудников, стараясь запомнить тех, кто позволит себе улыбку. К сожалению, улыбались почти все. Одна Митина испуганно, круглыми глазами, смотрела на начальника. Что ж, хоть в ней он не ошибся! Остальные же, хоть и хихикают, все же вольно или невольно, осознанно или неосознанно, в меру своих сил дуют в международные паруса «Пельменя». Египетские рабы тоже, возможно, не все в равной степени желали строить пирамиду дохлому фараону. Некоторые, наверное, шепотом позволяли себе шуточки. И что из того? Всё равно носили камни как миленькие.

– А по-вашему, как все было на самом деле, Буслаев? У вас есть своя версия? – мягко спросил Брух.

– Есть. Я думаю, Стивен Тейлор был хозяином чахлой портовой закуской в Штатах. Взял на работу спившегося матроса русского торгового флота, научился у него готовить пельмени, шустренько оформил патент и быстро разбогател на них. А теперь его наследники и в Россию явились пельмени продавать! Спасибо еще, что не лед в Антарктиду возят!

Брух вновь чихнул, с подозрением подумав, что без котлов тут явно не обошлось. Полный бардак у них здесь! Что хотят, то творят. Надо посоветовать главному сменить тут всю администрацию. Всех вон! Распоясались!

– Хорошо, Буслаев! Мы выслушали вашу версию и, возможно, доведем ее до сведения американских коллег! Их интересуют даже самые бредовые версии. Да будет вам известно, в Америке, в штате Джорджия, при школе подготовки управленческих кадров, существует музей истории нашей корпорации! Некоторым из вас, кто проявит себя с лучшей стороны, ещё предстоит там побывать, хотя всё, конечно, будет зависеть от усердия! – сказал он, многозначительно скосив глаза на Митину.

Митина просияла, как новый, только что отштампованный пятак, верящий пока что в мировую экономику. Директор по персоналу нашарил в кармане синенький кокетливый пистолетик противоаллергического спрея и поочередно пшикнул в ноздри и горло. Шик-пшик! Поможет, но не сразу. Прокляты будьте, о кошки!

– Продолжим! Памирджанов! Каковы универсальные корпоративные принципы компании «Звездный пельмень»?

Темный и смуглый Памирджанов вскочил сразу и, тотчас как стрелка компаса на север, уставился на Мефодия, ожидая подсказки. «Похоже, этот парень тут вроде неформального лидера!» – озабоченно подумал Брух.

– Будь пельменем на работе, в семье и учебе! – с вызовом произнес Буслаев.

Памирджанов кинулся повторять, но умная Митина дернула его за рукав и что-то шепнула.

– Карьера и рост – путь наш прост! – мгновенно поправился Памирджанов.

– Правильно, Памирджанов, но всё же тренируйте память! – похвалил Брух, ставя рядом с плюсиком кружок с точкой.

Сколько судеб перечеркнул этот карандаш и, напротив, сколько людей возвысил! Подумать приятно!

Адам Брух полюбовался карандашиком, испытав, как души его ласково коснулась мягкая лапка бережливости. Именно с этим карандашом он ездил с кадровыми инспекциями уже года два, хотя, разумеется, на карандашах и ручках фирма не сэкономила. Однажды Брух забыл его на открытии новой точки в Одинцово, из упрямства вызванивал сорок минут по телефону, отдавая точные команды и обрисовывая словесный портрет («Не длиннее половины мизинца! Заточен до латинской буквы «R»!), чтобы его карандаш не перепутали с каким-нибудь другим. После же, когда нашли, отправил за ним курьера. Это, конечно, блажь, но дело принципа!

– А зачем вы, дорогой мой, пришли работать в «Звездный пельмень», если, мягко скажем, не в восторге от нашей компании? – спросил Брух, вскидывая глазки на Буслаева.

Вполне очевидный вопрос застиг светловолосого врасплох. Он провел рукой по лбу. Лицо стало на миг напряженно-несчастливым, как у человека, который внезапно осознал, что захлопнул в квартире ключи.

– Не хотите отвечать? Прекрасно! Пусть это будет вашей маленькой тайной. Тогда, может, хотя бы вспомните, как давно вы работаете у нас? – продолжал Брух, запуская взгляд в таблицу.

Обычно против каждой фамилии в соответствующей ячейке стояла дата приема на работу, однако в данном случае она отсутствовала. Бруха это озадачило. Он принял решение морально четвертовать секретаршу, когда вернется в главный офис.

– Да вроде давно уже... Не помню! – признался Буслаев нерешительно.

Теперь уже он, а не другие, клянчил взглядом подсказку.

– Кто-нибудь другой способен ответить на этот вопрос? – возвысил голос Брух.

Способных не оказалось. Одни считали, что около года. Другие давали на отсечение руки, ноги и головы, что не больше месяца. Даже толковая Митина проямлила что-то в духе: «Я уверена, что работает он давно, но почему-то мне кажется, что помню я его только несколько дней!»

Директор по подготовке персонала с досадой пшикнул в Митину из своего синенького противоаллергического пистолетика. А такой толковой казалась!

– Ну прямо амнезия! – сказал Брух, поднимая глаза на круглые, услужливо-четкие офисные часы.

Минутная и часовая стрелки встретились на цифре 12, а теперь к ним подползала еще и секундная. Директор по подготовке персонала удовлетворенно ухмыльнулся. У него было близкое к идеальному чувство времени. Даже когда ему хотелось опоздать, он всегда приходил вовремя.

– На сегодня всё! Благодарю всех за сотрудничество! Еще раз повторю для всех: девиз нашей компании – «Карьера и рост – путь наш прост!» – сказал Адам Брух, решительно вставая.

Перед тем как попрощаться и поехать в следующий ресторан быстрого питания, где его ждали к часу, он поставил против фамилии «Буслаев» большой минус, а с ним рядом маленькую стрелочку вниз. Стрелочка означала: «бунтарь-самоубийца».

– Мефодий, помяните мое слово! Вам никогда не продвинуться дальше уборки подносов! Кроме того, я не исключаю, что с будущей недели вас переведут работать на мойку холодильников или на парковку! – предупредил он и вновь чихнул.

Гадкие кошки! Чтоб вы все передохли!

* * *

Меф вышел на кухню к чпокающим пельменницам, бурлящим тестом и плюющим фаршем. У него сильно болела голова – с того самого момента, как приехавший зануда стал спрашивать про «почему пришел» и «когда начал работать?»

И, действительно, если отбросить антипатию к этому типу. Почему? Зачем? Когда? Что он вообще тут делает? Меф согнул палец и суставом стал массировать себе центр лба. Так боль становилась меньше.

Кто-то сбоку швырнул в него скомканным полотенцем. Буслаев мгновенно, сам не задумываясь зачем, уклонился.

– Буслай, ты совсем обнаглел! Не мог на двадцать минут притвориться приличным человеком? Взял и разом всё себе перечеркнул!

Митина смотрела на Мефа со смесью восхищения и презрения. Так смотрит умная студентка мехмата на симпатичного однокурсника, лихо пьющего из горла между лекциями, параллельно думая про него, что он закончит жизнь под забором и рыть совместную норку с

ним не стоит.

Мефодий равнодушно отмахнулся.

– Я в эти игры не играю. Работать здесь мне нравится. Ребята хорошие, веселые, а все эти промывания мозгов и черточки карандашиком... Тошнит! Цивилизаторы!

Проигрывая разные модели своего будущего, Меф нередко задумывался, что никакой последовательный карьеризм не может существовать без счастливой истории наивного юноши в тесном костюмчике, который пришел с улицы в крупную корпорацию. Поначалу его, разумеется, засадили облизывать почтовые марки, но он делал это так охотно и тщательно, что начальство вскоре передвинуло его на соседний стульчик, где надписывали адреса на конвертах. Прошли какие-то двадцать лет и профессиональные навыки юноши возросли настолько, что одним кислотным плевком в обзорное стекло он сбивал низколетящие вертолеты, телефонным звонком спасал рынок от кризиса, а довольное начальство запугивало им конкурентов.

Когда он, наконец, умер в сорок лет от переутомления, его похоронили с оркестром на лучшем кладбище города между известным актером и болтливым политиком. Это, конечно, прекрасно, но всё равно общий смысл такого существования от Мефа ускользал.

– Да пошли они! Подумаешь, короли свиного фарша! Американец, который запатентовал пельмени и открыл по всему миру сеть дешевых обжорок – наш кумир! Алло, дурдом! Как слышите меня?

– Буслаев, ты псих!

– Почему я-то псих? Ты-то хоть сама понимаешь, что это всё чушь собачья?

Митина пожала плечами.

– Какая разница? Существуют правила игры! Если ты хочешь преуспеть, значит должен верить, что он их действительно изобрел. Ну или хотя бы помалкивать!

Буслаев отмахнулся и пошел мочить голову под кран. Митина осталась одна.

– Да и Тейлор уже, в общем, умер сто лет назад. Чего теперь-то с ним воевать? – обращаясь к новой, еще не подключенной пельменнице, сказала она, точно доказывая себе что-то.

Проходя через зал, Меф окинул взглядом столики. Всё опять завалено подносами. На столах полно мусора, стаканчиков, тарелок. Взять бы краску и написать на дверях: «У нас самообслуживание! Полопал – убирай за собой!»

Голова продолжала трещать и раскалываться. Правой ноздрей Меф поймал табачное облачко. Тощий парень в черной майке нагло дымил прямо под табличкой с зачеркнутой сигаретой. В этом случае по инструкции полагалось позвать администратора, а тот уже охранника, однако Меф пока не привык к западному принципу цивилизованного стукачества.

– Простите! У нас не курят! – сказал Меф, кивая на табличку.

– Прощаю! Расслабься, пацан! – сказал парень и, демонстративно выдохнув дым в его сторону, затушил сигарету в бокале.

Меф миролюбиво хмыкнул, не желая связываться по пустякам, и отправился в туалет смывать под краном головную боль.

Когда Меф вернулся, наскоро высушив голову под сушилкой для рук, в кухне произошли некоторые радостные изменения. Из своего крошечного кабинета выкатилась круглая и веселая директриса, имевшая прозвище Пончик. Фамилия у нее была просто контрговорящая – Тощикова. В «Пельмене» ее любили.

С ней рядом стояла хорошенькая девушка в джинсах и футболке. Волосы у нее были светлые, легкие, заколотые в два беспокойных невесомых хвоста, взлетающих вверх от малейшего сквозняка. На одном плече у нее небрежно болтался рюкзачок. Фирменную рубашку с эмблемой сети ей еще не выдали.

Пончик была женщина громкоголосная и все на свете делала оглушительно. Когда она говорила, даже телевизор невольно переходил на шепот.

– Друзья, знакомьтесь! Пименова Дарья Афанасьевна! – громко представила

директриса. – С сегодняшнего дня она будет у нас стажироваться. Через два месяца, если мы понравимся ей, а она нам, Дарья Афанасьевна поступит к нам на пять смен в неделю. А там как пойдет. Правильно я поняла?

Девушка в джинсах кивнула и покосилась на директрису с легкой озабоченностью. Меф подумал, что быть Дарьей Афанасьевной ей не слишком уютно.

Возле хорошенькой девушки самцом рыбки гуппи уже вился смуглый Памирджанов. Сам не зная по какой причине, Меф испытал сильное раздражение. Ему назойливо захотелось приблизиться к Памирджанову сзади и нежно рубануть его ребром ладони по вертящейся шее.

«Надо же! Быть пельменем в учебе и в семье не захотел, а к девушкам лезет!» – подумал он.

Громадный Маркелов, которому новенькая тоже, видимо, нравилась, стоял неподвижно, как неработающий башенный кран и смотрел на нее. Потом плечом отжал Памирджанова в сторону и сказал басом: «Ну ты это... как тебя там... Афанасьевна! Привет!»

Зато Митиной девушка категорически не понравилась. Она безо всякого повода заключила, что перед ней одна из тех хорошеньких хитрюжек, которые сами работать не желают, притворяются беспомощными и делают все мужскими руками. Конечно, тезисы такого рода нуждаются в доказательствах, однако женская логика потому и женская, что любое субъективное суждение по умолчанию становится аксиомой.

– Просто на будущее: волосы надо носить под косынкой! Никто не хочет находить их в пельменях! – заявила Митина.

– Хорошо. Под косынкой так под косынкой! – ответила Даф смиренно.

Она не стала уточнять, что всякий, кто случайно съест волос светлого стража и отнесется к этому философски, не начав шипеть, обкачивать всех правами потребителя и дрыгать ногами в демонстративном обмороке, проживет на сорок лет дольше.

Убедившись, что новенькая вполне вписалась в коллектив, Пончик пришла к выводу, что ее роль хозяйки балаганчика на этом завершена, и, согрев всех дружелюбной улыбкой, укатилась в свой кабинет.

– Кстати, день рождения у Дарьи Афанасьевны был не так давно – 10 апреля. Так что с подарком вы еще не слишком пролетели! – крикнула она напоследок, голосом заставив качнуться шторы.

Примерно через час, задергавшая ревнивой Митиной, Пименова Дарья Афанасьевна улинула в зал вытирать столики. Там уже был Меф, отлавливающий освободившиеся подносы и сгребавший в бак пустую посуду.

– Стулья не задвигай! – посоветовал он ей. – Потом их все равно моментально выдвигают и по мозгам чиркает!

Новенькая быстро вскинула на него глаза. Мефу она нравилась, однако ронять слюни на кафедру, как Памирджанов, или то и дело точно случайно проходить мимо, выпятив мускулистую грудь, как Маркелов, он не собирался.

– Чего ты такой сердитый? – спросила она.

– Башка болит.

Девушка огорчилась.

– Ты не против? – спросила она и, не дожидаясь разрешения, быстро коснулась его лба прохладной ладонью. – Теперь лучше?

Меф признал, что вроде получше. К ним подскочил Памирджанов, торопясь перечислить все места, которые у него болят. Боли у него были какие-то странные, блуждающие. Чтобы исцелить его, Дафне пришлось бы сделать Памирджанову массаж всего тела.

– Очень болит? – сочувствующе спросила Даф.

– Очень.

– Нездоровый ты человек, Памирджанов! – заметил Меф.

Памирджанов пригорюнился, признавая, что да, он очень-очень нездоровый человек.

– А у меня еще кулак болит! Особенно две крайние ударные костяшки, – пожаловался Меф.

С утра они вместе ходили в подвал за сухим льдом, и Памирджанов видел, как Буслаев ломал кулаком доски пустых ящиков. Сам ящик при этом оставался стоять. Меф даже удивлялся, что у него это получается. Вроде бы и не тренировался никогда.

Памирджанов понял намек и грустно побрел мыть санузел. Эту свою обязанность он ненавидел и нередко случалось, что назло заморскому начальству сливал жидкое мыло не в блок с кнопкой, висевший над раковиной, а в пельмени. Или осторожно окунал в него палец и крупно писал на зеркале «ПРИВЕТ ВЕРБЛЮДАМ!» Когда мыло высыхало (обычно не раньше следующей смены), верблюды могли прочесть адресованный им привет. Это была месть Памирджанова капитализму.

– Ты Дарья? – спросил Меф, когда Памирджанов ушел мстить.

Глаза новенькой стали озабоченными.

– Имя Дарья мне не нравится.

– Тогда Даша? – предложил Меф.

– Зови меня Даф, – решившись, предложила девушка.

Ситуация была для нее невыносимой. Меф стоял рядом такой родной и одновременно такой чужой. Буслаев задумался, осмысливая странное имя. Не то чтобы оно было ему знакомо, но всё же память цепляло. Точно человек, купивший новый сорт мороженого, пытается сообразить, пробовал он когда-либо нечто похожее или нет.

Девушка смотрела на него со странным, неуловимым выражением.

– Ну Даф так Даф! Всякие бывают причуды! – милостиво признал Мефодий.

Стоявшая на столе сахарница сама собой раскололась, и сахар струйкой потек на стол. Стражи света тоже умеют сердиться. Другое дело, что им быстро становится неловко, что они вспылили.

– Стоят и болтают! Почему на пятом столике не убран поднос? Стул выдвинут на середину зала! Это создает затор! – закричала Митина, возникая рядом.

– Эксперименты с дизайном. Новое восприятие пространства. Эстетическое зомбирование, – буркнул Меф, не оборачиваясь.

– Че-его?

– Всё просто, как прямой правый в голову. Человек видит одиноко стоящий стул, и подсознательно вспоминает сказку: «Сяду на пенек и съем пирожок!» Он растроган. Все его детские воспоминания пробуждаются. На глазах – слезы. У него появляется непреодолимое желание сесть на стул и купить двойную порцию пельменей.

Юмор Митина понимала плохо. Он был ей не нужен, как лысому расческа. Чем буквальнее мышление, тем короче путь к карьере.

– Болван! – сказала Митина, сердитым толчком загоняя стул на место.

«Звездный пельмень» работал круглосуточно, с небольшим техническим перерывом с 4 до 5 утра, когда мылся зал. Смена Мефа заканчивалась в девять вечера. Можно было, конечно, освободиться и раньше, но он не любил начинать работу слишком рано, поскольку просыпался плохо и долго раскачивался. Когда же нужно было встать на рассвете, приходилось прибегать к мерам чрезвычайным. Будильников у Мефодия было три – все разного размера и разной степени писклявости. Он ставил их на разное время с интервалом в десять-пятнадцать минут, и, гоняясь за ними, постепенно просыпался.

Наконец избавившись от фартука, Меф бросил его в бак для стирки и взял себе бесплатный обед, полагавшийся ему как сотруднику.

Кофе в стакане у Мефа подозрительно пенился и имел мыльный вкус. Меф посмотрел на Памирджанова, стоявшего с подчеркнуто честным лицом.

– ТЫ? – спросил Меф.

Большой мягкий нос Памирджанова стал еще честнее. Теперь это была сама статуя правды, помноженная на бюстик совести.

– Где я? – испугался он, опуская голову и глядя сам на себя как на нечто постороннее. – Это не я!

Меф поменял себе кофе и, взяв поднос, подсел за столик к Даф. Дафна была не одна. Рядом статуей Геркулеса застыл Маркелов. Он был уверен, что девушки должны по умолчанию влюбляться в того, кто занимает больше места в пространстве и при погружении в ванну вытесняет больше воды.

– Мне Петя только что рассказывал. Правый бицепс у него сорок пять, а левый сорок три! – общительно сказала Дафна, заметив, что Меф и Маркелов поглядывают друг на друга как два молодых петуха.

– Что, серьезно? – спросил Меф.

Маркелов самодовольным кивком подтвердил, что всё так и есть.

– Безобразная диспропорция! – ужаснулся Буслаев. – Если бы у меня было так, я бы помалкивал и тихо сидел в спортивном зале, забившись в самый темный и непроветриваемый угол. Сорок пять и сорок четыре – это еще куда ни шло, но сорок пять и сорок три – это патология.

Маркелов забеспокоился.

– Врешь! Ничего не видно!

– Мне-то нет. Я человек темный. Но некоторым нашим посетителям бросается в глаза. Они по-дурацки ржут и, когда ты отворачиваешься, показывают пальцами, – сказал Меф.

Маркелов недоверчиво хмыкнул, но самоуверенности в нем поубавилось и, потоптавшись минуты три, он улизнул в туалет сравнивать бицепсы перед зеркалом.

– Ты живешь с матерью и дядей? – спросила Даф.

– Откуда ты знаешь? – удивился Меф и тотчас сам догадался: – А, ну да! Митина! Болтун – находка для шпиона!

Сравнение Дафне не понравилось.

– Тут явный симбиоз. Скорее уж шпион – находка для болтуна, – уточнила она.

– Так Митина?! – спросил Меф.

Даф боязливо промолчала, зная, что иначе это обернется для нее потемневшим пером.

– Учишься где-нибудь? – продолжала расспрашивать Дафна, исследуя границы новых воспоминаний Мефа. Если не было резиденции, логично предположить, что не было и Глумовича.

– Учился. Последние классы закончил экстерном, – сказал Меф неохотно.

«Все ясно. Редактировать воспоминания всему классу наши не стали. Ограничились Мефом, Эдей и Зозо», – сообщила Дафна.

– Поступаешь куда-нибудь?

– Да. В этом году.

– Куда?

– На биологический, в МГУ.

У Дафны мгновенно выстроилась связь: «Троил – Эдемский сад – биология».

– А если провалишься?

– Провалюсь – придется идти на платное, – сказал Меф, слегка морщась.

– Платить будешь сам?

– Ага. Я трудоголик. С двух лет оплачиваю все счета за игрушки, кефир и зубную пасту, – сказал Меф.

Шутить-то он шутил, но Даф отлично знала, что Меф всегда помогал Зозо. Когда играешь в теннис жизни, всегда надо возвращать шарик благодарности тому, кто тебе его послал. Если будешь прятать шарики в карманы, вскоре нечем будет играть. Тот, кто умеет только сжимать ладони, не умея разжимать и отдавать, никогда не уплывет дальше гавани. Кулаком вода не загребается.

Как-то само собой случилось, что к метро они пошли вместе, продолжая разговаривать.

В «Звездном пельмене» было шумно. За стойкой призывно полосатились фирменные рубашки. То и дело доносились возгласы: «Касса свободна!» и «Приходите еще!»

Внезапно к равномерному чавканью пельменниц примешался посторонний звук. Это Митина, не ушедшая до сих пор домой, неожиданно для себя стукнула ладонью по противню с пельменями. Во все стороны брызнул фарш.

«Плевать! Какое мне до них дело? Это быдло! Рабочий скот! Бабочки-однодневки! Кружатся, болтают, провожают друг друга и никогда ничего не достигнут!» – подумала она, глядя на Мефодия и Дафну, проходивших снаружи мимо зеркальной витрины. Похоже было, что эти двое нашли друг друга.

Митиной стало досадно. Захотелось плакать и размахивать табуреткой, проламывая головы этим чавкающим, жвачным животным за столиками, которые целый день, конвейером, сменяли друг друга, никогда не заканчиваясь. Почему одним всё дается сразу – любовь, радость, а другие должны прогрызать себе дорогу зубастым и сердитым честолюбием?

О том, что можно просто и искренно любить саму жизнь и всех людей, и тогда радость придет сама собой, Митина как-то никогда не задумывалась.

Карьера и рост – путь наш прост.

Глава 7

Чимо де Данни

Тайна искусства – в воспроизведении самых первоначальных и непосредственных ощущений и впечатлений.

А. Воронский

Когда юноше исполняется шестнадцать, в жизни у него впервые возникает трепетное слово «военкомат». Первым оно звучит в прокуренных устах школьного военрука, который обучает разбирать-собирать автомат за сорок секунд, заставляет записывать в тетрадь факторы поражения и объясняет, в какую сторону следует лечь ногами, когда в километре от тебя вспухнет ядерный грибок. При этом весь класс обычно дико ржет и чешет ногтями лица, распухшие после зверской присыпки, которой обработаны внутри новые противогазы.

Потом отец, которого ты перерос на голову, замучил вечным попрошайничеством и ночным торчанием за компьютером, со включенными колонками, мстительно говорит: «Ну ничего! Займется тобой сержант Мухамеджанов!»

И, наконец, наступает момент, когда среди обычной рекламы, забивающей почтовые ящики, внезапно возникает повестка с просьбой явиться такого-то числа для прохождения медкомиссии. Бумажка обычно напечатана типографским способом и только некоторые слова, включая твое имя, вписаны ручкой, что представляется особенно многозначительным. Тут обычно сразу становится несмешно и радостное школьное желание бесконечно разбирать и собирать автомат улетучивается раз и навсегда.

Первые две стадии – военрука и отца с мифически злобным сержантом Мухамеджановым – Петруччо Чимоданов счастливо проскочил. Точнее, обе эти стадии заместились у него Ареем, который стал и сержантом, и военруком в одном лице. Однако повестки и ему миновать не удалось.

Повестку вручила ему мама, когда Петруччо заглянул домой взять кое-какие вещи и попутно поковыряться ложкой в супе.

– Друг мой! Как председатель гражданской комиссии российского филиала международного общества по обсуждению правильности установки запрещающих знаков в центре Москвы, я считаю, что медкомиссию тебе пройти необходимо! Это будет способствовать твоей внутренней мобилизации и станет дополнительным стимулом для подготовки в высшее учебное заведение! – изрекла она.

Картонные канцеляризмы так въедались в Чимоданову-старшую на службе, что даже дома она не могла расслабиться и отстреливала их, как винтовка новенькие гильзы.

– Слушаю и повинуюсь! – сказал Петруччо, преданно капая на повестку супом.

Глядя на маму Чимоданова и ее сына, всякому становилось ясно, что перед ним два клона. Если папа в славном семействе Чимодановых некогда и существовал, то только как внешний предлог и дань традиции.

– Как ты разговариваешь с матерью, которая тебя родила? – спросила она голосом, от которого все светофоры начинали заискивающе подмигивать желтым.

– Так точно, гражданин председатель! – поправился Чимоданов.

Мать он любил сильной, но несколько шумной и каркающей любовью – той любовью, которой любят друг друга молодой вороненок и ворона. Хотя почему бы и нет? Любовь не имеет бытовых эталонов. У нее один норматив истинности, хранящейся в сердце как в главном хранилище мер и весов.

Можно было, конечно, не идти, прибегнув к помощи одного из тех улыбчивых, с упругим животиком генералов, что вечно прыгали в приемной на Большой Дмитровке, но Чимоданов посмотрел на дату на повестке, подумал-подумал и пошел. Свой любимый боевой топор он предусмотрительно оставил дома. Зато Зудуку пришлось взять с собой, поскольку даже за короткое время пребывания у мамы он ухитрился поджечь тюлевые шторы.

По дороге в военкомат Чимоданов сумрачно размышлял о рабочих вопросах. О службе он думал всегда, даже когда пальцы его ловко размягчали пластилин, изготавливая из него человечков. Отдыхать он не любил да и не умел. Попробуй объясни реке, что она должна не течь, а отдохнуть! Если река согласится, то, сама того не заметив, мигом превратится в болото.

Пиная перед собой случайно подвернувшуюся пластиковую бутылку, Чимоданов размышлял о завале весеннего плана, о вконец обнаглевших комиссионерах, тырящих эйдосы с дикой жадностью, якобы забывая их сдавать, и о том, что Арей последнее время ведет себя непонятно. То где-то пропадает, сваливая на них всю работу, то мечется по кабинету, как зверь в клетке. Прежний Арей тоже любил кабинет, но сидел в нем часами неподвижно, точно истукан. Порой, заглядывая к нему, Чимоданову чудилось, что и не мечник это, а просто бездушная кукла – не дышит, не моргает, на вопросы не отвечает. Да и тут ли он вообще, непонятно.

Этот же Арей был другой. Сквозь обычную снисходительную расслабленность уверенного в себе хищника проступало нечто иное, искаженное, словно кто-то упрямо пытался играть на безнадежно испорченном инструменте. Нет, это был не зарождавшийся внутри свет, невозможный для него в принципе, как невозможна ночь на солнце, а, скорее, общая неудовлетворенность мраком, с одновременной неспособностью вырваться из его сетей. Зло не может быть пищей даже тому, кто как будто им владеет. Чем больше пьешь зло, тем больше жаждешь, пока все внутри тебя не превратится во всепожирающую черную дыру. Суккубы и комиссионеры тоже ощущали изменения в Арее, но, не вдаваясь в подробности, реагировали на это единственным, чем отзывались вообще на всякие перемены во внешнем мире, – воровством.

– Ах, нюня моя! У хозяина такая зашкаливающая энергетика! Как же я восхищаюсь такими мужчинами! – заламывая пальцы, заявил вчера суккуб Хнык.

– «Зашкаливающая» энергетика в розетке! Про нашего шефа правильнее сказать, что он бодрый субъект, склонный к повышенной бегательности, – поправила Улита, недоверчиво шлепая Хныку печать на регистрации.

Суккуб тоже сдал на три эйдоса меньше, чем положено было по графику, свалив все на людей, якобы ставших равнодушными к высокому и бескорыстному чувству.

– Эгоисты проклятые! Никто даром любить не соглашается! Все только себе требуют, высчитывают как калькуляторы! Первостатейнейшие запретные удовольствия жуют вяло, как коровы, да еще и кефира не дают! Не могу же я, в конце концов, разорваться!! Помяните мое слово, грешить становится немодным! – хлюпал он.

Устав слушать нытье, Улита запустила в суккуба чернильницей и заверила Хныка, что если через неделю он притащит так же мало эйдосов, то немодным окажется не только

грешить, но и торчать без дела в человеческом мире.

Как-то в кабинет Арея просочился Тухломон. Он бережно положил на стол несколько завернутых в бумажку эйдосов, слезящимися внимательными глазками посмотрел на портрет и произнес витиеватую речь, суть которой сводилась к тому, что он очень любит деток и очень осуждает политику мрака, запрещающую почтенным стражам заводить семьи, в то время как самый жалкий африканский колдун может жениться столько раз, сколько ему это будет интересно.

В следующий миг он уже стекал со стены, отброшенный на нее жестоким ударом. Не теряя и секунды, Тухломон лужицей пластилина вытек в приемную. Там он кое-как встряхнулся, принял прежнюю форму и, объяснив Улите, что восхищается хозяином, а ее саму уважает как специалиста и человека, испарился.

– Доносить пошел! – пробормотала Улита, хорошо знавшая комиссионерское племя.

Ведьма была очень недовольна. Раньше только собой, а теперь еще и шефом, поведение которого вызывало у нее недоумение. Чего, например, стоило настоятельное требование найти девушку, о которой ровным счетом ничего не было известно: ни имя, ни внешность, ни даже сколько ей лет!

– Это даже не иголка в стоге сена. Ну хоть что-нибудь о ней известно? Кто ее родители? Вкусы? Привычки?

– Ничего, – чуть помедлив, кратко ответил Арей.

– Тогда как мы будем искать? Не тащить же нам в резиденцию всех девушек подряд!

– Тащить никого не надо. Просто делайте всё, как делается, а там как получится.

Улита окончательно запуталась.

– Хорошо, шеф! Не хотите, чтобы этим занимались комиссионеры – ваше право. Но скажите хотя бы, где искать. Щас устроим подробную карту!

Ведьма сунула палец в бульон и принялась с увлечением рисовать на столе.

– Здесь Арктика, здесь где-нибудь Мурманск и Архангельск. Здесь ниже Уральские горы... Здесь тоже, допустим, Уральские горы... И тут пусть тоже будут Уральские горы... Ну а там уже все сплошная Сибирь!

– По такой карте только ракеты наводить! Альтернативная география! Примерно до Владивостока у тебя выстроились сплошные заборы из Уральских гор, – ехидно сказал Петруччо.

Арей не проявил к карте интереса.

– Ищите для начала в Москве. Достаточно, если каждый из вас будет без особой цели шататься по городу часа по три в день, – приказал он, подумав.

– И это всё?

– Да. Всё. Если эта девушка такая, какой я ее себе представляю, она сама найдет вас или меня.

И вот теперь Чимоданов шагал в военкомат, попутно поглядывая по сторонам и делая вид, что отыскивает таинственную девушку Арея.

По дороге ему дважды попался Тухломон. В первый раз он, галчонком разинув рот, говорил «Вау!» с рекламы нового мужского журнала. В другой же раз, зайчиком прыгая по проезжей части, ловил такси, имея в руке сумку с продуктами из гипермаркета. Чимоданова он оба раза якобы не замечал.

Поначалу Петруччо раздражала такая назойливость, однако очень скоро он пришел к выводу, что комиссионер попросту развлекается.

* * *

Военкомат оказался блочным двухэтажным зданием, обнесенным бетонным забором. Зажатый между громадных домов-близнецов, он был точно самоуверенный дядька Черномор, окруженный толпой богатырей.

Чимоданов показал повестку молодому офицеру, замурованному в стеклянной будке и

подписанному «Дежурный». Тот без интереса посмотрел на нее и, спросив, умеет ли Чимоданов читать, отправил Петруччо в сторону, в которую указывали бумажные стрелки. Для этого пришлось подняться на второй этаж. Несложный лабиринт проходов привел его в коридорный аппендикс со множеством тесно расположенных кабинетов. Очень быстро Чимоданов получил на руки анкету, заполнил ее и стал озираясь, соображая, куда идти дальше.

Между кабинетами стояли банкетки с наваленной на них стыдливими кучками одеждой. У банкеток сусликами торчали покрытые гусиной кожей юноши в трусах. Напуганные и отважные. Тощие и тонкие. С ребрами как клавиши рояля и без ребер, с прыщиками на груди и прыщиками на спине. Попадались и качки с раздутыми торсами и слабыми детскими ножками, на которые не хватило терпения и штанги. Каждый держал в руках медицинскую карту, пытаясь без очереди нырнуть в кабинет, подписанный «ЭКГ», «Хирург» или «Окулист».

Петруччо тоже разделся и, обнаружив, что возле двери с табличкой «Психиатр», никто не толпится, сунулся туда.

Доктор Смушкин, маленький человек с большими ушами гения, перестал вытягивать за крылышко навязчивую муху, которая пыталась поселиться у него в носу еще со времен института, и, кашлянув, поднял песочные глаза.

Смушкин был человек начитанный, проглотивший тысячи серьезных книг. Память у него хватала все цепко, точно капкан. Один раз запечатлев какую-нибудь цитату, она удерживала ее, словно бультерьер, и даже со временем начинала считать своей.

Доктор верил в разум и его безграничные возможности, но не верил в сердце и его вечную живительную силу. Как следствие, разум у него развился титанически, сердце же скукожилось и усохло, как яблоко, надолго забытое в холодильнике. В результате доктор Смушкин, сам того не замечая, стал похож на тех качков с рахитичными ножками, что караулили в коридоре свои штанишки.

Ресницы у доктора Смушкина были белесые, а пальцы тонкие и нервные. Он любил распрямлять их, вытягивать и стрелять суставами. Каждый сустав имел свой звук. Большой палец, как самый сильный и бездарный, не имел звука вовсе. Вкуснее всего стрелял безымянный, украшенный тусклым обручальным кольцом.

Когда-то Смушкин учился в докторантуре, писал серьезные работы по шизофрении и, как жиреющий на рыбе морж, начинал уже набирать научный вес. Всё шло неплохо, но потом что-то разладилось. Он поссорился с научным руководителем, бросил докторантуру и не стал защищаться.

Надо было быстро встать, отряхнуться и сражаться дальше, однако доктор Смушкин сражаться не стал. Он оказался не боец. Вместо этого он обиделся на весь мир и, отделив себя от него глухой стеной, ушел в сердитую оппозицию. Суть оппозиции состояла в том, что сам Смушкин не делал ничего, но всё, что делали другие, ему заведомо не нравилось. Теперь он работал в военкомате, службу свою не любил, считал неизбежным злом, но вместе с тем делал ее хорошо, легко принимая по семьдесят призывников в день.

Но даже при такой загрузке на месте ему не сиделось. Он часто вскакивал, прохаживался по кабинету и открывал форточку. Ему было душно и хотелось свежего воздуха. Но от свежего воздуха доктору Смушкину становилось холодно. Тогда он снова вставал и захлопывал форточку. И вновь становилось душно.

Смушкин как раз раздумывал, не оставить ли ему в покое форточку и будет ли лучше на минуту распахнуть всё окно целиком, когда в кабинет вошел взъерошенный и сердитый юноша с лицом человека, у которого все китайцы и индусы заняли по копейке, после чего хором сказали, что не вернут. Труссы на нем были розовые, как мечта. В левой руке он держал большую куклу с головой из твердого пенопласта. К кукле доктор Смушкин отнесся нормально. В военкомате он работал уже двадцать два года и его не удивили бы даже красные трусы, буденовка и игрушечный автомат, сопровождаемые воплем: «Дядь, возьмите меня в конницу!»

Вместо этого он протянул руку за картой, внимательно пролистал ее и спросил:

– Вы умеете считать?

– Примерно до миллиона... – радостно сказал Чимоданов и хотел уже начинать, но оказалось, что таких обширных знаний от потенциального призывника никто не требует.

– На двери, если вы заметили, стоит крупная цифра «пять». Что она означает? – спросил Смушкин.

Петруччо затруднился ответить, и за него ответил сам доктор:

– Это означает, что перед кабинетом номер пять надо посетить кабинеты один, два, три и четыре. Логика ясна?

Логика была Чимоданову понятна. Он повернулся, собираясь уйти, но тут доктор Смушкин смягчился и согласился милостиво изменить вечные законы арифметики. Он взял карту и стал быстро ее заполнять.

– Жалобы есть?

– Есть.

– Слушаю вас.

– В шоколад стали мало орехов добавлять.

Доктор Смушкин обозначил губами улыбку.

– Это не по моей части.

– А по вашей что?

– По моей, если бы эти орехи разговаривали.

– С кем? Со мной или друг с другом? – уточнил Чимоданов.

– Да хоть с потолком... Имя!

– Чье? Мое? Петруччо!

Ручка в пальцах у психиатра с сомнением дрогнула, однако переспрашивать он не стал.

– Фамилия?

– Чимоданов. Подчеркиваю: не от того мерзкого слова, которое вы подумали!

– Откуда ты знаешь, о чем я подумал? – удивился Смушкин.

– Все это думают. Мне хочется, чтобы весь мир сдох!

Смушкин заинтересованно моргнул и, склонив голову набок, посмотрел на Чимоданова добродушным, мимолетным и ненавязчивым взглядом профессионала. Странности странностями, но диагност он был хороший.

– Странное желание... Попыток суицида не было? – быстро спросил он.

– Суи... кого?

– Себя убить не хотелось?

– Нет. Только других.

– Это я уже слышал, – нетерпеливо сказал психиатр, делая в карте пометку. – И от какого же слова твоя фамилия?

Этот вопрос Петруччо любил и к ответу на него подходил обстоятельно.

– На сегодняшний день известно девять версий возникновения моей фамилии, – сказал он лекторским голосом. – Согласно первой, татарский десятитысячник Чимод прибыл на службу к московскому князю Ивану Калите и стал родоначальником воинственной и мужественной династии князей Чимодановых. Согласно второй, моим предком был итальянский химик Чимо де Данни, устраивавший фейерверки во времена императрицы Елисавет. Согласно третьей, фамилия связана со сбором дани. По четвертой, существовало ныне забытое село Чимоданово на затерянной реке Чимоданче, а жители его назывались «чимоданники».

Остальные версии доктор Смушкин выслушивать не стал.

– Ясно. Полных лет?

– Семнадцать.

Доктор Смушкин привычно умилился.

– Прекрасный возраст! Значит, через годик ждите повесточку. В армии, конечно, не желаем служить?

Юноша в розовых трусах возмутился.

– Как это не желаем? – сказал он, обращаясь к своей кукле. – Очень даже желаем! Особенно Зудука рад будет до пулемета добраться! А там гранаты всем выдают или только тем, кто всю кашу съедает?

Доктор Смушкин насторожился.

– Учитесь? Школа? Колледж? – спросил он.

– Нет.

– Что, нигде?

– Нигде.

– Работаете?

Чимоданов удовлетворенно кивнул. Обычно он не отличался разговорчивостью, а тут точно шилом под язык кольнуло. Внезапно захотелось рассказать всю правду, да еще не просто рассказать, но и получить за правду белый билет.

«Все равно не поверит, а получится может забавно!» – подумал он.

– И кем же?

– Стражем мрака! – заявил Чимоданов, горделиво преувеличивая свою канцелярскую должность, состоящую в основном в работе с комиссионерами.

Смушкин отнесся к этому известию без выраженного интереса. Даже не стал делать записей в карте.

– А что делают стражи мрака? – спросил он с живым интересом.

– Как что? – удивился Чимоданов. – Сражаются со стражами света, разумеется! Чего им еще делать-то?

– Чем сражаются?

– Мечами в основном. Но не все. Я вот, например, боевым топором. Мошкин, тот больше шест уважает. Ната и Улита – шпагу или рапиру.

– Реконструкторы, значит? Как же, как же, встречал таких... А как вы сражаетесь? Аккуратненько?

Петруччо ухмыльнулся.

– Топором аккуратненько не получится. Не дуэльное оружие! Техника бедная, но многовато экспрессии.

– Поверните, пожалуйста, руки ладонями вверх... Вытяните их перед собой! – неожиданно попросил доктор Смушкин. – Что это у вас на вене за точка? Не укол, нет?

– Да не! Какой укол? Растворчик делал – кислотой капнул! Вот он подтвердит! – обращаясь за поддержкой, Петруччо посмотрел на Зудуку.

Кукла, висятая головой вниз, дернула головой.

«Ловко он ее!» – оценил доктор и позволил Чимоданову опустить руки.

– А еще что делают стражи? Не отвлекайтесь, молодой человек! Повествуйте!

– Кто что. Я вот, например, в левой ноздре грипп осенний выращиваю. Занозистая будет штука, трехнедельная! Хотите отчихну немного?

Доктор Смушкин не захотел.

«Тоскливо с ними! Хоть бы один умел нормально симулировать! Почитал бы литературу специальную! А то несут чушь: слушать противно!» – подумал он.

– Ещё за эйдосами охотятся всякие там, а потом нам их сдают! Вороватый народец! Чуть ему штамп поставишь, он у кого-нибудь из очереди пузыречек из руки, за щеку и – шмыг! – продолжал Чимоданов.

– Что за эйдосы такие?

Петруччо недоверчиво осклабился, не веря, что можно этого не знать, открыл рот и озадаченно замолк. Вопрос был элементарный и вместе с тем заводящий в тупик. Слишком много в сознании начинало толпиться разного. Всё равно что спросить у работника автосервиса, что такое машина и удивиться его мычанию. Чем больше мы что-то знаем, тем больше у нас вопросов.

– Да штучка такая с крупную песчинку. Душа вроде как. Вот у вас, подчеркиваю, эйдос

есть? – наконец сказал он.

Имеется у него эйдос или нет, доктор Смушкин не знал. А раз не знал, ему проще было предположить, что никакого эйдоса у него нет. И вообще охотиться за ним не надо. Особенно в рабочем кабинете, где шаткий стол и много стеклянных полок.

Петруччо, однако, усомнился, что эйдос отсутствует. Он взгляделся в Смушкина и деловито спросил, не продавал ли он кому-нибудь душу.

– Вроде как не находилось желающих, – сказал доктор, быстро заполняя карту.

– А вот тут вы не правы. Желających полно. Так и рыщут, – серьезно сказал Чимоданов.

– Где рыщут?

– Да, в общем, повсюду. Гадиков-то у мрака много, а планы на эйдосы сейчас просто дикие. Это уж так, по секрету.

– Прямо так и рыщут? – удивился Смушкин.

– Рыщут, – подтвердил Чимоданов.

– И доказать это можете?

– А чего тут доказывать? – отмахнулся Петруччо. – Мыслей у вас, что ли, никогда не было странных, диких, точно чужих? И пугающих снов, от которых трясет потом? И острых озарений, когда ясно видишь не случившееся еще событие? И желаний сделать что-нибудь глупое, самому себе вредное? Ну там, сунуть палец в закрывающуюся дверь? Или положить ладонь на газовую конфорку? Или без всякого повода мелко нагадить? Урну поджечь, замок забить?.. Или солгать, когда даже и самому непонятно, зачем врешь?

– Это называется «навязчивые состояния», – вежливо пояснил Смушкин. – Чаще всего они проходят сами, как насморки. В крайнем случае, прописывается медикаментозное лечение, но лучше не обращать внимания.

– Навязчивые состояния, говорите? Ну-ну... А навязывает-то их кто? – логично спросил Чимоданов.

На этот вопрос Смушкин отвечать не стал. Вместо этого он впервые с некоторым беспокойством посмотрел на Петруччо. Однако болтавшаяся головой вниз кукла решила дело.

«Нет, всё-таки симулянт», – решил он.

– Ну-ну, юноша! С вами не соскучишься! То у вас стражи темноты какие-то, то урну поджечь... Так невесть до чего можно докатиться! – сообщил Смушкин с улыбкой человека, которому проще верить во множество сбивчивых законов, чем в единый источник всего сущего.

Доктор Смушкин был здравомыслящим человеком. Ничто не могло сдвинуть его разум с фундамента фактов, которые, будучи сами по себе верны, представляли целое в виде дробного и выискивали противоречие там, где его никогда не было.

Так и блоха знает, что есть кожа, по которой надо прыгать, и кровь, которую следует пить. Еще ей известно, что существует ноготь, который ее давит, когда она окончательно обнаглеет. В границах этих трех понятий она и живет, но при этом совершенно не уверена, что ноготь, кровь и кожа – части единого целого. Будучи невероятно мелкой и близорукой, она легко готова допустить, что человека как такового и вовсе не существует.

Смушкин зевнул, сделал финальную запись и перебрал карту Чимоданову.

– Позови следующего!.. Дальше обход начнешь с первого кабинета!

Петруччо повертел в руках карту. Почерк у доктора был особый, медицинский. Должно быть, такой почерк изучается в мединститутах специальным предметом внутреннего шифрования. Задача его – сделать буквы такими непонятными, чтобы прочитать их смог только другой врач или аптекарь.

– Так что, я годен или не годен?

– Годен! – сказал доктор Смушкин ласково. – По моей части противопоказаний к службе нет.

– Как годен? Мне же оружия нельзя! – всполошился Чимоданов.

– Почему?

– Я же больной на голову!

– Я это уже заметил, – вежливо сказал Смушкин. – Но армия не боится больных на голову! Она даже придумала для них железнодорожные войска. Оружия там не выдают, зато позволяют носить рельсы и укладывать шпалы.

Когда Петруччо вышел, доктор Смушкин посмотрел на закрывшуюся дверь, украшенную изнутри большим календарем со всероссийской выставки бронетанковой техники, и подумал: «Забавный парнишка! Не без изюма в голове!»

На этом запас суждений Смушкина о Чимоданове иссяк, и он окончательно отфутболил потомка итальянского химика из своих мыслей.

Дождавшись конца приема, доктор неторопливо встал и, с наслаждением похрустев пальцами, снял белый халат. Доктор любил эти минуты, когда работа уже завершена, а полное мелочных забот послеработы еще не началось.

Он повесил на плечики халат, попрощался с заглянувшим к нему коллегой-окулистом, издали крикнул что-то шутливое проходившему мимо по коридору военкому, и собрался уже уходить, когда внезапно могучий, невиданной силы чих потряс до основания его совершенно не богатырский организм.

Форточка открылась и закрылась.

Доктор застенчиво покачал головой, удивляясь своему чиху, и стал искать ключ от кабинета, как вдруг в левой ноздре у него что-то шевельнулось.

Удивленный Смушкин скользнул пальцами в ноздрию и там, где много лет обитала одна воображаемая муха, внезапно обнаружил нечто назойливо и упрямо существующее. Испуганно дрожа, он сомкнул пальцы и сильно дернул. Ноздря раздулась, и в пальцах у психиатра затрепетало страннейшее существо – крупный, твердый, в коричневатых чешуйках овод. Всё бы ничего, да вот только голова у овода была человечесья. Маленькая, гладкая, безволосая. Сильно скошенные уши загадочным образом переходили в крылья.

Пальцы доктора от ужаса разжались, и овод с человеческой головой упал на стол. На столе оводу не понравилось. Тотчас он извернулся, закрутился и энергично пополз к Смушкину.

Доктор отскочил с изумившей его самого резвостью. Он с детства смертельно боялся пчел, шмелей, трутней и всего на них похожего. По этой причине они и форточек летом не открывали. Несколько раз случалось, что мама или бабушка до часу ночи носились по комнате, охотясь за просочившейся откуда-нибудь мухой, а маленький Смушкин руководил военными действиями, в ужасе высунув нос из шкафа.

– Ваше имя? – спросил овод треснувшим, с гнусинкой голосом.

Длинный и тонкий его рот, странным образом выросший, гнулся во все стороны. Доктор испуганно сорвал с ноги ботинок, неуклюже замахнулся и дважды ударил каблуком. Послышался неприятный звук. Овод смялся, но легко вернул прежнюю форму и продолжил ползти.

– И не стыдно на маленьких руку поднимать, бесстыжий ты человек? – спросил овод сердито.

Недоверчиво взглянув на каблук, Смушкин обнаружил на нем два глубоких, точно выжженных клейма в форме упомянутого овода. Клейко пахло расплавленной резиной.

– Имя, я сказал! Будешь притворяться глухим – пойдешь в артиллерию! – повторил овод, используя одну из любимых фраз Смушкина.

Тот так к ней привык, что порой говорил ее даже собственной жене. Жена глухой не была, но любила врубать звук телевизора так, чтобы слышно было из ванной при работающей стиральной машине.

– М-м-максим, – промямлил Смушкин.

Овод остановился, одной из лап с большой ловкостью почистил жесткое крыло и одобрительно кивнул:

– Теперь вижу, что не глухой! Прекрасное имя! Полных лет?

– Сорок восемь.

– Прекрасный возраст!.. Жалобы есть?
Смушкин энергично замотал головой.
– Сотрясения мозга были? Головокружения? Головные боли?.. – продолжал допрашивать овод, быстро заползая доктору по рукаву.

– Н-нет!
– Попытки суицида? Навязчивые состояния? Психозы? Сон нормальный?
– Хо-хороший!
– Вот и чудесно! Жди повесточку! Пойдешь в стройбат! Прекрасный род войск! Обычные солдаты всё разрушают, взрывают, портят, а эти чинят и строят! – глумливо заявил овод.

Он был уже у изгиба локтя. Смушкин попытался стряхнуть его, но овод ловко просочился между пальцами и заполз на плечо. Доктор прижался спиной к стене.

– Отстаньте от меня! – взмолился он, с ужасом глядя на упорную букашку.
Теперь, когда овод был рядом, отчетливо просматривались мерзкие ворсинки на передних лапках.

– Ну что, эйдос будем отдавать или снова в нос вползти? – спросил он пискляво.
– Нет!
– Нет, не будем или нет, не вползать? – уточнил овод, перелетая на тщательно выбритый подбородок доктора.

Смушкин накрыл овода ладонью, со страхом понимая, что пальцы его ничего не удерживают.

– Восстание слонят? Бунт шизиков против раздвоенных личностей? Руки по швам! – гаркнул овод.

Смушкин дернулся. Оглянулся на дверь и сразу же – на окно.
«Спокойно! – приказал он себе. – Главное не глупить! Всё под контролем! У меня сложная смысловая галлюцинация на фоне детской фобии».

Овод приблизился к ноздре. Смушкин поспешно зажал пальцами нос и закрыл глаза. Оводу это не понравилось:

– А это что еще за детские фокусы? Так и будешь до старости с зажатым носом ходить?.. А дышать чем будешь, я тебя спрашиваю!..

– Уйди! – болезненно повторил Смушкин. – Я в тебя не верю!
– А мне без разницы! Эйдос отдаешь? Говори: «да» и я сразу исчезну!
– Нет! – прогнул доктор.

Он лихорадочно пытался вспомнить, можно ли вступать в переговоры с галлюцинациями или лучше делать вид, что ничего не происходит.

– Спорить со старшим по званию? Я приступаю к пыткам! – возмутился овод, без всякого перехода оказываясь в зажатой ноздре и производя там тошнотворное в своей натуралистичности шевеление лапками. Это было не больно, но невероятно омерзительно.

Доктор Смушкин дернулся и неожиданно для себя заплакал.
– Еще раз повторяю: отдашь? – прожужжал овод из недр носа, работая лапками, точно собака, зарывавшая кость.

В голосе у него была неприкрытая ненависть.
– Нет, – плача, повторил доктор Смушкин.
Он дернул раму и коленом неуклюже полез на хрустнувший подоконник. Решетки на окне не было.

– А ну стоять! Куда, я сказал? В летчики захотел? – завопил овод в панике.
Смушкин зажмурился и прыгнул.
«Пожалуйста! Сделай что-нибудь! Пожалуйста!» – жалобно, совсем по-детски взмолился он в полете, обращаясь к кому-то, кого он не знал и не хотел знать, но на кого единственного почему-то мог надеяться.

Прыгать со второго этажа на вскопанный газон оказалось совсем не больно. Доктор ничего себе не сломал. Неразбитый лопатой ком земли подвернулся под ногой, и он упал на

спину. Овод куда-то исчез, и больше не преследовал его.

Смушкин лежал на спине и смотрел на небо. Бледно-голубое, весеннее, с дряблыми, жирком подернутыми тучками, оно наискось срезалось крышей военкомата, которая поблескивала жестяными кругами новых водостоков. На душе у доктора была легкость просто звездная. Ему казалось, что он может взять солнце в руки и, дуя на него, перебрасывать из ладони в ладонь.

Непонятно почему, но Смушкин был очень доволен, что не отдал мерзкому насекомому того, наличия чего в себе не признавал.

Увы, радостного воодушевления доктору хватило минут на десять, после чего оно стало вымываться липкими житейскими тревогами. Он задумался, не видел ли кто его прыжка из окон военкомата. Доктор встал и, трусливо оглядываясь на окна первого этажа, отряхнул пиджак.

«Если спросят – скажу, что хотел поправить кольца штор, потерял равновесие и вынужден был скакануть», – решил он и, мобилизованный мелкой своей ложью, стал обходить здание вокруг.

Случай с оводом был не то чтобы забыт, но замечен на задворки сознания – туда, куда человек заботливо прячет всё неуютное, что не вписывается в выстроенную концепцию его существования и грозит нарушить привычное течение жизни.

Всё было спокойно. На бетонном заборе военкомата сидела молодая, но уже битая жизнью ворона. На доктора Смушкина она поглядывала с неприветливым подозрением, точно соображала, не он ли вчера украл значенные колбасные шкурки.

«Точно он! Вот пролаза!» – наконец решила ворона. Накренившись вперед, она тяжело взлетела и полетела куда-то над самой землей.

* * *

Возвращаясь в резиденцию, будущий рядовой железнодорожных войск Петруччо Чимоданов внезапно натолкнулся на Мефа. Тот преспокойно стоял на краю фонтана на «Тверской», наблюдая, как высокий, похожий на Дуремара мужичок выуживает сачком брошенную на счастье мелочь. Должно быть, чужое счастье не шло ему впрок, поскольку лицо он имел пресное и недовольное.

На Чимоданова Меф посмотрел без интереса и сразу отвернулся. Петруччо озадачился. Окликнув Буслаева, он поздоровался с ним, и тот ответил на приветствие, однако осторожно, как человек не совсем уверенный, что здороваются именно с ним, а не с кем-то, кто сейчас вынырнет из-за его плеча.

Озадаченный Чимоданов осознал, что его действительно не узнают. Выдерживая дистанцию, он стал следить за Мефом, но тот вскоре скрылся в метро. Петруччо поехал было за ним, однако перемудрил с конспирацией и потерял Мефа при пересадке на кольцевую.

«Ну и ладно! После разберусь!» – пообещал себе Чимоданов.

Петруччо вернулся на Большую Дмитровку в самом начале четвертого. Выдутый из метро бродящими там сквозняками и изредка небрежно, как своим, кивавший подобострастным суккубам, которые, меняя обличия как перчатки, работали по станциям, он коротко пронесся по переулкам, выскочил сразу к тринадцатому дому и... застыл.

В такие минуты разум всегда вертится на одном месте и кашляет, не в силах проглотить слишком крупный кусок впечатлений.

Большую Дмитровку перегораживали деревянные щиты с указанием маршрута объезда. У щитов дежурил немолодой гаишник. Рядом с новыми щитами он казался особенно неновым. Через опущенные стекла милицейской машины было слышно, как рация оживленно переговаривается сама с собой толстыми мужскими голосами.

Вечная строительная сетка, к которой Петруччо привык как к собственным покусанным большим пальцам, исчезла.

Но и это было еще не всё, потому что дома № 13 по Большой Дмитровке больше не

существовало. Улица шепеляво смотрела выбитым зубом. Видны были глухие, без единого окна, боковины примыкавших домов и сплошная стена заднего дома со стороны переулка. С изнанки соседние дома казались страшными мертвыми коробками, стеснявшимися самих себя. «Прикройте меня! Я не одет!» – плакал клейменный, красный от стыда двухвековой кирпич с кирпичного завода братьев Лукьяновых.

Экскаватор поворачивался на тесной улице неуклюже, как краб. Вскидывая ковш, он цеплялся за проем опустевшего окна и пытался, выворачивая камни. Другой экскаватор тотчас ссыпал камень в выстроившиеся очередью грузовики. Ему помогали десятка два рабочих, дробивших камень отбойными молотками. Иная техника не использовалась из-за тесноты пространства и опасности для соседних строений.

Исчезла оптическая мастерская Милька. Пропал любимый гимназистами магазинчик «Заграничные новости». Сгинули грязные меблированные комнаты «Версаль», где за карточными столами ловко обирали приезжих суетливые, варшавского разлива шулера. Растворились в пустоте гостиница Мебельпрома и объединенный архив Мосводоканала. Чехову негде стало приобретать пенсне, а творчески настроенному мичману Горобцу вырезать трофейным германским штыком слова на оставшейся со времен «Версалья» лакированной конторке.

Горькими слезами рыдала Большая Дмитровка, оплакивая убитый дом.

Русскому отделу мрака негде было больше трудиться, повышая показатели и вминая кулаками страх в мягкие головы комиссионеров.

– Дружеский привет от старого Скоморошьевого кладбища! Говорила им мама: кости плохой фундамент! Как ни хитри, а ничего на них не стоит! – произнес кто-то рядом с Чимодановым.

Петруччо увидел Улиту. Лицо у нее было потное и исцарапанное. Ведьма мрачно созерцала, как экскаватор натужно рушит последний уцелевший фрагмент стены. У ее ног стояли две туго набитые полосатые сумки из тех, чьи неприметные достоинства давно оценили рыночные торговцы.

К Улите пугливо жались Ната и Мошкин. У Евгеша за спиной висел большой грязно-желтый рюкзак «Гранд-каньон». Ната держала за выдвижную ручку пузатый чемодан на колесиках.

Подхваченный приливной волной досады, Чимоданов рванулся к рабочим. Сильные пальцы схватили его за локоть.

– Куда? – крикнула Улита.

– Там мои вещи!

– Там – это где? – уточнила Улита.

– На втором этаже.

Улита очень заинтересовалась.

– Ты где-то видишь второй этаж?

Петруччо замер, созерцая провал между домами. У него дрогнули губы и разом спутались мысли. Он бы меньше удивился, скажи ему кто-нибудь, что с вокзальной площади пропали все три вокзала.

– Но мои вещи!.. – тупо повторил он.

– Вот они. Это же они, да? – сказал Мошкин, кивая на камуфляжной расцветки рюкзак, в котором Петруччо иногда перетаскивал оружие.

Чимоданов метнулся к рюкзаку. Увидел кучу ненужных проводов, которые давно собирался выбросить, и большую рыжую подушку.

– Зачем ты подушку брал? Надо было из шкафа все выгрести! – заорал он, хватая Мошкина за ворот.

– Ты не представляешь, что тут творилось два часа назад! – жалобно сказал Евгеша.

Чимоданов ждал, что он добавит: «Я ведь тоже не представляю, да?», однако Мошкин ничего не добавил.

– А мне плевать! Я тебя убью! – закричал Петруччо.

– Отпусти его! – спокойно приказала Улита.

Чимоданов с опаской покосился на нее и разжал пальцы. Он не боялся Улиты, когда она орала, но когда она говорила тихо, действительно лучше было послушаться.

– Подчеркиваю: он не то взял!

– А он и не обязан был ничего брать! Заметь, кроме Мошкина, никто о твоём барахле вообще не вспомнил! Причем Ната не вспомнила, потому что не вспомнила, а я принципиально! – сказала Улита.

– Почему? – озадачился Чимоданов.

– Потому что я знала, что ты всё равно будешь психовать. Знаешь, чем свинья отличается от нормального человека? Нормальный человек за всё благодарен, даже если ему подарили палочку от мороженого, а свинье услуги оказывать себе дороже. Ей полцарства подари, она заподозрит подвох и хрюкнет, что твоя половинка лучше. Отдай целое царство, скажет: «Ага, заботы с себя хочешь спихнуть?» Подари свои кишки, она прохрюкает, что позвоночник ты будешь хоронить за свой счет.

Чимоданов смутился, приблизительно ощущая, что так оно и есть.

– А Даф взяла бы! – сказал он.

– Так на то она и светлая! Она не ждет благодарности, а я жду!

Улита говорила раздраженно, отрывисто, но за внешним возбуждением проглядывали отчаяние и усталость. Она то приглаживала волосы, то делала шага два-три вперед и останавливалась, точно сама не понимая, куда и зачем идет.

Один только Чимоданов способен был в такую минуту сожалеть о прошитых кожаными шнурами жилетах собственного изготовления.

– Как Арей позволил? Почему не убрал все эти... – Петруччо покосился на грохочущую технику.

Он недоумевал, как такое могло произойти. Шугануть экскаваторы могла бы и одна Улита. Да что там Улита? Хватило бы одной улыбки Наты, чтобы экскаваторщик принялся бессистемно сносить соседние офисы, а про Большую Дмитровку, 13, вспомнил бы только, когда единственный дом торчал бы в поле.

– Ты разве не знаешь? – спросила Улита глухо. – Арей в бегах. Он отстранен от руководства российским отделом и объявлен в розыск. Ну а это всё месть. Неужели ты думаешь, что резиденцию мрака можно снести, никого не предупредив, как какой-нибудь вшивый курятник?

– А что Арей такого сделал?

– Зарубил личного посланца Лигула, – голосом, который легко можно было принять за равнодушный, не будь он таким стеклянным, сказала Улита.

Она смотрела на Чимоданова невидяще-блестящим взглядом, не до конца осознавая, кто перед ней стоит, что спрашивает и, главное, зачем она отвечает. Она говорила, но не понимала смысла своих слов. Сознание и речь существовали на разных этажах, между которыми не было лестницы.

Память ведьмы торопливо, как страницы записной книжки, перелистывала сегодняшний день, начиная с утра. Улита вновь услышала щебет Вихровой, адресованный коллективному слушателю, составленному из Мошкина и Чимоданова:

– Терпеть не могу белый шоколад! Утром мне опять звонил этот больной из дипломатического колледжа! Замуж звал. Вот гадость!

Путать не стоило. «Вот гадость!» – относилось к белому шоколаду, а не к «больному» из колледжа, к которому Вихрова относилась вполне так себе ничего, хотя замуж и не собиралась. Ната была знаменита своими перескоками.

Болтая, Вихрова не забывала четко щелкать печатью. Ручеек комиссионеров пересыхал. Значит, скоро повалят суккубы. Мошкин уже предвидел это и пугливо ерзал на стуле. Он знал, что суккубы будут виться вокруг его стола, принимать самые соблазнительные обличия и, вытягивая мокрые губы, повторять: «Ну позязя! Позязечко! Мозно мальсику малюсенький стампик?»

Мошкин жалел, что сегодня на работе нет Чимоданова. Суккубов обычно принимал именно он. Настроен Петруччо был решительно. Рядом на столе всегда лежал боевой топор. К Чимоданову суккубы не лезли. Петруччо был суров, морально устойчив и плотскими страстями не искушался, чего суккубы в силу специфики своих занятий не могли не ощущать.

Сама Улита, обложившись просроченными закладными на эйдосы, не замечая, чертила на одной из бумаг профиль Эссиорха. Нарисованному Эссиорху не нравилось находиться в окружении пергаментов мрака. Он беспокойно вертелся и сжимал кулаки.

Двухмерно существующий на листе, Эссиорх объемную Улиту видеть не мог, но всё равно беспокоился и вертел головой, как если бы ощущал, что мир гораздо сложнее, чем он в силу своей двухмерности способен его себе представить.

Ровно-гудящий пчелиный шум комиссионеров и суккубов, наполнявший комнату, дал короткий всплеск и стих. Не понимая в чем дело, секретарша вскинула глаза и застыла, увидев перед собой белую плоско-страшную физиономию, похожую на пятно штукатурки.

Стражей было двое. Один остался в приемной, другой, широкоплечий, зашкаливающе самоуверенный, решительно направился в кабинет Арея. У того, что остался, глаза были тусклые, с желтоватой пленкой, точно у мертвой курицы. Такие они у тех, для кого убийство давно стало рутиной. Форма темная, нагрудник с серебристым отблеском, с оскаленной литой тигрицей по центру груди. Пасть тигрицы служила фиксатором, мешавшим дарху болтаться и предохранявшим его от случайных ударов. Такой нагрудник не спутаешь. «Мальчики Лигула». Внутренняя опричнина мрака.

Улита жадно прислушалась к голосам из кабинета. Вошедший страж говорил громко, с нажимом, потом перешел на крик. Арей же отвечал тихо. Тем, кто не знал его, это могло показаться слабостью, на деле же выражало крайнюю степень раздражения.

Что произошло потом, никто не понял. Один голос вознесся до небес, другой же опал до земли. Затем, безо всякого перехода, дверь распахнулась и появился Арей, брезгливо вытиравший меч сорванной шторой. Срезанный дарх он держал за цепь. Тот бился и корчился, отлично понимая, что скоро его оставят без единого эйдоса, сам же он отправится под каблук.

Страж, оставшийся в приемной, пылся, схватившись за рукоять меча. Он как-то сразу потускнел. Даже тигрица на нагруднике уже не сияла. Казалось, она сейчас поперхнется дархом.

Арей посмотрел на него как на пустое место и велел проваливать.

– Ты знал заранее, что будет, иначе не торчал бы в приемной. Так? – спросил он.

Страж что-то невнятно пробормотал, стуча зубами.

– Лигулу требовался повод, чтобы отомстить за неудачу с Мефом и много за что еще, – продолжал Арей. – Иначе он никогда не послал бы психопатичного юнца с требованием наорать на меня и забрать мой меч. Да и вообще отправил бы не двоих слабаков, а хотя бы шестерых покрепче. Сожалею, что не понял этого сразу и попался на крючок. Эмоции всегда бежали у меня впереди разума. Отправляйся к Лигулу и скажи, что его участь – вечно выбирать верную тактику и вечно проигрывать в стратегии!.. Ну что встал? Проваливай!

Страж с тусклыми глазами не заставил просить себя дважды и провалил... точнее провалился под пол, отправившись в Тартар по самому сокращенному из всех возможных маршрутов.

Арей некоторое время простоял в задумчивости, а затем повернулся и ушел в кабинет, плотно закрыв за собой дверь. В кабинете что-то загрохотало. Ната и Мошкин переглянулись. Они поняли, что Арей зачем-то разрубает свой стол и кресло.

Улита набралась храбрости заглянуть только через несколько минут. Посреди кабинета был сложен большой костер, основу которого составляли части разрубленного стола. Костер уже пылал, а Арей деловито подкармливал его бумагами и пергаменами, вываливая их из ящиков.

Зарубленный страж лежал в углу, лицом вниз. Рядом валялся его блестящий, с редко

встречающимся серповидным закруглением клинок и осколки раздавленного дарха. Арей успел уже аккуратно пересыпать все его эйдосы в свой, еще раз доказав, что стражи мрака даже в смертельной опасности не забывают о стержневой сути своего существования.

Улите вспомнилась замороженная рыбина, которую она недавно видела на витрине. Хищная и сильная, с распахнутым ртом и торчащим из пасти хвостом другой рыбы, поменьше, которую она пыталась проглотить уже в сетях, возможно, понимая, что для нее самой всё уже кончено.

Когда Улита вошла, Арей вывалил в огонь пергаменты из последнего ящика. На секунду застыл, шагнул к стене и, сорвав с нее портрет, осторожно положил сверху. Пламя охватило портрет не сразу. Точно сомневаясь, оно опало и расползлось по краям, застенчиво облизывая раму, как пес руку мертвого хозяина. Затем скромно проело небольшое темное отверстие в центре и только уже после, осмелев, взвилось вверх, охватив его со всех сторон и разом сомкнувшись пылающим куполом.

Улита прижалась спиной к стене, задыхаясь от дыма. Закашлялась. Арей услышал. Повернулся к ней. Оскалился. Брызнул бивневой желтизной крепких зубов. Его лицо было искажено, в крапинах сажи и крови. Борода обгорела.

– Зачем вы это сделали? – спросила Улита.

– Скоро здесь будут от Лигула... Не хочу, чтобы они видели портрет. Это может им помочь, – сказал он глухо.

– Помочь что?

– Неважно. Бери всех и скройтесь куда-нибудь! Живее!

– А вы?

– Я исчезаю. Можно, конечно, забиться в дыру, но надолго это меня не спасет. У меня теперь один шанс уцелеть. Выиграть в лотерее, которая называется «поиски карты Хаоса».

– Зачем, шеф?

– Если у меня появится перед мраком маленькая заслуга, Лигулу непросто будет меня проглотить. Слишком многое и многим придется объяснять.

– Мы с вами!

– Исключено. Со мной вам не выжить... Про девушку не забудь! Найди ее для меня! Слышишь?

– Кто эта девушка? – быстро спросила Улита, ощутив женским чутьем, что момент сейчас верный.

– Ты уверена, что готова это услышать?

Ведьма поспешно заверила, что готова.

– Ну смотри!

Арей оглянулся, притянул к себе Улиту, ручищей, перемазанной сажей, провел сверху вниз по ее лицу и губам. Затем пальцем начертил на лбу у нее руну.

– Если тебя будут пытаться – ты все забудешь. Попытаешься рассказать кому-нибудь – умрешь, – предупредил он хрипло. – Она моя дочь!..

Настырный голос Чимоданова пробился точно сквозь мокрую вату. Страшное пятно штукатурного лица размазалось и сложилось в скуластую, въедливую физиономию с крепким лбом и ежовыми колючками жестких волос.

– Чего ты молчишь? Что было потом? – удивился Петруччо.

Судя по нетерпению в голосе, вопрос повторялся раз в десятый.

– Арей ушел, а уже через полчаса вывезли уцелевший архив и начался снос. Сдается мне, у Лигула всё было готово, – рассеянно ответила Улита.

Она неотрывно смотрела на сдающий задом экскаватор, ковшом безжалостно сгребавший обломки ее воспоминаний.

– Но зачем мраку сносить свою резиденцию? – озадаченно спросил Чимоданов, желая узреть в действиях Лигула последовательную логику.

Согнутым пальцем Улита ударила себя по лбу с такой энергией, что на нежной коже лба остался полукруг ногтя.

– Ты еще не понял? Резиденция мрака тут! У каждого в башке! А это всё дрянь, игрушки! – не найдя верного слова, она оглянувшись на засыпанный битым кирпичом пролом между домами и внезапно сухо, точкой-крапиной плюнула на асфальт. – Один дом поломали, другой построили! Спорю и месяца не пройдет, а тут уже отгрохают что-нибудь псевдостаринное, с беззвучными лифтами, видеокамерами и вежливой до стерильности охраной... Не век же Прашечке жить в квартире дохлой гадалки!

– Почему именно Прасковья? Чего Лигул с ней возится? Не такая уж она, в сущности, и негодяйка! Зачем делать ее повелительницей мрака? – завистливо спросила Ната.

Улита ухмыльнулась.

– Ну повелительница-то она больше для декорации. На самом деле Праша нужна Лигулу для куда более крупной игры. Как Чимоданов выращивал для него вирусы гриппа (ну да это мелочи!), так и в Прасковье он пытается взрастить новый духовный вирус. Прасковья не различает добра и зла. Не чувствует разницы между «хочу» и «надо».

– Мало ли кто чего не чувствует! Многие не чувствуют! – сказала Вихрова.

– Нет. Почти все понимают, что можно, а чего нельзя. Даже самые отвязанные. Но уступают своему слабоволию и скатываются. Прасковья же не понимает искренне, как дальтоник не ощущает разницы между красным и зеленым. Она вся во власти своих чувств и желаний. Когда ей чего-то хочется, она желает этого всей душой, очень целостно, с огромной убежденностью, что она все это получит, оттого и эти невероятные всплески эмоций.

Ната слегка дернула Улиту за рукав выше локтя и, когда та повернулась, незаметно показала ей на кого-то.

В любопытствующей толпе, следящей за сносом, мелькнула гнутая фигура, похожая на знак доллара. Верхним полукругом служила склоненная к земле шея и голова, а нижним – выступающий животик. Это был даже не Тухломон, а другой, совсем жалкий и неудачливый комиссионер, в иное время вползавший в резиденцию едва ли не на животе. Теперь же вид у комиссионера был вызывающий, как у побитой, со скверным характером собачонки, встретившей, допустим, собаку, задние лапы которой переехало автобусом, и понявшей, что вот здесь и на ней можно оторваться и отлаться на всю оставшуюся жизнь.

– Не здороваются! В упор не видит! – возмутилась Ната. – А раньше, бывало, четыре раза в день встретит и четыре раза «здрасьте!» скажет. Такая прямо лапочка – один голый восторг!

– А ты как хотела? – спросила Улита. – После того, что Лигул сделал с Ареем, ни один комиссионер нас слушаться не будет. Только вредить и гадить. Хочешь понравиться новому начальнику? Попрыгай на могиле старого!.. Ну всё! Поглазели на снос и хватит! Пехота, за мной!

Улита с усилием оторвала от асфальта две набитые сумки и направилась в сторону перегораживающего Большую Дмитровку временного заборчика.

– Ты куда-то идешь, да? – крикнул Мошкин, догоняя ее.

Ведьма не оспаривала очевидное.

– Куда-то иду, прозорливый ты мой! – согласилась она.

– А куда?

– Подальше отсюда! Пока о нас не вспомнили, но обязательно вспомнят.

– Разве можно спрятаться от мрака? – усомнился Евгеша, возвращаясь, чтобы взгромоздить на себя желтый «Гранд-каньон».

Неправильно загруженный, с легкими вещами снизу и тяжелыми сверху, рюкзак заваливал его то в одну, то в другую сторону.

Улита остановилась и, поставив на асфальт одну из сумок, промокнула рукавом потный лоб.

– Спрятаться нельзя, но попытаться не светиться можно... Уф, не могу больше это переть! Сил моих нету! Вихрова!

Ната подошла, легко катя за собой чемодан на колесиках.

– Да?

– Видишь у гаишной машины строгого дядю с палочкой? Иди ему улыбнись!

– Зачем? – не поняла Ната.

– Как зачем? Я тут прикинула, что мы поедем с мигалкой! У меня и так куча проблем. Заработать к ним еще и позвоночную грыжу я не хочу.

– А Мамай?

– Мама я вызывать не буду. Если ты не забыла, он тоже комиссионер. Мы поставим его в неловкое положение. Ну всё, топай!

Вещи в гаишную машину втолкнулись еле-еле. Багажник заняли грандиозный рюкзак Мошкина и чемодан Наты. Рюкзак Петруччо вместе с хозяином забили все переднее сиденье. Полосатые сумки Улиты пришлось хитроумно привязывать сзади вторым ярусом, открыв багажник. Когда это было сделано, милицмейская машина приобрела двусмысленный вид, особенно в комплекте с мигалкой, которую Улита непременно пожелала включить.

Видя, во что превратился его автомобиль, гаишник ощутимо страдал, усиленно подбадриваемый улыбками Наты.

– На вокзал! – сказала Улита, откидываясь на спинку заднего сиденья.

Гаишник повернул ключ в замке зажигания.

– На какой? В Москве их девять, считая Савеловский! – уточнил он.

– Как не странно, на любой! Но только с одной оговоркой: очень-очень быстро! – сказала ведьма.

Глава 8

Мощное колдовачество магического волшебника

Свет создал для нас этот мир – прекрасный и совершенный для того, чтобы мы радовались. Мы же точно неблагодарные дети, получившие игрушку, мало того, что сами не радуемся, но еще и тот, кто подарил, вечно оказывается виноват, что машинка сама себя не заводит, пистолет недостаточно убивательный, а у куклы отломилась нога. Хочешь сделать дурака несчастным – подари ему что-нибудь.

Ирка. Из дневника.

Существует слово из пяти букв, с которым москвичи знакомы очень хорошо. Слово это – «дождь». Бесконечные капли падают с неба, пытаясь подкормить давно вырубленные леса. За отсутствием лесов они запруживают асфальт и, превращаясь в местного значения реки, грустно текут, изыскивая место, где можно низвергнуться под землю.

Всякий, кому посчастливится наблюдать за дождем с балкона, видит, как по улицам округло плывут разноцветные зонтики. Москвичи достают их всегда мгновенно, как самураи свои клинки. Это предусмотряшки из рода зонтичных, обожающие предугадывать неприятности прежде их возникновения и наслаждаться собственной предусмотрительностью.

Кроме рода зонтичных, существует и род беззонтичных. Эти делятся на неудачников, которые стонут, что без всякой надобности проносили с собой зонтик всю неделю и не взяли его именно сегодня, и на принципиальных лоботрясов, которые не носят зонтика вообще никогда, надеясь на трех братьев-гопников Авося, Небося и Так Сойдета.

Дождь начался внезапно – без прогнозов и объявления войны. Когда упали первые капли, Эссиорх ехал на мотоцикле домой. Это были капли-разведчики, имевшие задание разнюхать основные скопления солдат и техники противника, чтобы было куда стягивать тучи. Пока Эссиорх соображал, померещились ему капли или нет, где-то наверху отвернули кран. Город удивленно всхлипнул, хлюпнул и начал постепенно утопать.

Четверть часа спустя дороги превратились в реки, по которым плыло всё, что умело, не умело и только обучалось плавать, вроде большой пластиковой корзины и дутой рекламной

жестянки обмена валют.

Газоны размыло, а где-то и унесло совершенно. Зонтичные сравнились с беззонтичными, ибо и зонтики уже не спасали от струй. Автобусные остановки превратились в обитаемые острова. Люди стояли на скамейках с ногами, надеясь хотя бы так спастись от косых, поддуваемых ветром потоков. Машины останавливались: дворники были уже бесполезны. Да и какие дворники могут быть у подводной лодки?

Владельцы аптек шумно радовались и, укрытые за стеклянными витринами своих лекарственных цитаделей, потирали ладони, пахнущие микстурой от кашля.

Забыв первое правило мотоциклиста, что мокрые трамвайные рельсы переезжать нельзя, Эссиорх неудачно стал поворачивать и упал. Скорость, по счастью, была небольшой и, кроме самолюбия, ничего не пострадало. Подняв заглохший мотоцикл, мокрый как морж Эссиорх за руль довез его до подъезда и цепью приковал к липе. Цепь была золотая, заговоренная, в целях маскировки крашенная под ржавчину. Когда-то по ней ходил кот ученый. Впоследствии она долго валялась на складе Эдема, откуда и выудил ее Эссиорх.

Поднявшись в квартиру, Эссиорх первым делом скинул свою ставшую водолазным костюмом куртку, переоделся в сухое и, голодный как десять крокодилов, босиком зашлепал на кухню. В стекло весело стучали вздувшиеся почки вербы, похожие на бестолковых желтых шмелей. Он открыл холодильник и, взяв единственное, что там нашлось: пакет молока и пачку сливочного масла – вышел на балкон.

Отважно откусывая сливочное масло, он запивал его молоком и смотрел на дождь, захлестывающий его сбоку, со стороны правой щеки. Воздух блестел, как чешуя дракона. Где-то вдали, в окружении слежавшихся туч, смутно проступало утопшее солнце. Солнце упорно стучало лучами в тучи, но ему пока не открывали.

По улице среди множества зонтичных и некоторого числа беззонтичных карнавалом плыла яркая дама в желтом плаще и красной шляпке, растекающаяся во влажном воздухе пульсирующим праздничным пятном. У Эссиорха мгновенно зачесались кисти и мольберт. Он хотел уже бежать за ними в комнату, но остановился и стал смотреть на дождь, вбирая его зрачками с жадностью сухой губки.

Внезапно Эссиорху стало казаться, что нет ни добра, ни зла, ни Эдема, ни Тартара, а существует только дождливый, бойкий, наполненный свежими весенними запахами город. Есть мотоцикл, есть краски, есть раковина, забитая скульптурной глиной, открытая пачка масла с отпечатком его зубов и прочая пестрая, довольно приятная суета.

Если постараться и приложить небольшие, почти неощутимые усилия, о свете и мраке вообще можно не вспоминать. Посчитать их абстракциями, которые придумали томящиеся от полуденного зноя древние мудрецы, у которых не было пластиковых карт и мобильных телефонов, а имелись лишь бесчисленные овечьи стада и виноградные лозы. Выпнуть добро и зло из системы координат и прекрасно существовать как придется, отвлекаясь только на решение сиюминутных задач, как заработать себе на тазик бензина, на ковшик с супом и куда смотреть вечером. Хуже другое – то, что свет и особенно мрак все равно о тебе не забудут, и законы их продолжают действовать, сохраняя над тобой полную власть, как единственные незыблемые законы бытия.

С большим трудом Эссиорх отогнал от себя наваждение, подумав, что еще пару лет в человеческом мире, и он залипнет тут настолько, что при слове «Эдем» будет максимум представлять себе неопределенные цветочки, которые существуют лишь на цветных страницах детских книг.

«Мирские заботы брошены на человека, как тяжелое пыльное одеяло, ворочаясь под которым, он не видит ни добра, ни зла, и даже часто поверить не может в их существование», – вспомнил Эссиорх что-то из общего курса света.

Он решил все же сходить за кистями, когда к подъезду, поблескивая сиреной, подъехала машина ГАИ.

Пока Эссиорх ошалело размышлял, не связано ли это с сомнительной парковкой его мотоцикла под деревом и на газоне, из машины выскочила Улита, а за ней недовольно, как

медведи-шатуны из берлоги, выбрались Мошкин, Чимоданов и Ната. Улита сразу по-хозяйски прошла в подъезд. Ната и Чимоданов потянулись за ней. Безотказный Мошкин был оставлен под дождем выгружать рюкзаки и чемоданы.

Когда последний чемодан перекочевал под козырек подъезда, гаишная машина уехала. Ее выглянувший из окна водитель имел озадаченный вид человека, который проснулся в незнакомом месте и теперь пытается понять, где он и как сюда попал. На прикованный к дереву мотоцикл Эссиорха он посмотрел тупо и без интереса.

Эссиорх вздохнул. Гостей он любил, но не в таком количестве и с несколько меньшим числом вещей. Единственное, что гость должен иметь с собой, кроме себя родного, это торт, банку с кофе и, возможно, какую-нибудь недорогую, но предварительно согласованную запчасть для мотоцикла. Кроме того, бывает полезно, если гость вооружен палкой копченой колбасы.

Открыв дверь, Эссиорх стал ждать, пока вся шумная орда поднимется наверх. С лестницы тянуло сыростью. Воздух в подъезде был спертый, таинственно и необъяснимо пахнувший старой штукатуркой. Не той современной штукатуркой, что радостно отслаивается перхотью на пятый год своего земного существования, а настоящей, мудрой и правильной побелкой. Примерно так пахнет в древних монастырях в Суздале.

Слышно было, как, поднимаясь, Чимоданов и Ната переругиваются между собой. Без злобы, лениво, точно старая и стабильная семейная пара. Первой на площадке появилась Ната. Заметив Эссиорха, она сказала «ой!» и по лицу ее пробежала атакующая мимическая волна. Пробежала, разумеется, машинально, так как едва ли Вихрова могла всерьез надеяться охмурить хранителя из Прозрачных Сфер.

В ответ Эссиорх высунул язык, поднял кожу на лбу, попеременно подмигнул правым и левым глазом, облилиз губы и два раза щелкнул зубами.

– Больной? Лечиться надо! Несмешно! – буркнула Вихрова, с негодованием отворачиваясь, хотя хранитель просто повторил ее мимику за ней.

Улита, поднявшаяся вслед за Натой, успела еще увидеть странную гримасу Эссиорха.

– Приятно, когда тебя так рады видеть, что даже зубами щелкают! – заявила она.

– Не обращай внимания. Это нервное, – извинился Эссиорх, зарекаясь впредь повторять что-либо за кем-либо.

Ему вспомнилась правдивая история об одном профессоре химии, который, видя, как подростки рисуют баллончиком на бетонном заборе, присоединился к ним и был мгновенно задержан милицией, хотя всего лишь скромно изобразил гетероциклические основания нуклеиновых кислот.

– Ты удивлен? Мы честно направлялись на вокзал, но по дороге моя мудрая голова придумала, что уезжать, не сказав: «прощай!», невежливо, – произнесла Улита.

На Эссиорха она смотрела не прямо, а как-то вскользь. Примерно так человек, поднимающийся по лестнице, разговаривает с выглянувшим из своей квартиры соседом снизу, всем своим видом показывая, что спешит и представления не имеет, откуда у того на потолке в ванной подтеки воды.

– У тебя краски на майке... И ты небритый... – внезапно сказала она, все так же не глядя на него, но очень зорко всё видя.

Эссиорх задумчиво провел рукой по щетине и опустил глаза на майку.

– А это... кисти не обо что было вытереть.

– Раньше ты вытирал кисти о кухонные полотенца!

– На этот раз кухня была далеко. Я рисовал в парке: двое рабочих несут молодое дерево, один вбивает подпорки, а на заднем плане женщина незаметно отсыпает из кучи чернозем для комнатных цветов, – мечтательно вспомнил Эссиорх.

– Чернозем? Ну-ну! – насмешливо влез Чимоданов. – А снос Большой Дмитровки, 13, слабо было изобразить? У твоей музы случился нервный тик, и она принялась нервно тикать?

– Снос чего? – не понял Эссиорх.

Чимоданов и Ната рассказали в два голоса, перебивая друг друга.

– Арей схвачен? Лигул разрушил его резиденцию? Мне это не нравится, – серьезно сказал Эссиорх, пытаясь сообразить, должен ли он немедленно сообщить обо всем Троилу, или боевые двойки златокрылых, патрулирующие город, узнали обо всем раньше.

Решив посоветоваться с Корнелием, он отправился в комнату. Связной света лежал на диване, закинув на стену ноги, и разглядывал свои ступни. Он думал о девушке из метро, и ему казалось, что он страдает. Конечно, какой-нибудь зануда мог бы возразить, что так, с закинутыми ногами, не страдают, но, с другой стороны, как тогда правильно страдать? В черном костюме, черной рубашке и черном галстуке, стоя посреди комнаты по стойке «смирно»?

– И чего ты паришься? По-моему, это прекрасная новость! Разве мы сами тысячу раз не мечтали разнести этот муравейник? – легкомысленно заметил Корнелий, шевеля большими пальцами на ногах.

– Я не мечтал, – серьезно сказал Эссиорх.

Корнелий запустил палец под носок и принялся освобождать мизинец от обмотавшейся вокруг него нитки. Мужские носки – это отдельная сага, незнакомая древним викингам.

– Почему это не мечтал?

– Разве непонятно? Лучше, когда тарантулы сидят в одной коробке, а не расползаются по городу.

– А если мрак раскаялся? Всё осознал и решил пойти на попятный? – брякнул Корнелий.

– И что же он осознал?

– Ну что зла как самостоятельной силы не существует. У него нет ни независимых ценностей, ни какой-либо внятной программы развития. Это типичнейший паразит, который живет лишь до тех пор, пока ему есть к чему присосаться. Тартар мерзок не потому, что там есть зло, а потому, что в нем нет добра. Зло, сгущаясь, уничтожает само себя. Любой слуга мрака по большому счету добровольный служащий помойки, мечтающий найти что-нибудь сносное, что еще можно перепродать, – сказал Корнелий.

Эссиорх усмехнулся. Корнелий, рассуждающий о свете и мраке с ногами, подпиравшими стену, выглядел неубедительно.

– Едва ли мрак когда-нибудь это поймет. У мрака другое сознание. Отличие невозможно передать словами. Скульптору в голову не может прийти, что бронзовой статуэткой, над которой он работал три года, можно проломить кому-то затылочную кость, а селекционеру цветов – что прекрасную лилию можно замочить на семь суток в кислоте и получить яд без вкуса и запаха, – сказал он.

– Меня уже тошнит! Тартар, Эдем, вечные ценности! Умоляю, мальчики: будьте проще! Если вам совсем нечего делать, можете стать моими рабами! – взмолилась Ната, просовывая голову в комнату.

Она уже некоторое время подслушивала в коридоре. «Мальчик» Эссиорх посмотрел на нее с задумчивым прищуром.

– И что будем делать дальше? – гнусаво спросил Чимоданов.

Он тоже успел просочиться в комнату вслед за Вихровой и был очень недоволен. Конкретному Петруччо нужен был план действий. Желательно внятный. Просто же так ходить по гостям со своими тезками чемоданами он не желал.

– Уедем куда-нибудь, – сказала Улита.

– Нет, ни за что, – воспротивился Эссиорх. – Пока я не пойму, что задумал Лигул, вы останетесь у нас. Здесь вас, если что, прикроют златокрылые.

Улита не то чтобы явно просияла, но как-то внутренне осветилась. Червячок сомнения, подтачивающий ее в последнее время и нашептывающий, что у ведьмы и хранителя света не может быть никакого будущего, а одно только сплошное прошлое, тихо скончался, случайно проглотив цианистую пилюлю.

– Уговорил, негодный! Я давно мечтала повыбрасывать у тебя все засохшие краски и

разобраться с лысыми кистями! – сказала она.

Эссиорх застонал.

– Все, что угодно, только не кисти!

– И не мотоциклетные детальки, конечно? «Не смей трогать мои железки, а то ржавчине нечем будет питаться!» – уточнила Улита с коварной усмешкой. – Да здравствует глобальная расчистка жизненного пространства! Первое правило патологической домохозяйки: если о вещи не вспоминали две недели, значит в доме она не нужна! Смело на помойку! Исключение составляют елочные игрушки, зимняя обувь и собственные дети! – заявила она.

В глазах у Эссиорха поселилась тревога.

– Скажи, пожалуйста, почему рубашка валяется на стуле, когда в шкафу без дела висит прекрасная вешалка? – продолжала Улита.

Она входила во вкус и начинала излюбленную женскую игру в чистоплотную и положительную красавицу среди грязных и отвратительных чудовищ.

– Это не моя! – поспешно сказал Эссиорх.

– И не моя! – отрекся Корнелий.

– Вот и прекрасно! Раз никто не признается – тогда ее можно пустить на тряпки! Возражений, надеюсь, нет? – сказала Улита, решительно раздирая рубашку надвое.

– Это была рубашка Багрова. Пусть следит за своими вещами, – злорадно сказал Корнелий.

– Да. Но Багрову ты давал ее из своих, – уточнил Эссиорх.

Корнелий всмотрелся в рубашку и молча закрыл глаза.

– Поехали дальше: чьи это ботинки и почему у них такой вид, будто их две недели никто не носил? – продолжала Улита.

Корнелий попытался кинуть в нее ботинком, но попал в Мошкина, который втаскивал в комнату рюкзак «Гранд-каньон» и, нагруженный как ослик, не имел возможности увернуться. У подбитого ботинком Евгеша сразу сделался такой несчастный вид, что у Корнелия, как у стража света, мгновенно проснулось сердце.

Он вскочил и бросился к Мошкину помогать ему с вещами. Оказалось, что немало сумок осталось внизу. Вместе они спустились по лестнице. Корнелий то и дело с интересом поглядывал на Евгешу, который имел лицо человека, чудом уцелевшего при падении с восьмого этажа.

– Ты случайно не влюблен, нет? – спросил он подозрительно.

– Кто, я? С чего ты решил? – напрягся Мошкин.

– Да вид у тебя такой... э-э... радостно-пристукнутый. Так влюблен?

Евгеша некоторое время размышлял, насколько секретной является эта информация, после чего осторожно кивнул. Связой света заинтересовался еще больше. Противоположности притягиваются. Мошкин же и Корнелий были противоположны до диаметральной. Ровно настолько, насколько Корнелий был деятель, Мошкин был созерцатель. Один вечно колебался, бесконечно всё взвешивая и во всем сомневаясь, другой же действовал, вообще забывая подумать.

– Не в Нату? – уточнил Корнелий.

– В Нату? – удивился Евгеша. – Когда-то она мне нравилась, но потом всё прошло само собой. Как ушиб после удара шестом в грудь. Вначале болит сильно, затем долго ноет, потом вспоминаешь все реже.

– А в кого тогда? – спросил Корнелий, невольно думая о девушке с тесаком. Все истинно влюбленные похожи на собак: каждому кажется, что только он один знает, где зарыта правильная кость.

Мошкин споткнулся о полосатую сумку Улиты и сел на нее.

– Тут всё непросто, – сказал он. – Я встретил ее на улице. Она шла со взрослой женщиной. Я увидел её со спины. У нее были длинные волосы и замечательная, красивая голень. Вот фактически и все, что я видел. Я шел и до дрожи боялся, что она обернется.

– Почему?

– Ну такое иногда бывает. Идешь за девушкой, которая кажется тебе хорошенькой, а потом она вдруг оборачивается и...

Корнелий хмыкнул.

– Можешь не объяснять. Я понял.

– В общем, она обернулась и я успокоился... Она же обернулась, да?

– Тебе лучше знать! Дальше! – поощрил Корнелий, заметив, что Мошкиным вновь овладел вирус тотального сомнения.

Евгеша благодарно кивнул.

– Я стал следить. Ехал в одном вагоне метро, затем на маршрутке и шел за ними до самого дома, пока они не скрылись в подъезде шестнадцатэтажки. Это же их дом, да?

– В Москве мало кому принадлежит целый шестнадцатэтажный дом. Ты, конечно, к ней не подошел? – угадал Корнелий.

– Не подошел, да?.. – удивился Мошкин. Он и сам, казалось, был поражен этим фактом. – Ну да, не подошел. Как бы я это сделал? Она же была не одна.

– А если бы была одна, подошел бы? – усомнился Корнелий.

Мошкин протянул руку и, застенчиво улыбаясь, потрогал колесо чемодана Вихровой.

«Ясное дело, не подошел бы», – подумал Корнелий.

И причина не только в робости. Евгеша – неизлечимый идеалист. Он склонен возводить девушку на такой немислимый пьедестал внутреннего совершенства, что при встрече с реальной девушкой подсознательно боится, что всё пойдет не так, как в мечте. Ну а дальше как всегда: столкнувшись с поездом реальности, тележка мечты улетела в кювет.

Дождь, вылившись, перестал. В тучах завернули кран, хотя козырек подъезда еще плакал иссякающей струйкой. Птицы, как всегда бывает после дождя, гомонили как безумные, готовясь подбирать с асфальта безвременно утопших дождевых червей. Самих птиц при этом видно не было: лишь кустарник вздрагивал, и ветви его прыгали.

Корнелий потянулся, с любопытством к чему-то приглядываясь. После дождя все припаркованные у подъезда машины оказались обсыпанными чем-то мелким, липким, желтоватым, покрывавшим и стекла, и крыши, и капоты. Поначалу Корнелию подумалось, что это пыль, но что-то не укладывалось. Пыль не могла быть такой невесомо-светящейся. Наконец Корнелий понял, что пыль-то это пыль, но особенная. Пыльца! Мириады ее невесомыми тучами висели над городом, приносимые ветрами из Подмосковья, а тяжелые капли дождя сшибали пылцу и прибавляли ее к земле.

Сразу прояснились и внезапные его чихи, и опухшие чешущиеся глаза, и синеватые круги под ними. Не пыль, а пыльца. Не простуда, а аллергия.

– На другой-то день ты туда ездил? Ну, к дому? – спросил Корнелий.

Он поднес к носу рукав, спеша занюхать свежесть умытой природы чем-то комнатно-привычным.

Мошкин кивнул.

– Да. Два часа ждал у подъезда, но она так и не вышла. Можно было, конечно, поднапрячь какого-нибудь суккуба, он бы мигом вычислил, где она живет, но я не рискнул.

– И правильно сделал. Потом бы суккуб от тебя не отвязался. Тебе бы являлся в её облике, а ей в твоём. Суккубы, они такие штуки любят, – одобрил Корнелий.

– И что ты думаешь по этому поводу? Ты ведь что-то думаешь? – спросил Евгеша с надеждой.

– «Я думаю, что мечты – странная штука. Они могут всё. Всё зависит от их силы и постоянства», – процитировал Корнелий и уже от себя добавил: – Если же силы и постоянства нет, то мечта становится дряблой как нетренированное тело.

Как страж света, он способен был читать мысли. Не те суетные, мимопроходящие, но главные, доминантные, из которых и сплетена личность. Евгеша вздрогнул всем телом, будто кто-то подошел в темноте, зажал ему рот рукой и ткнул шилом, медленно погружив его на всю глубину.

– Да. Так и есть, – обреченно произнес он.

Корнелию стало жаль его. Евгеша представился ему могучим великаном, которого кто-то по злему умыслу опутал обычными нитками, да так, что ни рвануться, ни дернуться. И вот великан лежит, смотрит на нитки, и обидно ему, и горько, и больно, да только что поделаешь? Можно, конечно, рвануться и нитки лопнут, но это будет больно, а к боли великан пока не готов.

– Хочешь я тебе помогу? – великодушно предложил Корнелий.

– Как?

– Да очень просто. Назови какое-нибудь время!

– Зачем?

– Назови! Ну там час дня, два часа и так далее!

– Семь часов вечера! – сказал Мошкин, проявив некоторую самостоятельность.

– Прекрасно! Послезавтра ровно в семь вечера она будет ждать тебя на станции... м-м-м... «Красные Ворота» в центре зала. Ей будет казаться, что пригласил ее именно ты. Твоя задача не разрушить иллюзию – вот и всё.

– А почему на «Красных Воротах»? – удивился Евгеша.

– Потому что надо же проявить хоть какую-то оригинальность! У памятника Пушкина банально. Ночью на кладбище... ффр... слишком готично. Готика надоела уже всем и давно.

– А если на «Тверской»?

– Ну уж нет! – заупрямился Корнелий. – На «Тверской» и «Маяковской» встречаются безнадежно пошлые люди, страдающие параллельно с банальностью географическим кренинизмом и незнанием Москвы. Я вот, например.

* * *

Когда они вернулись с сумками и чемоданом, Эссиорх стоял у окна с бритвой и за отсутствием зеркала брился с помощью цифрового аппарата. Щелкал, проверял, где остались островки щетины и убирал. Нормальное зеркало не так давно разбил Корнелий, когда, развоевавшись, сам себя вызвал на «шесть и по хлопку!» Который из двух Корнелиев победил – неясно, но зеркало проиграло в любом случае.

– Хочешь я тебя побрею? – предложила Улита, огорченная, что ей не удалось выбросить ботинки, в которые Эссиорх вцепился мертвой хваткой.

Хранитель отказался.

– Боишься доверить мне бритву? Она безопасная. Такой белую мышь в две недели не зарежешь, – успокоила его ведьма и, поразмыслив, деловито добавила: – Хотя, можно, конечно, попытаться.

Однако, как выяснилось, резать бритвой белых мышей не входило в жизненную программу Эссиорха.

– Не в том дело, – ответил он уклончиво. – В таком ответственном деле, как мужское бритье, женщинам нельзя доверять в принципе. У них для этого слишком подвижная психика и слишком большая тяга к экспериментам над своей и чужой внешностью. Оставишь еще какой-нибудь островок на подбородке. Не хочу, чтобы Кареглазов дразнил меня Арамисом.

Улиту это не напугало.

– Не комплексуй ты! Мода бежит по кругу и никогда из него не убежит. Если хочешь одеваться с опережением на месяц – надень брюки своей мамы, в которых она сдавала первую в жизни сессию. На год – вытащи из шкафа платье своей бабушки, сдуй с него окуклившуюся мошь и добавь какой-нибудь легкомысленный шарфик.

Перспектива сдуть мошь неприятно напрягла Эссиорха.

– Можно я не буду надевать платье моей бабушки? – спросил он мягко.

– Да запросто! – разрешила Улита.

Она уже потеряла к бритью интерес. Ее уже грыз голод, а инспекция холодильника

принесла самые неутешительные результаты.

– На твоём месте я бы его вообще выключила! – сказала Улита, досадуя. – Чего заставлять бедное белое животное морозить, если внутри у него ничего нет?

– Как это ничего? Там было молоко и масло! – возмутился Эссиорх.

– И где они сейчас?

– В настоящий момент они дружат, – сказал хранитель, похлопав себя по животу.

– Они пусть дружат, а я с тобой не дружу! Эй ты, сбегай купи нормальной колбасы! – приказала Улита Чимоданову, сообразив, что применять магию сейчас, когда резиденция мрака разрушена и Арей в бегах, будет глупо и неосторожно.

– Нормальную? Хочешь сказать, что раньше я покупал психованную? Назло никуда не пойду! – возмутился Петруччо.

В результате за колбасой послали безотказного Мошкина. Из окна было видно, как он прыгает по доскам и кирпичам, переправляясь через ставший рекой тротуар.

Деловая Ната уже отправилась в соседнюю комнату и разбирала чемодан, спеша занять побольше вешалок в шкафу. Она уже предчувствовала, что им предстоит здесь зависнуть.

Собственность – понятие относительное. Воробей настолько же позволяет тебе сидеть под своим деревом, насколько ты позволяешь ему летать и прыгать по своему участку, на котором это дерево растёт. И неизвестно ещё, кто кому делает большее одолжение.

Светлые стражи это прекрасно понимают, поэтому вселение Наты, Улиты и Чимоданова в трехкомнатную квартиру, где уже жили Корнелий и Эссиорх, произошло легко и естественно, без обострения берложных инстинктов. Один только Чимоданов грубо отвоевал себе отдельный угол, отгороженный от остальной комнаты легкой декоративной перегородкой. Угрожая боевым топором, он перетащил туда два стула, кухонный стол и тотчас что-то поджег. Мошкин, поселенный вместе с Чимодановым, трагически вздохнул и мучительно задумался на размытую тему.

Улита с Натой были водворены в среднюю комнату – с двумя большими окнами и книжным шкафом, где, кроме них, уже жил дряхлый пенсионный мотоцикл «Восход», который Эссиорху отдал один его приятель, женившийся на дочери военного.

– У них теперь в квартире идеальный порядок! Все блестит, полировка сияет. Годовалый ребенок раскормлен до состояния взрослого прапорщика. Яйца варятся ровно пять минут. Если четыре минуты – это недоработка. Если шесть – катастрофа. С байкерством, бедняге, конечно, пришлось завязать. Ему дали на это двадцать три часа сорок две минуты, – задумчиво сказал Эссиорх.

На «Восходе» он не ездил, но и избавляться от него было жаль.

Закончив разбирать вещи, Ната наведальась в ванную и мимоходом помыла голову. Голову Вихрова мыла всегда молниеносно, тратя на это не больше эмоциональных усилий, чем на чистку зубов.

– Стражи света как младенцы! Они пользуются детским шампунем! – сообщила она, вернувшись.

Улита хихикнула и даже сбежала посмотреть.

– Ты права! На нем даже написано: «не щиплет глазки»! – умилилась она, возвращаясь. – Только знаешь, небось, как всё было? Эссиорх обычно приходит в магазин и бубнит по списку: «Шампунь – один. Паста – одна. Порошок – один. Мыло – три». Марки он принципиально не запоминает и даже не разрешает их при нем произносить.

– А это еще почему?

– Он говорит, что потребительство заразнее гриппа. Грипп – сомнительное удовольствие на две недели, а потребительство – на всю жизнь.

Вихрова пару раз обошла мотоцикл и пришла к выводу, что, если между рулем и батареей натянуть веревку, его вполне можно использовать для сушки белья. Закончив на этом хозяйственные размышления, Ната рухнула на диван и принялась ныть, что у нее устали ножки и она умирает.

– Если тебе нечего делать – почитай что-нибудь, – с досадой сказала Улита, дергая

подбородком в сторону книжного шкафа.

Она стояла у окна и озабоченно размышляла, где сейчас Арей. Однако оказалось, что скучающей Нате было не настолько нечего делать, чтобы открывать книгу.

– Я не люблю читать. Мне интереснее жить. В сущности, вся литература – это сплошное «Жил-был Вася». Только очень умными буквами! – заявила она.

Книги, продолжала Вихрова просто и логично, это разговор с мертвецами. Ведь большая часть писателей уже мертва, не так ли? Вот пусть те, у кого есть время и желание, беседуют со своими мертвецами сами, если им так хочется. У нее, Наты, такого желания нет.

* * *

Пока Ната рассуждала, а Чимоданов развлекал свое величество бытовыми поджогами, Корнелий вышел на балкон и стал смотреть по сторонам. Внизу листом молодой сирени дрожал свежеумытый город. Казалось, если напрячь слух, можно услышать, как жадно и быстро растет трава, решительно раздвигая тонкими зелеными пальцами землю.

Последние грустные жертвы недавнего дождя постепенно сползались к своим каменным норкам, где жили как в сотах, над головами друг у друга, хотя повсюду, всего в сотне километров в любую сторону, лежала огромная страна. Многие промочившие ноги уже не береглись и решительно шагали через лужи, из чувства самонаказания выбирая самые глубокие места. То, что на них давно уже и нитки сухой не было, доставляло им мрачное удовлетворение. Другие, самые упорные, еще пытались идти по бровкам, узко ступая и время от времени совершая головокрумные прыжки.

Метрах в пятидесяти от подъезда прогуливался маленький горбоносый суккуб с сиреневым зонтиком, похожий на бедуина. Он предлагал всем проходящим мимо женщинам на руках перенести их через большую лужу. Платой, разумеется, служил эйдос. Дела у суккуба шли неплохо. Он был под охмуряющим мороком, и каждая видела в нем свой идеал мужчины – кто-то кудрявого блондина с лицом самодовольного пупса, кто-то томного брюнета с нервными пальцами пианиста и плаксивым голосом околотворческого истерика, кто-то баскетболиста с вытатуированной пантерой на крепкой руке, а кто-то и надежного трудоголика из крутого офиса – с толстым бумажником и бедной фантазией, как потратить его содержимое.

Расставание с эйдосом происходило тем стремительнее, чем меньше промокшая женщина признавала у себя сам факт существования души. Сумочку с кошельком и ключами она, разумеется, не отдала бы (еще чего!!), а вот гипотетически существующей душой распоряжалась легко и отважно. Едва формула отречения произносилась до конца, суккуб равнодушно ставил размечтавшуюся бедолагу в самое глубокое место лужи и, запустив руку по локоть в грудную клетку, выуживал из нее свой трофей.

Через пять секунд обворованная женщина ни о чем уже не помнила. Она ощущала себя совершенно разбитой и мечтала об одном: добраться до ванной, а потом сразу пойти спать и спать вмертвую, без снов и метаний.

Эх! Красота, красота! Созданная для сердец, она стала тщеславной игрушкой плоти. Плохо, если восприятие ее идет от скучного бухгалтера-разума, а не от всеведающего сердца, которое обмануть гораздо сложнее.

Животным, как существам без эйдосов, в этом плане проще. Стражей мрака они не интересуют и существуют в конкретном предметном мире, где ценность имеет только то, что можно съесть, а враг только тот, кто может съесть тебя. На отвлеченности у них времени нет. Прекрасная лошадь не склонна любоваться прекрасной бабочкой да и на собственную пышную гриву она по большому счету ржать хотела.

Корнелий потянулся за флейтой, и застигнутый врасплох суккуб сполз в лужу кучкой грязи и тряпок. Теперь, если пройти рядом, можно было подумать, что кто-то выбросил в лужу некоторое количество старой одежды и ботинки. Через несколько минут, привлеченная использованием боевой маголодии, сверху спикировала двойка златокрылых и, махнув рукой

Корнелию, ловко выудила из лужи освобожденные эйдосы.

Впрочем, радоваться за них было еще рано. Закон света непреложен. Не оставлять эйдос у себя, пока живо тело. Все отнятые у суккуба трофеи будут возвращены владельцам, а те не исключено что ухитрятся потерять их снова. И не факт, что очередной суккуб или комиссионер будут перехвачены вовремя. Кому-то из чрезмерно жалостливых стражей казалось, что перехваченные у мрака эйдосы возвращать хозяевам не стоит. Тот, кто потерял их однажды, легко может сделать это и повторно, однако Троил оставался непреклонен: «Эдем надо заслужить! Свет помогает находить пищу, а не пережевывать ее! Наша задача – показать гору, на которую надо подняться, а карабкаться по скале или скатываться вниз – личный выбор каждого».

У Корнелия была привычка, оставшаяся от долгих лет пребывания в Эдеме. Каждый вечер он собирал в кучку разрозненные впечатления и эмоции минувшего дня. Определял, что было хорошо, что не очень, и что можно сделать, чтобы впредь не допускать сегодняшних ошибок. Только в эти минуты в нем и просыпался истинный страж, в другое время по уши зарытый в пепел соблазнов человеческого мира.

Пока Корнелий разгребался со своим дневным мусором, сверху юркой змейкой спустился тонкий канат. По канату кто-то молниеносно соскользнул, а в следующий момент рука в черной перчатке зажала Корнелию нос и рот.

– Стоять тихо, ботан! Не рыпаться!

У связного света появилось сердитое желание укусить перчатку. Он даже предпринял для этого определенные попытки, но перчатка вкус имела железный и крайне противный. Заметно было, что ей чаще переворачивают канализационные люки, чем сортируют пакетики с ароматным чаем-каркаде.

Корнелий закашлялся. Скользнув глазами вниз, он увидел десантные ботинки скорее действительно солдатской, чем спортивной серии, и кожаные брюки со следами грязи и ржавчины.

– О, привет! – попытался сказать он в перчатку.

В ответ перчатка сердито сжала ему нос и задрала голову Корнелия, лишив его сомнительного удовольствия лицезрения армейских ботинок.

– Где моя сумка?

Связной света демонстративно замычал.

– Покажи пальцем!

Корнелий послушно ткнул пальцем себе через плечо. Вертеть головой он всё равно не имел возможности. Делать же попытки ткнуть девушку локтем, ударить пяткой по стопе или культурно отломить мизинец, применив прием: «Отпусти меня, противный!», считал худшими из всех возможных способов последовательного ухаживания.

– Точнее! – потребовали у него.

Корнелий прочертил указательным пальцем пару неопределенных кругов, демонстрируя, что более точные координаты методом абстрактной жестикуляции не определяются. Сообразив это, Варвара сердито отпустила его и толкнула в плечо.

– Надоел ты мне, клоун! Болтаешь, болтаешь! – сказала она раздраженно.

Корнелий улыбнулся во все свои 32 белых зуба, росших несколько вкривь и словно прыгавших по деснам. Он предчувствовал, что очень скоро наступит момент, когда исчезновение половины карты будет обнаружено.

– Кто болтает? Я болтаю? Последние две минуты я вообще не имел такой технической возможности! – сказал он обиженно. – А где Добряк?

Снизу донесся одиночный звук, похожий на кашель в пустую бочку. Корнелий перегнулся и посмотрел. Оказалось, что существуют собаки, бояться которых можно и с безопасного балкона. В полутьме, ловя свет уже зажженных фонарей, горели два ярких и выпуклых желтых глаза.

– Как ты думаешь, если сбросить ему сверху колбасы, она его не убьет? Ускорение свободного падения и всё такое? – спросил он лъстиво.

Варвара молча вытянула из ножен тесак и потрогала большим пальцем лезвие.

– Ну хорошо! Идем! – уступил Корнелий. – Ого, веревка! Вот уж не думал, что на ней можно спуститься с крыши.

– Главное надежно зацепиться. Тридцатиметровый колодец или стена дома – какая разница?

– А разве наша крыша совмещается с метро?

Варвара покрутила пальцем у виска, оценивая умственные способности Корнелия как далекие от эталонных.

– При чем тут метро? С другой стороны идет пожарная лестница!

– А в звонок нельзя было позвонить? Или мы не ищем легких путей?

– СУМКУ!

Корнелий кивнул и, толкнув балконную дверь, пошел в комнату. Зеленая брезентовая сумка висела на стуле. Он снял ее и протянул Варваре. Та немедленно открыла ее и принялась рыться.

– Запасные батареи, плоскогубцы, ручная дрель и даже пластиковая бутылка с водой – всё на месте... А вот и гвоздодер! Он отдельно лежит. Я на нем краску чуть сцарапал, ничего? Не заржавеет? – любезно сообщил Корнелий.

Не отвлекаясь на демагогию, Варвара перевернула сумку и одним движением вытряхнула все ее содержимое на пол. В следующий миг она уже ринулась на Корнелия, шипя как кошка.

«Зоркоглазик», не исключавший такого расклада, мгновенно выхватил флейту, однако у него тотчас вышибли ее десантным ботинком, причем чудом не вместе с зубами. Оказалось, что ногами девушка дерется не хуже, чем тесаком.

– Протестую! Я имею право снять очки и все объяснить! – закричал Корнелий.

Дверь открылась. Из коридора в комнату вошел Эссиорх. Он изумленно остановился, созерцая, как непонятное сердитое существо стремительно ухудшает здоровье Корнелия.

– Я не знал, что у тебя гости! Ты нас не познакомишь? – спросил он вежливо, осторожно ставя банку с кистями на полку.

Обнаружив нового противника, Варвара бросила Корнелия и ринулась на Эссиорха, имея милое намерение нокаутировать его ударом ботинка в голову. При этом она очень неприятно размахивала тесаком, крича, что все тут разнесет, если ей не вернут карту.

Следующие две минуты прошли под сомнительным лозунгом: «В здоровом теле – здоровый дух». По комнате задумчиво летали стулья и романтично кружили куриные перья из распоротых тесаком подушек. Эссиорх и Корнелий пытались усмирить девушку, не применяя способностей светлых стражей.

Параллельно Корнелий тихо радовался, что пес остался внизу. Псы такого размера не столько кусают, сколько сразу глотают. В самый напряженный момент схватки из соседней комнаты примчались Чимоданов с боевым топором и Мошкин. Евгеша неудачно застрял с шестом в узких дверях и на некоторое время преградил путь себе и Улите. Это было даже хорошо, потому что ведьме очень не понравилось, что какая-то наглая девица обижает ее миролюбивого Эссиорха.

Впятером они все же скрутили Варвару, отняли у нее тесак и с некоторым усилием связали ей руки ремнем Эссиорха, а ноги тюлевой шторой. Тут Корнелий, которого давно подмывало показать, какой он крутой, не удержавшись, подбросил в воздух подвернувшуюся ему пластиковую банку и разнес ее боевой маголодией. Банка брызнула, пшикнула, прогорела огненными каплями и исчезла.

– Это была моя любимая непроливайка для кистей! – хмуро сообщил Эссиорх.

Варвара внезапно перестала биться. Со связанными руками она села и, переводя пытливый взгляд с одного на другого, спросила:

– Кто вы вообще такие?

Наступило время Корнелия произнести свою коронную фразу, которую он придумал всего минуту назад и до сих пор не использовал. Он опустил руку с флейтой, сделал мудрое

лицо патентованного чародея, только что случайно подбросившего в костер вместе с хворостом свою волшебную палочку, и с пафосом произнес:

– Я великий магический волшебник! Этот вот крупный человек мотоциклетного вида мой слуга. Он одинокий тундровый шаман, занимающийся промышленным отстрелом параспсихологов.

Варвара недоверчиво посмотрела на Эссиорха. «Одинокий тундровый шаман» перестал рассматривать прокушенную руку и удивленно поднял голову.

– Эти вот двое – с топором и шестом – служители зла, вредители-недоучки, выращиватели зимних чихов, которых даже в гаишной машине отказались везти – так они мелки и ничтожны, – продолжил представление Корнелий.

Варвара перевела пытливый взгляд на Мошкина и Чимоданова.

Получив такую характеристику, Петруччо мстительно надулся и принялся похлопывать себя по карманам, ища ампулу с ядом. Евгеша же загрустил и пригорюнился, точно желая спросить: «Отказались, да?»

– Ну а это Улита! Как только думаешь о ней, как о злой, она становится доброй и ты понимаешь, что ошибся. Едва обрадуешься, что она добрая, блин сразу поворачивается подгоревшей стороной. Ну а теперь расскажи о себе! У тебя мощное колдовачество? Откуда у тебя Карта Хаоса?

Глава 9

Прихоти наследницы

Как хитро и коварно разрушает нас мрак! Заразил сомнениями, лишил цельности, но оставил тоску по глобальному добру. Даже где-то намеренно раздул само понятие глобальности. Нам кажется, что мы должны совершить что-то грандиозное: заколоть вилкой великана, избавить человечество от всех болезней, создать фонд защиты одиноких сусликов с главным штабом в пентхаусе небоскреба с прямым выходом на вертолетную площадку. На мелкое добро мы размениваться не хотим. Чего на него время тратить, с нашим-то размахом? Очередная иллюзия Лигула, потому что без мелкого добра нет добра крупного. Вот и получают пакостные такие гадики, которые мечтают спасти царство, но за отсутствием царства жгут кнопки в лифте.

Неформальные разговоры златокрылых

Когда человек влюблен, он летает на крыльях любви, изредка натываясь на встречающиеся предметы – водосточные трубы, столбы – и проходя насквозь, в дожде осколков, стеклянные двери. Но так влюбляются только романтики. Практики, а Меф принадлежал, скорее, к практикам, влюбляются как бараны, которые, увидев новые ворота, прикидывают угол атаки и технические характеристики засова.

Вот и сейчас, расставшись с Дафной у метро, он сосредоточенно трясся в поезде, размышляя, почему она не разрешила проводить себя до дома. Откуда ему было знать, что Даф по-прежнему жила в общежитии озеленителей и опасалась, что, увидев его стены, Мефодий ощутит болезненное щемление памяти. Дафна уже сообразила, что Троил не столько стер память Мефа, сколько припорошил ее забвением.

Когда Буслаев открыл дверь своим ключом, часы в коридоре постепенно начинали склоняться к мысли, что одиннадцать вечера все же придется показать. Зозо и Эдя были в комнате. Свет на кухне хотя и горел, но освещал только круглый стол и большую кастрюлю на газовой плите, в которой что-то негромко бурлило. Заглянув в кастрюлю, Меф обнаружил там утопшего ошипанного цыпленка, вяло врававшегося в потоке кипящих пузырей.

«Интересно, что бы я сделал, проснись завтра на птицеферме в теле бройлера? Попытался бы открыть клетку, вырубить сторожа ударом клюва и бежать в неизвестность,

чтобы меня лиса съела? Или морзянкой отстукивал бы клювом по поилке: „Спасите! Помогите! Это недоразумение!“ – прикинул Меф и отправился в комнату.

Еще не открыв дверь, он понял, что Эдя тренируется. Это вычислялось по сильному запаху дезодоранта. У Мефа немедленно стали слезиться глаза. Так и есть. Хаврон тащил к поясу штангу. В объемных мышцах его спины жир боролся с пучками мышечных волокон. Закончив подход, он небрежно бросил штангу на пол, передав физкультуривет соседям снизу.

– Мое приветствие беспризорникам! – отдуваясь, сказал он Мефу.

– Отвали! – буркнул Меф.

Он знал, что обидеть Эдю можно только тогда, когда у него появится желание притвориться обиженным.

– Не груби дяде! Он пока что тяжелее тебя на тридцать килограммов! Лучше тренируйся говорить «агу!», заскакивать в подгузник за восемь секунд и притворяться двухлетним! – насмешливо посоветовал Хаврон.

Мефа это не обрадовало.

– С какой радости? – спросил он.

– Ну как же? А произвести впечатление на нового кандидата в папы? Кому он будет покупать мороженое и заводные машинки?

Меф даже не улыбнулся. Хаврон любил проверенные шутки. С каждым последующим воспроизведением они казались ему всё смешнее. Эту конкретную шутку Меф слышал от него уже рад «дцать».

Мефодий недоверчиво оглянулся на мать. Зозо сидела красная и сердитая.

«Обычная история! – подумал Мефодий с жалостью. – Вначале не выдержала и все выболтала Эдке, а теперь получает в нос. Может, она специально ему все рассказывает, чтобы он служил для нее отрезвляющим душем?»

– Кто он? Снова гений? Абстрактный художник? Городской фотограф, специализирующийся на снимках мусорных баков через различные светофильтры? – спросил Меф подозрительно.

Вместо матери снова влез Эдя.

– Хуже. Абсолютно московский типаж. Дизайнер коттеджей и загородных домов Моськин!

– Не Моськин, а Масин! – поправила Зозо.

– А мне без разницы! Ездит на джипе за сто тысяч баксов. Ужинает исключительно в клубах, четырежды в год летает отдыхать на Гавайские острова, чтобы благополучно заболеть там ангиной. Как будто ее в Москве нельзя подхватить совершенно бесплатно! При этом должен всем кучу денег, которые не собирается возвращать, живет в Братеево в двушке с мамой и запирается от нее на стул...

Это было уже слишком.

– Не запирается он на стул!! Не запирается! – вспылила Зозо.

– Даже и на стул запирается не разрешают? Ужас какой! – съехидничал Эдя. – Ну и сестра мне досталась! Впору табличку на двери вешать: «Здесь живет женщина, которой нравятся моральные уроды!»

Зозо не выдержала. Вскочив, она схватила Эдю за шею и стала его душить. Хаврон испугался. Когда слабые женские руки хватают тебя за ворот, это всегда страшнее, чем когда то же самое делают руки мужские. Мужские хотя бы ясно от чего отрывать и куда откручивать.

– Всё-всё! Сдаюсь! – поспешно крикнул Эдя. – Оттащите ее кто-нибудь от меня! Зоя!

От удивления, что ее называли «Зоя», Зозо разжала руки.

– Маленьких не бьют! Ты опять забыла, что я твой младший братик! – сказал Хаврон назидательно.

– Это ты маленький? Ты жирный самодовольный сплетник! Ты живешь в однушке с сестрой! И еще ты злобный как крыса! – мстительно проговорила Зозо.

Она просто из себя выходила, когда родной брат принимался разгуливать с киркой по паноптикуму ее женихов.

– Протестую! – возмутился Эдя. – Это наглый поклев! Крысы не злобные! У нас в бомбухе в вентиляции одна проживает, разве только пасьянсы не раскладывает! Умна как академик! Консервы принципиально не употребляет! Только свежие фрукты и сыр.

Зозо не дала заговорить себе зубы.

– Не уводи разговор в сторону, Хаврон! – крикнула она с досадой. – О каждом можно сказать что-то плохое. А вот ты скажи хорошее! Ну скажи! Хоть о ком-нибудь! Ради разнообразия!

Эдя поднапрягся. Задача перед ним была поставлена непростая. К осуждению-то привыкаешь быстро, а вот отказаться от него сложнее, чем спрыгнуть с самолета без парашюта в аквариум с рыбками.

– Да запросто! – сказал он, после долгого размышления попытавшись наскрести в душе нечто хорошее. – Помнишь, я тебя с приятелем своим знакомил. Нормальный, спокойный, честный мужик. Мебельщик. Любит покопаться в автомобиле, подсушить на газовой горелке свечи. Отлично точит ножи, каждое лето ездит в Карелию. Купил там здоровущую избу и понемногу приводит её в порядок. Никаких пошлых джипов, понтов и кабаков.

Зозо заметалась.

– Он толстый! У него фамилия дурацкая: Ёжиков! – быстро сказала она. – И еще он через каждые три слова говорит: «ё-кэ-лэ-мэ-нэ!»

– И что тут плохого? Человек повторяет алфавит! Было бы лучше, если бы он притворялся моральным уродом, а на самом деле даже им бы не был, как твой Моськин?!

– Никем он не притворяется! – без большой убежденности огрызнулась Зозо.

– Знаешь, почему ты не хочешь знакомиться с Ёжиковым? Потому что он кажется тебе немодным. Быть нормальным честным простым мужиком, по твоему мнению, немодно, а модно быть кривоzubым пошляком-дизайнером, который обворовал уже все западные журналы и все равно торчит себе в своем Братеево и библикает в пробках кредитным джипом! И вообще: это ты, а не я всех осуждаешь! – заявил Эдя.

– Нет, не осуждаю! Если бы вы знали, как вы мне все надоели! – крикнула Зозо, швыряя чашку, но не на пол, где она могла разбиться, а на диван.

Ей хотелось и плакать, и ругаться, и жаловаться. Все три этих желания пинали, толкали и кусали друг друга.

Меф вздохнул. Одни и те же сцены повторялись каждый день. Всё тот же шутник дядя, всё та же несчастная мать. Работа в «Пельмене» с этой их тупой игрой в корпорацию и важными лицами врущих начальников. Сплошной беспросвет! Если не во что верить, тоскливо жить.

Меф подумал и наполовину в шутку спросил:

– Зачем ты меня вообще родила?

Зозо не смогла внятно ответить, зато снова влез Эдя, работавший универсальной затычкой для всех бочек.

– Ты считаешь, тебя мог бы родить кто-то другой? – спросил он заинтересованно. – Возможно, у тебя были кандидаты, с которыми имелись готовые договоренности? Кто они, если не секрет? Нидерландская королева? Туземный вождь племени Фуки-Грюки?

– Отстань! Мне еще к экзаменам готовиться! – сказал Меф, давно уже ощущавший, как в душе волосатой гусеницей шевелится эта неприятная необходимость.

С Эдей невозможно было сыграть в «пожалей меня!» Игра эта была для него слишком добренькой и имела слишком слюнявые правила.

– А ты не готовься! – посоветовал он.

– Как это не готовься? – озадачился Меф.

– А так. Чем более глобальное образование получает человек, тем дальше это отодвигает период зрелости. Копать землю лопатой можно научиться втрое быстрее. Опять же работа на свежем воздухе.

Однако копать землю лопатой Меф не пожелал. Взяв гору учебников, он поплелся с ними на кухню. На кухне он оторвал у цыпленка не до конца проварившуюся ножку и, кусая ее, параллельно принялся грызть древо познания.

– Как-то он охамел! – с негодованием сказал Эдя, когда Мефодий вышел. – Сказал мне «отвали!» и «отстань!». Мне, который дал ему в жизни не больше трех тысяч подзатыльников!

Зозо посмотрела на него озабоченно. Брата она будто не слушала и фыркала сердитой кошкой, но на деле к его мнению всегда прислушивалась.

– Может, это просто возраст такой? Юность, гормоны? – предположила она.

Порассуждать про гормоны Зозо любила, хотя и смутно понимала, что это такое. Всегда проще списать собственные проблемы на физиологию. Не сам я во всем виноват, а природа все так устроила, что обе ноги у меня правые, обе руки левые, изо рта словесный мусор сыплется, в пузе котлеты теряются, а в нос козявки заползают.

– Ага, отчасти. С четырнадцати до двадцати одного – время, когда у человека начинает выпирать собственное «Я». «Я хочу», «я могу», «я считаю». Не просто выпирает, а из ушей лезет. В более зрелом возрасте «Я» несколько втягивается, запинывается обстоятельствами, зато начинает выпирать животик, – назидательно изрек Хаврон, хлопая себя по тому, что нависало у него над ремнем.

– А если «Я» не втягивается? – спросила Зозо.

– Не втягивается – превращается в запущенный злокачественный эгоизм, а это уже кирдык.

– Ты совсем не жалеешь Мефодия! – произнесла Зозо надрывно.

Где женщина не берет умом, там берет интуицией. Где не берет интуицией, там подтапливает слезами.

Эдя прочистил уши пальцами, точно не до конца веря, что в действительности это услышал.

– Кого жалеть? Мефа? Запомни раз и навсегда: мальчиков не жалеют. Только если они попали под трамвай!

– Тебя вот мама жалела! – наябедничала Зозо. – Жалела, жалела, жалела! А ты на голове у нее прыгал как на батуте!

Хаврон самокритично обозрел себя в зеркало.

– И что выросло? – спросил он. – И вообще я теперь все чаще думаю, что это несчастных надо жалеть. А несчастненьких – пороть.

– А пороть-то зачем? – удивилась Зозо.

– Ну как? Тогда в половине случаев они перестанут притворяться несчастными. В другой же половине – действительно ими станут, и тогда жалость делается оправданной. Еще есть профессиональные несчастненькие, но эти вообще неизлечимы. Их даже пороть бесполезно, а надо сразу топить в ватерклозете.

– Профессиональные несчастненькие – это как?

– Ну помнишь свою рыжую подругу, которая немецкий преподает? Нина? Надя?

– Нина, – ответила Зозо.

– Она никогда не скажет «мы поедем на машине на дачу», но «мы поедем на нашей старенькой рассыпающейся машинке в наш бедненький сарайчик». Через двадцать минут общения ты чувствуешь себя затюканным и кругом виноватым. Знаешь, что она не ходит в кафе, не читает современных книг, не ездит никуда отдыхать и покупает продукты только в оптовых магазинах. Мне кажется, если бы она нашла клад, она бы его спрятала, чтобы говорить: «мой бедный кладик лежал на самом донышке гнилого сундучка».

Зозо была как всегда великодушна.

– Ты просто завидуешь, Хавронище! У нас нет ни машины, ни дачи. Вот мы и не можем на них жаловаться.

– Жаловаться-то мы как раз можем сколько угодно. Другое дело, не превращать это в систему. Быть назойливо богатым или агрессивно бедным примерно одно и то же. Деньгами

нельзя заморачиваться, а нужно просто систематически на них плевать. Они должны быть вне системы приоритетов, – заявил Эдя и, довольный собой, почесал живот. – Кстати, ты не могла бы подбросить мне до вторника?

Он как всегда был на мели.

* * *

Готовиться ночью к экзаменам – удовольствие значительно ниже среднего. Даже если это биология – одна из интереснейших наук. Особенно после работы, в однокомнатной квартире, где в комнате никак не улягутся два твоих кровных родственника, а в твоём распоряжении только кухня и ванная. В ванной можно мочить голову. В кухне хлопать холодильником, листать книги и пытаться запомнить всякие нужные вещи. Строение пищеварительного тракта червя, как получить наследников от зеленого горошка, и как звали ученого, который первым изобрел обезьяну.

Каждый час Меф делал себе кофе. Отхлебывая его, он мысленно ощущал полноту чашки, даже не заглядывая в нее. Чем больше он пытался сосредоточиться, тем чаще его мысль отвлекалась и прыгала. Меф злобился. Казался себе бездарным и никчемным, как высосанная шкурка от маринованного помидора.

Он надеялся долистать сегодня учебник до сотой страницы, однако уже на тридцатой его одолела страшная зевота. Даже кофе не помогало. Оно лишь мутило мысли, но не проясняло их. Буквально на секунду, поддавшись слабости, он уткнул лоб в учебник и тотчас провалился куда-то.

Минут через десять шея затекла от неудобного положения, и он кое-как встал, чтобы перелечь в постель. И в этот момент кто-то забарабанил снаружи в стекло. Меф медленно повернул голову и посмотрел в окно. Он еще не забыл, какой у него этаж.

Стук не прекращался. Он становился даже назойливым. Буслаев на всякий случай нашарил глазами, где лежит топорик для рубки мяса, и шагнул к окну. Распахнув раму, он увидел вертящийся офисный стул с единственной толстой ножкой, неподвижно повисший в ночном небе где-то между Луной и ковшом Большой Медведицы. На стульчике сидел рыхлый юноша и улыбался неискренней улыбкой рекламного агента.

– О, привет! Ты один? – спросил он, бросая через окно любопытный взгляд на кухню.

Меф не ответил, тупо разглядывая стул и пытаясь определить место, где к нему привязана веревка. Что она должна существовать, он не сомневался, однако общая конструкция все равно казалась ему шаткой.

Отсутствие ответа мало смутило странного юношу. Он взмахнул пухлыми ручками и закудаhtал, как курочка Ряба, неудачно попытавшаяся снести самородок.

– Вот ты где! Я проискал тебя весь вечер! Твой телефон не отвечает! Звонил твоей душехранильнице, но она ведет себя по-хамски. После моей двадцать четвертой просьбы позвать тебя стала швырять трубку. Я решил, что ты купаешься! Позвонил – хо-хо! – на лейку в душе, но и там полнейшее молчание.

Меф попытался захлопнуть раму, однако юноша успел перескочить со своего стульчика на подоконник.

– Только не надо резких движений! Я боюсь высоты! Метр выше асфальта, и меня начинает трясти! – предупредил он, с явным облегчением спрыгивая с подоконника в кухню.

Мефу с его встроенным чувством правды показалось, что сказано это было искренно.

– Кто ты такой? – спросил Буслаев, разглядывая странного гостя.

Его крупнопористая кожа напоминала что-то съедобно-знакомое. Юноша хихикнул.

– Ромасюсик я! Нехорошо забывать друзей! Как говорит Пращечкин дядюшка, старых друзей не бывает. Бывают друзья разумно уцененные... Хе-хе?

– Не хе-хе, – сказал Меф, считавший иначе.

Ромасюсик рассеянно кивнул и забегал по кухне, трогая все подряд. Открывал и закрывал кран, пускал воду. Заглядывал в шкафы с посудой, совал нос в холодильник.

– И ты живешь в этой помойке, да? Семейное гнездо, э-э? Чудо, что я догадался сюда залететь! Данные паспортных столов – великая вещь, даже если они с краденого диска! – проблеял он.

От нелепости ситуации Меф начал злиться. Он ничего не понимал. Ему казалось, что он бредит. Хотелось поймать этого пухлого типчика за шиворот и, зашвырнув его на вертящийся стульчик, закрыть окно. Вообще испытывал много назойливых желаний самого членовредительского свойства.

Неглупый Ромасюсик почуял это. Перестал бегать, посмотрел на Мефа и, воздев к потолку палец, изрек:

– Английский писатель Шейкспая однажды сказал: «Джупита, ты сердишься, значит, ты не прав!» Уважаешь писателя Шейкспаю? Тогда немедленно переставай кипеть и полетели к Прашечке! Будь такой добренький! Ты же не хочешь, чтобы она меня кильнула? То есть насмерть абсолютно!

– Хочу, – сказал Меф.

Ромасюсик натужно захихикал.

– Я вижу, ты шутник! Только умоляю: не повторяй свою шутку при Прашечке! Она совершенно не андэстэндит хьюмора! Чтобы понравиться тебе, она согласится засунуть меня в кухонный комбайн и подать к столу в виде мелкой нарезки! Ну что, полетишь?

Меф, толком не понимавший, кто такая Прашечка, хотел сказать «нет», но ему подумалось, что если он и бредит, то бредит последовательно.

– А почему именно сегодня?

Шоколадный юноша оттянул от шеи воротник. С Прасковьей никогда не угадаешь, что о ней говорить можно, а чего нельзя, а потому безопаснее для здоровья помалкивать в чистую тряпочку.

– Сегодня у нее день варенья! Тили-тили, трали-вали и только раз в году! – фальшиво напел Ромасюсик. – А когда у человека день варенья, он не должен оставаться один. Это плохо влияет на характер, а он у нас и так не экселентный.

Меф хмыкнул, ощущая, как в него вгрызается пила противоречий. С одной стороны, это был, конечно, бред после тяжелого дня в «Пельмене», а с другой... гм... почему бы и нет?

– И на чем мы полетим? – поинтересовался он, примерно представляя, каким будет ответ.

– Я догадываюсь, что ты хочешь сказать! – всплеснул ручками Ромасюсик. – Летать на стульях, диванах и зонтиках – совершенная пошлость! Не мы должны брать пример у магов, этих полнейших ничтожеств, но они у нас!.. Но, если разобраться, телепортировать – опасно, а все другие способы – страшно, страшно медленно!

Меф выглянул в окно. Офисный стул по-прежнему упорно болтался на прежнем месте, слегка покачиваясь, когда порыв ветра дул ему в спинку.

– Хочешь, чтобы я на это взгромоздился? – уточнил Меф.

Ромасюсик закивал.

– А мы поместимся?

– Запросто. Ты полетишь сверху, а я подцеплюсь снизу, за ножку. Мы с Прашей уже так летали...

– И что, получилось?

Шоколадный юноша пригорюнился.

– Не считая посадки! Я ей надоел, и она стала наступать мне на голову. Умоляю, не повторяй за ней! Прашечка само совершенство, но иногда ее заводит!..

Буслаев вздохнул. Высунув из окна руку, он попытался дотянуться до стула, но тот был слишком далеко.

– А ты позови! – посоветовал Ромасюсик.

– Как?

– А так: цыпа-цыпа! – шоколадный юноша сделал приманивающее движение пальцем.

Стул послушно подлетел ближе к окну. В следующую секунду Ромасюсик повис на его ножке, обхватив ее руками. Меф с некоторым колебанием прыгнул следом за ним. Оказавшись на сидении животом, он прокрутился с ним вместе и, наступив на пальцы ойкнувшему Ромасюсику, сел. От двойной тяжести стул нырнул вниз. Решив, что они падают, Меф в панике вцепился в спинку. Однако в этот момент стул выправился и неторопливо полетел между домами.

Когда Буслаев оглянулся, его собственное освещенное окно было не крупнее почтовой марки.

* * *

Летели они не так уж и долго. Минувя центр, офисный стул скользил на высоте примерно двадцатого этажа над северными районами Москвы. Извилисто пересекаясь, змейки освещенных фонарями улиц сползались к Волоколамскому и Ленинградскому шоссе, впадая в них, как мелкие реки в большую.

Порывы ветра, налетая, раскачивали стул, имевший, с точки зрения Мефа, далеко не идеальную аэродинамику. Каким образом Ромасюсик управлял стулом, болтаясь снизу, Буслаев так и не разобрался. Но, видимо, как-то управлял.

– А почему стул летит?

Вопрос был что называется не в бровь, а в глаз. Шоколадный юноша впервые задумался почему, и стул, ощутив его сомнение, сразу стал вздрагивать и провисать в воздухе.

– Э-э! – сказал Ромасюсик. – Тут штука сложная. Я особо не вникал. Главное верить, что он летит, потому что как только перестаешь верить, он вообще-то падает!

После этого Меф вопросов больше не задавал, только с любопытством вертелся, изредка случайно наступая на Ромасюсика. Когда он ставил ноги ему на пальцы или плечо, шоколадный юноша горестно охал, а когда на голову, сердился и требовал немедленно убрать копыта.

Наконец офисный стул пошел на снижение. Когда он опустился, Ромасюсик засунул его подальше за гаражи, чтобы не стащили, и закидал влажными картонками и гнилыми досками. Мефу стало понятно, почему у нового на вид стула был такой несвежий запах.

– Чтoб не сперли! Знаю я этих дачников! – пояснил Ромасюсик. – Дальше топаем он фут!

Ощутив сырость, Меф устался на свои ноги. Только сейчас он сообразил, что не догадался обуться и скакнул на стул в одних носках. Ромасюсик ухмыльнулся. Как летевший вниз, он заметил это гораздо раньше.

– А почему не через окно? – спросил Меф.

– Через виндоуз выйдет себе дороже. Видишь ли, Прашечку охраняют, хотя охрана абсолютно неназойлива. Пора назойливых дуболомов миновала. Теперь охранников вообще не увидишь. Я, например, их вообще не замечаю, хотя точно знаю, что они существуют.

Дом оказался обычной шестнадцатизэтажкой, каких много на севере Москвы. Подъезд был чистый, с цветами и пожилой, но активной консьержкой внизу, которая переспрашивала у каждого гостя по семь раз его имя, точно надеялась, что он запутается в показаниях.

С Ромасюсиком примерно так все и вышло. Все семь раз он представился разными именами деятелей науки и культуры, но в результате все равно был впущен со статусом надоевшего клоуна. Мефу же не пришлось представиться ни разу: Ромасюсик так трещал, что совершенно затмил его присутствие.

Шагнув в лифт, Ромасюсик ткнул пальцем в кнопку четырнадцатого этажа.

– Даже не тринадцатый! – сказал он. – Скучно, фрэндз! Стоило ли выдумывать дурные приметы, чтобы самим же потом нарушать всю эту бодягу?.. И вообще это уже третья съемная квартира за последние полгода! Мы живем тут только неделю. Поэтому старая аркебуза меня и не узнала!..

– А старые квартиры чем не понравились? – спросил Меф.
– Ну почему не понравились? Просто так совпало. В прошлой случился пожар. В позапрошлой... ты не читаешь криминальной хроники?

– Нет.

Ромасюсик с облегчением кивнул.

– Тогда ничего не случилось. Просто Прашечке немного не понравилась хозяйка. Согласись, что являться два раза в неделю пересчитывать стулья и ложки – скволянничество.

Когда лифт остановился на площадке, Ромасюсик извлек ключ, с невероятными ужимками засунул его в скважину и два раза провернул. Дверь открылась в полнейшую темноту. Мрак за порогом был таким густым, вязким и плотным, что, казалось, можно резать его ножом и раскладывать по тарелкам, как дрожащий холодец.

Ромасюсик сразу перешагнул порог и исчез, Меф же остановился.

– Слушай, а может, она уже спит? – спросил он нерешительно.

– Кто спит? Праша?.. В ночь своего рождения? – удивились из темноты.

Меф перешагнул порог и провалился во мрак. Теперь он не видел даже того, что происходит на площадке, хотя точно знал, что прошел не больше метра и двери за собой не закрывал.

«Не нравится мне всё это!» – подумал он и окликнул Ромасюсика.

Тот велел подождать, сказав, что забыл, где выключатель, и куда-то сгинул, не оставив на память о себе даже марципанового ногтя. Буслаев постоял минутку-другую, снова позвал его, но так и не получил ответа.

Меф окончательно решил, что квартира ему не нравится, и пошел вперед, шаря перед собой руками и пытаясь определить, где стена. К его острому изумлению, стены не оказалось ни через двадцать шагов, ни через пятьдесят. Меф ничего не понимал. Заурядная панельная шестнадцатизэтажка раздвинулась в дурную бесконечность. Под конец Буслаев перешел на бег.

Под ногами что-то хлюпало. Мрак дышал хризантемами и еловыми венками. Наклонившись, Буслаев сорвал пучок травы, который здесь, на четырнадцатом этаже, представлялся совсем неуместным. «Бред!» – подумал Меф.

Сделав еще несколько шагов, Буслаев отшиб обо что-то пальцы, споткнулся и упал вперед, выставив руки. Ладони смягчили падение, но щека все равно коснулась чего-то холодного, плоского.

«Мраморная плита!» – Меф пальцем проследил выбитые на мраморе буквы и понял, что на надгробии написана его фамилия. Против воли ужас стал заползать ему в горло, быстро работая там крысиными лапками.

– Достали! Как мне всё это надоело! – крикнул Буслаев сипло. – Где тут эта ваша Прасковья?

Едва он произнес имя, как всё изменилось. Плита исчезла вместе с запахом хризантем и еловыми венками. Во мраке нашарилась мохнатая шуба на вешалке. Она протянула рукав и, коснувшись щеки Буслаева, показала ему, в какую сторону идти. Шага через два в бедро Мефу врезался столик с телефоном, а сразу над ним обнаружился и выключатель.

Щелк!

Когда выпитая темнотой сетчатка глаза привыкла к свету, Меф увидел длинный коридор, ширину которого сужали полки с книгами. Книги были самые случайные и хаотичные, говорящие не столько о вкусах хозяина, сколько о его привычке покупать печатную продукцию в целом. К Прасковье и Ромасюсику они явно не имели никакого отношения. Маловероятно, что Прасковья читала «Диету на каждый день», а Ромасюсик часто листал подшивку журнала «Октябрь» за 1981-й и 1982 год.

Коридор упирался в кухню. Налево была дверь в комнату, с фиолетовым стеклом. Выпуклое стекло пузырилось светом. Мефодий толкнул дверь и осторожно заглянул.

Он увидел маленькую комнату, угловую, с двумя окнами. На тумбе мелькал телевизор,

почему-то с выключенным звуком. За круглым столом, положив подбородок на высоко поднятое колено, в полном одиночестве сидела девушка. Перед ней стоял нетронутый торт со свечами. Свечи никто не задул, и они прогорали, пока, закапав торт, не погасли сами собой.

Меф испытал острый укол жалости. У девушки было лицо человека, который, никому и ни во что не веря, на шаривает себя в темноте.

– Эй! – окликнул Буслаев.

Девушка порывисто вскочила. Голубые до прозрачности глаза. Бледное, тоже почти прозрачное лицо с тонкими прожилками и внезапно алый бутон губ.

Мефа захлестнуло странное, смешанное, непонятное чувство. Девушка ему не нравилась и была не в его вкусе. В то же время что-то в ней волновало его и наполняло жаром. Если то чувство, которое сегодня он испытал к девушке, просящей называть себя Даф, было ровным, спокойным, дарящим ему спокойную уверенную радость, то тут был нервный притягивающий жар. Это было удовольствие, но удовольствие выжигающее и опустошающее.

– Привет! – поздоровался Меф, делая усилие, чтобы голос звучал естественно. – Прасковья – это ты? С днем варенья!

Девушка молчала, продолжая смотреть на него прозрачными глазами. Шагнула, коснулась пальцами щеки. Её рука была прохладной, но странным образом и от нее исходил жар.

«Опасный маленький зверек, вроде ласки!» – подумал Меф, глядя на мелкие, очень белые зубы Прасковьи, оскаленные в полуулыбке. Он как-то подсознательно ощутил, что эта девушка играет по-крупному, не боясь обжечься. Ближе всего ей техника раскаленного кинжала. Одним концом наносим удары, за другой держимся сами.

Прасковья была похожа на человека, не осознающего последствия чего бы то ни было. В невинных ее глазах было вечное удивление трехлетнего хулигана, который разобрался наконец, что мама вовсе не придиралась, когда просила не тыкать ее работающей дрелью.

Мефа опять стала разрывать двойственность. Одну половину его тянуло к Прасковье, другая же упрямо нашептывала, что это совсем не то и что в бассейн, куда он собирается прыгать ласточкой, забыли набрать воды.

– Никаких служебных романов! Рабочее время должно принадлежать работе! Семнадцатое правило сотрудника «Звездного пельменя», желающего быстро продвигаться по службе! – сказал Меф вслух.

Прасковья опустила руку. Посуровела и точно спряталась за стеклянной стеной глаз.

В комнату просочился Ромасюсик и замер у дверей. Демонстрируя внимание, он высовывал язык как ящерка и сразу его убирал.

– Нашел выключатель? – спросил у него Меф, возможно впервые в жизни радуясь Ромасюсику.

Шоколадный юноша замигал и, излучая честность, заявил, что понятия не имеет, о каком выключателе идет речь. Он ходил на кухню поставить чайник. Он ставит его каждый день, потому что очень любит чай. Может даже показать справку от доктора, что чай ему полезен.

На этом месте своего рассказа Ромасюсик таинственно икнул и посоветовал самому себе заткнуться. Меф слегка удивился и, вновь вспомнив про день рождения, извинился, что поздно узнал и у него нет подарка.

Прасковья, продолжавшая пристально и недоверчиво разглядывать Мефа, дернула щекой в направлении подоконника.

– У меня уже есть подарок от дяди. Он прислал его даже раньше срока. Довольно забавный! Только, по-моему, он подарил мне эту штуку потому, что сам толком не знал, что с ней делать! – пояснил Ромасюсик сдавленным голосом.

Меф увидел, что на подоконнике стоит деревянная шкатулка с торчащим из нее микроскопным окуляром.

– Ну, значит, он как Эдька, – сказал он, пытаясь представить, кем может оказаться дядя Прасковья.

Небось какой-нибудь великий предприниматель. Сидит, пузо чешет и размышляет, чего бы такого еще предпринять.

– *Брат твоей матери?* – спросила Прасковья, демонстрируя осведомленность. К этому времени Буслаев более-менее научился различать собственный голос Ромасюсика и голос «захваченный».

– Да. У Эдьки два принципа: первый – дарить надо то, что так и так придется покупать. Маме он подарил на юбилей новую раковину. Прежняя кокнулась, когда он наступил на нее, чтобы поменять лампочку. И второй: дарить то, что нужно ему самому. Когда нашей двоюродной бабушке было восемьдесят лет, он, говорят, подарил ей пневматическое ружье, – сказал Меф.

Прасковья рассеянно кивнула. Чувствовалось, что принципы Эдуарда Хаврона ей неинтересны.

– *Загляни в шкатулку, если хочешь. Только не пытайся открыть. Это невозможно. Я уже пыталась,* – разрешила Прасковья.

Зажмурив левый глаз и прикинув правым к окуляру, Меф испытал чувство, будто то, что он видит, происходит одновременно как в самой шкатулке, так и где-то вне ее, таким все было крупным, реальным и совершенно не лилипутским. Он увидел просторный кабинет, а в нем юркого жизнерадостного человека средних лет, длиннорукого и коротконового, с всклокоченными седыми волосами гения и острой, торчащей вперед бородкой.

За человеком, не давая ему отдохнуть, неторопливо ползал неприятного вида паук размером с телят. Всякий раз, как паук должен был коснуться его, длиннорукий отбегал шагов на десять и останавливался, отдыхая перед новой перебежкой.

– Кто это? – спросил Меф.

– *Парамон Востряков! Большой оригинал! Неунывающий старичок, совершивший семь неудачных побегов из Тартара! Не читал его книжечек?* – сказала Прасковья.

Меф не читал.

– *А вот это напрасно! Занятные такие оккультные книжечки!* – покровительственно похвалила Прасковья. – *Теория равновеликости добра и зла, всякие компиляции восточных религий, очищение эйдоса лимонным соком, разговоры с духами умерших (на самом деле говорят за них, конечно, комиссионеры) ну и так далее... В молодые годы, желая обрести всеведение и бессмертие, заключил с дядей сделку. Суть сделки такая: он сможет всегда, даже и после смерти, оставаться в своем кабинете! Он считал, что это поможет ему избежать Тартара. И разве он его покинул? Дядя взял да и перенес его кабинет в Тартар! А некоторые еще говорят, что он не держит своего слова!*

– Он лгун-с, ваш дядя-с! Так ему и передайте! – негодуя крикнул остренький голос из шкатулки. Каким-то образом Парамон Востряков услышал всё, что было о нем сказано.

Прасковья пожала плечами:

– *Чего передавать? Он и так всегда все слышит.*

Старичок в шкатулке подпрыгнул.

– У меня были прозрения! И вообще про загробную жизнь вы показывали мне совсем другое!

– *Лично мы с Ромасюсиком ничего тебе не показывали. Нас тогда еще и на свете не было,* – возразила Прасковья. – *И потом существует понятие адаптированного издания! А теперь ты читаешь полное!*

– Всё равно существуют-с обязательства союзничества! Тартар получил множество эйдосов моих последователей! Со мной нельзя так обращаться! Ваш Лигул просто свинья-с! Да-с, именно свинья! Я должен иметь дополнительные права-с!

Прасковья не стала спорить.

– *Конечно, должен!* – сказала она и, взяв шкатулку, встряхивала ее до тех пор, пока Парамон Востряков не взмолился о пощаде.

Прасковья вернула шкатулку на подоконник.

– Веселый старичок! Уверен, что его надули и всё время пытается бежать, хотя это и невозможно... Хи-хи! Праша не говорила? Один раз его поймали чуть ли не в Хаосе!.. И давай, парень! Не стой как баран! Ты ей нравишься! Скажи что-нибудь, сделай! – шепнул Мефу Ромасюсик, воспользовавшись тем, что Прасковья оставила на миг в покое его сознание.

Прасковья нетерпеливо обернулась. Ромасюсик одеревенел и страдальчески растянул резиновые губы.

– *Что он там лопочет? Учти, Ромасюсику не верь! Он всегда врет!* – заявил он с внезапной самокритичностью. – *Врёт и гадит! Попроси у него чайную ложку, он тебе даст, но прежде незаметно на нее плюнет или о подошву потрет. И так во всем!*

Меф заторможенно кивнул. Если до этого момента он мало чему удивлялся, то теперь навалилось все разом. Все события сегодняшней ночи – странное явление пухлого юноши, полет на офисном стуле, странствие во мраке, пахнущем хризантемами, человек в шкатулке...

«Это не подробный сон, а реальность!» – осознал он.

Пока Меф выкарабкивался из трясины противоречащих воспоминаний, Ромасюсик отмерз и суетился за столом, терзая торт кривозубой пилой, похожей на орудие пыток. Несмотря на явное шутовство, торт он отрезал скальпельно точно, без крошек.

Торт оказался вкусным. Не слишком сладким, не расползающимся от крема, но и не сухим. Оптимум совершенства для торта. Правда, Мефу достался кусок, как глазурью покрытый оплывшим свечным воском. Буслаев задумчиво размял воск в пальцах, подумав, что Прасковья очень одинока.

– *А ты почему не ешь? Хочешь, чтобы я покормила тебя из клювика в клювик?* – спросила Прасковья у Ромасюсика.

Тот уже убрал пилу и шатался по комнате, трогая всё подряд. Меф подумал, что, если поискать, следы его пальцев можно обнаружить даже на потолке.

Ромасюсик умильно закивал.

– *Вот видишь. Покормиться из клювика в клювик было его давней мечтой!* – заметила Прасковья, однако кормить Ромасюсика из клювика в клювик не стала.

Разговаривая с шоколадным юношей, она все время незаметно, а потом даже и совершенно открыто наблюдала за Мефом.

– *Ты знаешь, что у твоего бывшего хозяина неприятности?* – поинтересовалась она.

– Что, правда? А кто мой бывший хозяин? – удивился Меф.

«Звездный пельмень» был первым местом его работы, если не считать магазина бытовой техники, откуда он сбежал еще до того, как вышел испытательный срок. Во всяком случае, именно это утверждала его новая память.

Прасковья вежливо улыбнулась, будто слышала не слишком смешную шутку.

– *Арей.*

– А-а, – отозвался Меф, испытывая потребность произнести какой-то звук, чтобы понятно было, что он слушает. От имени «Арей» веяло чем-то мифологическим.

– *Дядя снес его резиденцию,* – продолжала Прасковья.

– Ну?! – сказал Меф, упорно держась двусложных конструкций. Так было безопаснее.

Прасковья быстро и пытливо взглянула на него.

– *На Большой Дмитровке, 13. Возможно, он построит на этом месте новую. Уж больно место хорошее. НАШЕ место,* – добавила она. – *Сам Арей объявлен в розыск. Его ищут довольно активно. Я очень удивлюсь, если он избежит ссылки в Нижний Тартар.*

– А что он сделал? – спросил Меф.

– *Я сильно не вдавалась. Кажется, зарубил какого-то олуха.*

– Чем зарубил? – спросил Меф, рисуя себе образ психопата в растянутых трениках, размахивающего туристическим топориком.

И хотя внешне Буслаев старался выглядеть естественно, Прасковья что-то учуяла.

Неожиданно она вскочила и, точно кот вокруг раненой птицы, неторопливо обошла Мефа, всматриваясь в него прозрачными своими глазами. Буслаев ощутил, будто кто-то просунул ему под волосы щекочущий край голубиного пера и водит им.

– Ну-ка, ну-ка!.. Надо же, ему стерли память! Даже блокироваться разучился! Что ж, это мило! Мне же лучше!– произнесла она вполголоса.

– Ничего мне не стирали! – сказал Меф.

– О, ну хоть упрямство оставили и то хорошо! Мне не нравятся слишком податливые! Хочешь сказать, что всё помнишь? И что именно, если не секрет?

Меф сердито отвернулся.

– Не хочешь вспоминать? Тогда я и так докажу тебе, что все твои якобы воспоминания – ложь! Ромасюсик!– нежным и одновременно каким-то очень намекающим голосом приказал сам себе Ромасюсик.

Меф обернулся. Шоколадный юноша стоял за его спиной с занесенным стулом. Точнее, если стул и был занесен, то уже в прошлом. В настоящий момент он устремлялся к его голове.

Не задумываясь, Буслаев сделал шаг назад и в сторону, заступив за правую ногу и одновременно развернувшись всем корпусом. Параллельно он перехватил Ромасюсика за запястья, подсек ему голень и легко послал его через голову, имея центром вращения всё тот же несчастный стул.

Шлепнувшись на пол, Ромасюсик горестно заохал. В глазах его стояли сахарные слезы.

– Красиво? – сказал он сдавленным от боли голосом. – Так я и думала! Ты всё забыл, а тело сохранило наработанные рефлексy! Их они не стали трогать, чтобы ты не стал растением!

– И кто же я? – спросил Меф растерянно. Он все никак не мог оторвать взгляда от Ромасюсика, который ворочался на полу, как перевернутая черепаха.

Прасковья нервно засмеялась. Виски Мефа стиснуло болью. Буслаеву почудилось, будто его череп окольцевали раскаленной медной проволокой и теперь медленно затягивают ее щипцами.

– Ты тот, кто ты есть! Мефодий Буслаев! Но все твои воспоминания – ложь! Скоро ты сам увидишь явные нестыковки! Когда латаешь память, всегда остается куча дыр, которые нельзя закрыть. Они заставили тебя забыть даже меня, чтобы мы отказались от нашего счастья, от нашей вечности и нашей власти! – гремела Прасковья.

Пользуясь писклявым голосом Ромасюсика, она слегка пережимала с надрывностью, и Мефу с его нелюбовью к любой искусственной патетике это мешало воспринимать её всерьез.

– От нашего счастья? А кто ты? – спросил Меф.

– Ты что, всё забыл? Я Прасковья, повелительница мрака! Ты мой избранник!

– И почему, интересно, я этого не помню?

– Я же сказала! Светленькие стерли тебе память!– уверенно ответила Прасковья.

Глава 10

Залаз у «Киевской»

Сердце человека – единственная дверь, которой зло может войти в мир.

Из разговоров златокрылых

– Жизнь многих златокрылых и самого Троила зависит от того, кто первым найдет вторую половину карты. Если мрак – их прихлопнут. Если никто не найдет – им не выбраться! У нас только один шанс из трех! Ты должна показать, где взяла ту каменную голову! Это твоя обязанность перед светом, перед человечеством, перед всем мирозданием! – сказал Корнелий.

Только что он произнес длинную речь и был опьянен собственным красноречием. И, как всякому опьяненному красноречием, ему казалось, что и все окружающие опьянены им тоже. К сожалению, это было не так.

Варвара перестала дергать ремень, которым были стянуты ее руки. Уже дважды она пыталась развязать его зубами, но ремень Эссиорха был не из тех, что позволяют себя расслабить или перегрызть.

– Закончил трещать? Теперь развяжи меня! – велела она.

У Корнелия тревожно заныла переносица, по которой он схлопотал локтем всего полчаса назад. Он вопросительно оглянулся на Эссиорха.

– Зачем? – спросил тот.

– Затем что я хочу курить! Вставь мне хотя бы сигарету в рот!

– Две капли никотина убивают лошадь! – назидательно сказал Эссиорх.

– Плевать мне на лошадей! – мгновенно отозвалась Варвара.

– А на что тебе не плевать?

– На все плевать! Развязал меня быра!

– Я боюсь, ты еще не готова к свободе, – заметил Эссиорх мягко.

Варвара неожиданно ухмыльнулась.

– Ну-ну! Думаешь, я так и попрусь в залаз? Связанная зайчиком запрыгаю? Или, может, ты, дылда, закатаешь меня в ковер, а зоркоглазик попрет? Только сразу найдите чувака, который будет подбирать его выпадающую грыжу.

– Она мне нравится! Назвала тебя дылдой! Не слишком изобретательно, но всё же попытка скрытого комплимента налицо! – подала голос Улита.

Ведьма держала в руках тесак Варвары, трогая большим пальцем синевато-тусклое его лезвие.

– Дура! Не трогай тесак! – крикнула Варвара.

Улита вздохнула.

– Может, и правда развязать? А то характер у нее портится на глазах, – предложила она миролюбиво.

Эссиорх, уступив, кивнул.

– Давай ты! – велела Улита Мошкину.

Тот опустил на колени и, растянув ремень, освободил Варваре руки. Та деловито оглядела их и с негодованием продемонстрировала Эссиорху. На коже остались глубокие багровые полосы.

– Видел, что ты сделал? Садюга проклятый! – заявила она.

– Ну вот тебя и разжаловали из дылд! – заметила Улита.

– А ты молчи, свинья! – неосторожно крикнула Варвара.

Ведьма начала медленно багроветь.

– Свинья было сказано в общекультурном смысле! Просто как негативная оценка! Без подтекста! – успокаивающе шепнул ей Эссиорх.

Он не был заинтересован, чтобы Варваре прямо здесь и сейчас сломали шею. Ведьма немного побухтела, но все же из уважения к Эссиорху согласилась трактовать свинью именно в общекультурном смысле.

Варвара закончила разминать руки и занялась ногами. Первым делом она распутала штору, попыталась встать, но тотчас, скривившись, повалилась набок.

– Я не чувствую ног. Вы мне их перетянули, уроды! Хотите, чтобы гангрена была? Вызывайте теперь «Скорую»!

– Что ты несешь? Чем перетянули, шторой? Да я сама завязывала! – недоверчиво сказала ведьма, наклоняясь.

В ту же секунду Варвара с силой распрямила ногу, квадратным каблуком заехав Улите в подбородок. Другой ногой она с необыкновенной ловкостью пнула в живот Мошкина и, отбросив плечом Нату, ринулась в коридор.

Хлопнула дверь. По ступеням прокатились drobные шаги. Заглатывая сырой воздух

подъезда, Варвара пронеслась по лестнице. Споткнулась, царапнула щекой по открытой раме второго этажа, ударила взметнувшейся рукой по почтовым ящикам. Вот и дверь! Удивляясь, что не слышит за спиной наступающего топота, она поспешно ткнула пальцем в пискнувшую кнопку кодового замка и вырвалась наружу.

– Добряк, ко мне! – позвала она и внезапно отшатнулась, налетев спиной на захлопнувшуюся железную дверь.

На скамейке у подъезда сидел Эссиорх и со старательностью дошкольника дул на ранний одуванчик. Убедившись, что от одуванчика оторвался последний парашютик, он встал.

– Я же говорил: ты еще не готова! – сказал он мягко. – Идем! Улитку я уже утихомирил, хотя она и порывалась тебя убить! Только учти: все шутки, связанные с весом – абсолютное табу.

Варвара пытливо посмотрела на него. Решения она принимала быстро. Иначе под землей не выживешь.

– Так и быть. Я выслушаю ваш бред еще раз! Только возьму с собой собаку!

– Какую собаку?

– Эту! – пояснила Варвара с насмешкой.

Эссиорх недоверчиво обернулся. Добряк мчался к ним громадными скачками. Через двухметровый кустарник у подъезда он перескочил так, будто тот был низким заборчиком. Подскочил к Варваре, по инерции пронесся, едва не сшибив ее с ног, и, оскалившись, вопросительно зарычал на Эссиорха. Тот уважительно хмыкнул, впечатленный размерами пса.

С секунду Варвара колебалась.

– Взять его! Фас! – приказала она, делая резкий шаг вперед.

Эссиорх вздрогнул и вскинул руки, готовясь защищаться. Добряк не сдвинулся с места, только повернул голову, свесив одно ухо.

– Испугался? – засмеялась Варвара. – Это была шутка! Он натаскан не на «фас», а на другое!.. Так что смотрите у меня, без фокусов!

Эссиорх кивнул, соглашаясь, что без фокусов, конечно, лучше, вошел в подъезд, приоткрыл дверь, высунул в щель до половины лицо и дважды тонко свистнул.

Громадное тело взметнулось. Лапы врезались в дверь и заскользили по железу, пытаясь разодрать его. Из пасти клочьями полетела желтоватая, с легкими лопающимися краями пена. Внезапно выпрямленный хвост пса дрогнул и поджался. Добряк заскулил. Он сообразил, что команда должна была последовать от хозяйки.

– Как ты узнал? – изумилась Варвара.

Эссиорх открыл дверь.

– Идём! – сказал он. – У нас не просто мало времени. У нас его нет.

На лестнице им попался Чимоданов. Он был занят невиннейшим из всех злодеяний мрака делом – пытался скрепкой вскрыть чужой почтовый ящик. Вскрыл, вытянул из ящика ненужную никому газетенку и печально вздохнул.

* * *

– А теперь, ботан, давай ту же песенку заново! Нажимай кнопку «плэй»! – потребовала Варвара.

– Какую песенку?

– Про мраморную бошку!

– Я же тебе рассказывал! – с укором сказал Корнелий.

– Я не слушала. Пока ты болтал, я думала о тебе, что ты меня предал. А когда я думаю о ком-то, что он меня предал, я его не слушаю!

Корнелий хотел вспылить, но, поймав взгляд Эссиорха, успокоился и пересказал то же самое повторно. На этот раз он был сух и конспективен. Красноречие же запаковал в коробку

и отправил обратной бандеролью Цицерону.

Пока он рассказывал, Варвара отобрала у Улиты свой тесак. Отмахнула им половину палки колбасы и бросила ее псу. Добряк проглотил колбасу не жуя. Во всяком случае, пола она совершенно точно не коснулась. Вторую же половину палки она грызла сама. Добряк полез было просить еще, но получил коленом по морде вместе с деликатной рекомендацией: «Не трамвай! Подождешь!»

– Похоже, ты нечасто кормишь свою болонку, – ехидно заметила Ната, созерцая проступающие ребра черного пса.

– Когда сама жру, тогда и он жрет. А ну да, прошу прощения, надо сказать «кушает»! – поправила Варвара, насмешливо покосившись на Корнелия.

Ей, похоже, нравилось доставать его своей грубостью.

– И он наедается?

– Нет. Ему хавчика всегда не хватает. Ну тогда сам уже добывает, где что может. В основном крыс лопают и кошек, – отвечала Варвара спокойно.

У всех возникло стойкое ощущение, что это чистая правда.

– Короче, тем типам нужна была мраморная башка! – подытожила Варвара, доказывая, что на этот раз слушала Корнелия внимательно.

– А кто за тобой гнался? – спросил Эссиорх.

Варвара немного смутилась.

– А вы не будете ржать? – спросила Варвара.

– Ржут кони, а люди прикалываются, – поправила Улита.

– Шпагой к стене, – сказал Мошкин, вспоминая, как ведьма часто разбиралась с Тухломоном.

– Я сама точно не поняла кто... Что-то вроде толпы очень крупных, чуть ли не по колено уродцев. Они неслись на нас с Добряком таким потоком, будто где канализацию прорвало. Они бы нас начисто смели, не подвернись железная дверь. Блин, никогда не видела таких жутких морд!.. Я думала, нам кранты! Добряк и тот скулил, как щенок!

– Нежить? – вполголоса спросил Чимоданов.

Эссиорх кивнул. Он уже слышал, что мрак нагнал в подземелья нежити, послав ее на поиски карты.

– Как ты ее вообще нашла? Где?

– Не я нашла. Добряк. Мы шли по залазу, смотрю: он куда-то нырнул и возвращается уже с ней. А потом голова разевает пасть и предлагает мне назвать свое имя! – пояснила Варвара.

– Ты сказала? – озабоченно спросил Корнелий, давно усвоивший, что называть свое имя артефактам мрака чревато неприятностями.

Варвара ухмыльнулась.

– На «ты кто», я всегда отвечаю «конь в пальто».

– А мне почему сказала? – спросил Корнелий.

Варвара слегка смутилась.

– У тебя вид был как мешком прихлопнутый. Надо было тебе бросить копеечку, чтобы ты не страдал, – заявила она.

– Покажешь нам место, где пес нашел голову? – спросил он.

Варвара посмотрела на Добряка, будто совещаясь с ним. Пес высунул язык и широко, во всю пасть, зевнул. Сложно сказать, что это означало на собачьем языке: «да», «нет» или «может быть».

– Ну так и быть! На рассвете! Где-нибудь часика в четыре! – сказала она.

Хранитель посмотрел на часы. До четырех было еще далеко.

– А если раньше? – спросил он.

Варвара заупрямилась.

– Раньше я не попрусь. Я устала. Ночью полно патрулей. Цепляются ко всем попало, особенно если ты не похож на студента, возвращающегося из библиотеки. «Зачем вам

гвоздодер? С какой целью вы взяли с собой тесак?» Только и мечтают, чтобы диггера в отделение загнать и мурыжить его до конца дежурства!.. У вас еще хавчик есть?

Эссиорх посоветовал посмотреть в холодильнике.

– Уже! Там, кроме колбасы и каких-то помоев, ничего не было.

– Помои в какой кастрюле – в красной или в белой? – насторожился Корнелий.

– А я помню? В белой, кажется.

Ответ Корнелия обрадовал.

– В белой сегодняшний суп Эссиорха! Говорил ему: не клади столько гущи! Ложку надо будет молотком вбивать! – сказал он.

– А ты вообще гущи не кладешь! Три картошки на ведро воды, кубик химического жира и это называется: бульон! – обидчиво заметил Эссиорх.

Улита, внимательно слушавшая перепалку, ухмыльнулась, очень довольная. Чем больше обнаруживалось мужских разногласий, тем яснее она видела свою экологическую нишу.

– А родители у тебя есть? – спросила она у Варвары.

Эссиорх напрягся. Вопрос был скользкий. Если бы его задал кто-нибудь другой, вопиюще заботливый, Варвара наверняка воспламенилась бы. Другое дело Улита. Участия в ее голосе было не больше, чем мягкости в наждачной бумаге. Играть же можно исключительно на жалости, на равнодушии можно только доиграться.

– Были приемные. Взяли меня из детдома, уроды! – неохотно ответила Варвара.

– А почему уроды?

– Ненавижу их!

– Они тебя что, били?

Варвара фыркнула как кошка.

– Еще чего! Полотенцем один раз кинули и то не попали! Да ну их! Лучше б они меня шваброй молотили с любовью, чем занудствовали бы правильно, но без любви! Добренькими прикидывались, а сами меня тихо терпели! Я порезала им все стулья, прожгла сигаретой диван! А они смотрели на меня как на нагавившего котенка: «О, мы понимаем! Переходный возраст! Всё же в другой раз мебель лучше не портить! А сейчас иди в свою комнату и знай: мы наказываем не тебя лично, а боремся с твоими недостатками!»

– По-моему, нормальные люди. Вообще-то подростков берут редко. Все хотят синеглазых карапузов в возрасте, когда мамой являются все предметы в юбке, а папой все предметы в штанах, – задумчиво сказал Эссиорх и получил взгляд, от которого дохнут мухи.

– И ты убежала? – спросила умная Улита.

– Что я, тупая, бежать? Спокойно собрала вещички, помадой написала на зеркале, у кого в самом деле проблемы, и ушла, а потом завела себе Добряка, – заявила Варвара.

– Купила? – неосторожно спросил Мошкин.

Варвара засмеялась. Предположение, что Добряк мог возникнуть в результате товарно-денежных отношений, показалось ей совершенной нелепостью.

– Сто раз! Нашла в ремонтном депо Казанского вокзала.

– А что ты там делала?

– Перекантовывалась в товарняках. Ему было дней восемь. Он лежал между шпалами, как фриц в окопе, и не мог через них даже переползти. Я набирала молоко в шприц без иголки и кормила его. Потом у него одеревенели лапы. Я отправилась с ним в ветеринарку. Там сказали, что это инфекция и он наверняка подохнет, но если мне совсем нечего делать, я могу каждые полчаса колоть ему глюкозу... Даже дали бесплатно всю эту бодягу. Я колола каждые двадцать минут, и он выжил.

– А где его мать? – спросил Чимоданов.

– Не знаю точно. Потом только услышала: накануне какую-то собаку убили сторожа. Вроде она была бешеная и на них бросалась. Но я думаю: врут. Я бы тоже взбесилась, если бы меня били лопатой.

– Это смотря как! Ежели с разворота и острой частью, то едва ли, – хищно сказал

Чимоданов.

Варвара встала и потянулась.

– А теперь баю-бай! На всякий случай зарубите себе на носу: когда я встаю – я всех бужу! Когда будят меня – я всех убиваю!

Прямо в одежде она улеглась на диван, натянула на себя плед и мгновенно отключилась. Добряк привычно устроился рядом и прижался к хозяйке боком. Так он и дремал с полужакрытыми глазами, негромко рыча и не забывая показывать молодые белые зубы.

– Очень самодостаточная парочка! – заметил Эссиорх.

– А мне они нравятся! – сказала Улита, немного подумала и добавила: – Хотя вообще-то, конечно, в приличных домах перед сном разуваются. С другой стороны, я ее понимаю: разуешься – ботинки сопрут.

* * *

Ночью по стенам домов на липких пальцах ползали суккубы с целыми авоськами мерзких снов. В спешке они часто путали сны. Так директор машиностроительного завода, пузатый, плечистый и доминирующий мужчина, лысый как колено, отец троих сыновей и дед шести внуков, получил сон, что у него плохо смылся лак с ногтей. Всю ночь он потел и пугался, а утром проснулся злой, больной и не пошел на работу.

Но это по стенам соседних домов. К этому же дому ни один суккуб не смел даже приблизиться.

Стражи спят недолго – не больше, чем нужно, чтобы отдохнули тела. Уже в половине четвертого Корнелий с Эссиорхом сидели на кухне. Наспех разбуженные Мошкин, Ната и Чимоданов мялись рядом. Мошкин был хмур и пил кофе, Ната безадресно злилась на весь мир, а Чимоданов, хотя и выглядел бодрым, имел на голове такую прическу, что мог заколоть дикобраза, бодаясь с ним один на один.

– А где Улита? – поинтересовался Корнелий.

– Мародерствует в магазине одежды, – пояснил Эссиорх.

– Ночью??

– Некоторые и по ночам работают. Она заявила, что страдала без меня так долго, что ей теперь надо от меня отдохнуть и привыкнуть к мысли, что я снова рядом.

Окончательно запутавшийся Корнелий потряс головой.

– Какая-то мутная логика! – сказал он жалобно.

– С женщинами всегда так. Лучший способ их понять – вообще не заморачиваться. И поменьше их слушать. Все самые тяжелые раны в этом мире были нанесены языком, – рассеянно сказал Эссиорх.

– Угу. В таком случае, все знакомые твоей Улиты уже при последнем издыхании. У нее во рту просто многоствольный пулемет! – заметил Корнелий.

Мысль была верная. Порой Улита могла брякнуть такое, что сама приходила в замешательство.

Варвара проснулась в начале пятого и сразу появилась на кухне. Впереди, как охранник, следовал Добряк. Тут же, утратив суровость, он сунулся мордой к холодильнику и получил от хозяйки совет худеть. Варвара выглядела заспанной, недовольной, но одновременно деловой.

– Я передумала работать на вас даром! Перетопчетесь! – заявила она.

– И что же ты хочешь? – спросил Эссиорх.

– Сто! – сказала Варвара решительно.

– Сто чего? Рублей?

– Оставь их себе! Сто блоков сигарет и новый фонарь с запасными батареями.

Корнелий виновато посмотрел на Эссиорха. Ему было неловко, что девушка, которая впервые в жизни стала для него чем-то большим, чем просто строчкой с номером

мобильника, оказалась такой меркантильной. Зато Эссиорх отнесся к наглому требованию философски.

– Никогда не слышал, чтобы со света пытались сдирать деньги. С другой стороны, думаю, что вторая половина карты Хаоса того стоит, – сказал он спокойно.

– По рукам? – спросила Варвара.

– По рукам. Найти сто блоков неудачливых сигарет будет проще простого. Кто-нибудь заработает себе желтые зубы на пару недель позже, – прикинул Эссиорх, протягивая ей для хлопка руку.

Хлопать его по ладони Варвара не стала.

– И так сойдет! Со мной пойдут: ты и ты! Готовы, гномы? – Варвара покровительственно ткнула пальцем в Эссиорха и Корнелия.

«Гномы» переглянулись.

– А остальные? – спросила Ната.

– Остальные остаются сторожить воздух в комнате! – безапелляционно сообщила Варвара.

Услышав, что ее не собираются брать, Ната равнодушно передернула плечами и заявила, что в таком случае ее не надо было будить. Самолюбивый Мошкин скрыто обиделся, а Чимоданов пожелал всем провалиться в люк и прихлопнуться крышкой.

– Пацан, нечего делать морду чемоданом! – сказала ему Варвара, по неопытности заигрывая с опасным словом. – Диггеры, которые ныряют в залаз меньше, чем вдвоем – самоубийцы. Те же, которые ходят больше чем по трое – тусовщики. Поход по подземельям заканчивается у них одновременно с пивом.

Корнелий хотел возразить, что Варвара-то как раз ходит одна, но благоразумно промолчал. И потом она могла бы сказать, что таскает с собой пса.

Десять минут спустя два великовозрастных «гнома», девушка и собака вышли из квартиры. Моросил мелкий дождь, оседавший на лицах. Серое небо казалось декорацией. Даже ближайший к ним дом и тот вызывал сомнения в своей реальности. Подпиленные деревья с белеными стволами робко раскинули свои дрессированные ветви.

Корнелию было уныло. Эссиорх молчал. Варвара поплеывала в лужи и думала, вероятно, о новом фонаре. Один только Добряк ощущал себя уютно. С первой секунды, как они вышли из подъезда, он носился по кустам, продираясь сквозь них как молодой лось. Кусты трещали и пугливо мяукали котами. В атаку Добряк кидался без лая, абсолютно беззвучно.

Понаблюдав за ним, Корнелий окончательно утвердился во мнении, что к кошкам у этого пса свое особое, гастрономическое отношение.

К метро они подошли к самому открытию. Даже пришлось подождать немного, пока появившийся изнутри милиционер не отпер тяжелые двери, а вместе с ними и новый день.

Корнелию интересно было посмотреть, как Варвара проведет Добряка в метро мимо строгой как Цербер дежурной. Как оказалось, методика была отработанной. Варвара принялась стучать по турникету. Дежурная, услышав, кинулась к ней с сердитой рекомендацией: «Ты еще себе по голове постучи!»

Черная молния всплеснула за ее спиной и, с места легко перескочив через турникеты, умчалась к эскалатору. Оставалось только надеяться, что на пути этого бегущего тельца не попадутся люди, страдающие пороком сердца.

– А с поводком и намордником к тебе никогда не пристают? – спросил Корнелий.

Варвара уставилась на него с негодованием.

– Ко мне?? Я что, такая дикая?

– Я про Добряка спрашиваю.

– Я обычно отвечаю, что намордник был, но он его сожрал. И потом, кто тебе сказал, что это моя псина? Она что, подписана? Я ее вообще в первый раз вижу! Караул, граждане, спасите! Развели тут собак, я их боюсь! – заорала Варвара на все метро.

Эссиорх покачал головой. Он и не догадывался, что им досталась девушка такой

повышенной шумливости. «Хорошо еще, что Улита с нами не пошла. Вдвоем они обрушили бы метро», – подумал он.

На «Киевской» Варвара вышла из вагона и остановилась, поджидая, пока основная толпа пронесется к эскалаторам. Корнелий было решил, что им снова придется самоубийственно бежать по рельсам, но Варвара покрутила пальцем у виска, едва он попытался открыть рот.

Она поднялась наверх, в город, и решительно направилась куда-то. Очень скоро Эссиорх сообразил, что они следуют к Москве-реке.

Варвара прошла вдоль каменной набережной и спустилась на пустой бетонный причал. На причале она остановилась и краем ботинка стала сталкивать в реку валявшиеся здесь пробки и стекляшки.

– Зачем мы сюда пришли? – спросил Эссиорх.

– Топиться.

– Ты что, серьезно?

– У тебя что, есть резиновая лодка? – ответила вопросом на вопрос Варвара.

Резиновой лодки у Эссиорха не оказалось, а ближайшая неудачливая нашарилась лишь в городе Рыбинске, где на ней послезавтра утром должно было ветром унести в водохранилище двух уснувших рыбаков. Пока Эссиорх соображал, как с минимальными потерями перетащить ее на Москву-реку, Варвара уже посоветовала ему не вякать.

Легла на живот и быстро полезла под причал. Там было склизко. Коричневая вода хлюпала о привязанные покрышки. Перехватываясь за край причала, она крабом стала переступать по ним.

Одновременно Добряк без раздумья прыгнул в Москву-реку и поплыл, высоко задрав морду. Сверху видно было, как отяжелело мелькает его намокший хвост.

– Не толпитесь тут, как охранники на презентации лопат и тележек! Топайте за мной! – закричала она на Эссиорха и Корнелия.

– А куда спешить? – жалобно спросил Корнелий, которому не хотелось никуда лезть.

– Раскачиваться надо было раньше! Половина неприятностей у диггеров случается, когда слишком долго топчешься у залаза и мозолишь глаза прохожим! Чуть что, звонят 112 с мобильного и вызывают кого попало, доминошники фиговы! – пыхтя, проговорила Варвара, не забывая перешагивать с одной висящей покрышки на другую.

– Почему доминошники?

– А потому что стучат! – ответила Варвара с досадой и, оттолкнувшись, перескочила в мелкую воду на скате. – Быстрее! Я тут в реке торчу, а они копаются!

Эссиорх и Корнелий спустились. Варвара преувеличивала. Она стояла не в самой реке, а на каменных ее берегах. Стена была не отвесной, а немного наклонной, с полукруглым спуском в сторону реки. Из неширокого отверстия тонкой струйкой сбегал ручеек, пахнущий не столько канализацией, сколько вообще гнилью и сыростью. Решетка казалась прочно сидящей, однако гвоздодеру поддалась легко. Лишь обиженно чавкнула что-то недовольное.

– Ты, крупный! Придержи ее! Выше поднимай! – распорядилась Варвара.

После краткого сопоставления своих размеров с размерами Корнелия, Эссиорх убедился, что «крупный» относилось всё-таки к нему и без желания взялся за скользкую решетку. Она была не просто грязной, но и покрытой чем-то невообразимо-жутким и тинистым, что в отрицательной иерархии шло, должно быть, сразу после грязи.

Варвара заметила это и усмехнулась. Она специально не предупредила Корнелия и Эссиорха, чтобы они оделись во что-нибудь подходящее. Тест на глупость лучше всего принимать экспромтом, без объявления тестовых вопросов. Держась одной рукой за край заныра, Варвара наклонилась, подхватила Добряка за ошейник и, покраснев от натуги всем лицом и даже шеей, сильно потянула вверх.

– Шевелись! – велела она.

Добряк быстро заработал лапами и, проскальзывая, кое-как заполз наверх по наклонной стене. Дождавшись, пока он скроется в дыре, Варвара последовала за ним. Вторым полез

Корнелий. Эссиорху пришлось протискиваться третьим.

Отверстие было узким. Хранитель полз на четвереньках, видя перед собой лишь мало вдохновлявшие его подошвы Корнелия. По трубе журчал ручеек. Ниже колен ноги были уже мокрыми и грязными. Где-то впереди Варвара включила фонарь, но Эссиорх видел лишь те слабые отблески, которые пропускали к нему ноги и спина Корнелия.

– И скоро? – жалобно спросил Корнелий.

– Что устал, салага? Метров тридцать еще! – донесся откуда-то спереди голос Варвары. – Потом можно будет выпрямиться.

Так и случилось. Вскоре несколько каналов, пробивавшихся сквозь камень набережной, сошлись в один, довольно широкий. Даже высокий Эссиорх мог идти здесь не пригибаясь. Варвара остановилась. Луч ее фонаря скользил по красному кирпичу. Выложенный по кругу, он удерживал тоннель от обрушения. Кирпичи лежали непривычно – через ряд торцевой частью. В почерке подземного каменщика ощущалась профессиональная стремительность. Раствор почти нигде не выкрошился.

Корнелий смотрел на кладку и, пожалуй, впервые в жизни понимал, что такое красота хорошо сделанной работы. Даже если эту работу никто не видит. Даже если это просто подземный, всеми забытый ход. Постареть мог камень, но не труд.

Древняя кладка настроила Корнелия на романтический лад. Он заявил, что, возможно, здесь ходил еще Иван Грозный, держа в желтой руке дрожащую свечу.

– Ага! Счас! Дай, думает, по водостоку каракатицей пролезу и в речке искупаюсь! – ляпнула Варвара.

Ей явно нравилось разрушать иллюзии и казаться хуже, чем она есть.

– Хочешь сказать, что тогда этого тоннеля не было? – спросил Корнелий.

– А шут его знает. Только чего Грозному было делать на «Киевской»? Тут тогда, небось, избушки стояли на курьих ножках и уж точно никакой каменной набережной. Хотя рядом еще один тоннель есть, с залазом наверх. Он вроде как подревнее... Ну всё! Потопали!

Варвара шла и ворчала, что только чайники лезут в водостоки вскоре после таянья снегов. Сейчас еще ничего, сухо, а бывает, что идет кто-нибудь по щиколотку, а потом раз – и ушел с головкой в темную ямину, только фонарь булькнул. Ну а там уже как повезет.

– погоди! Сейчас ты полезла сюда ради нас, согласен. Но что ты тут делала в прошлый раз? – логично спросил Эссиорх.

Варвара пояснила, что в прошлый раз она заныривала не через водостоки и не от «Киевской». Но что там, где в прошлый раз, она с двумя новичками ни за что не полезет. Хватит ей того, что она едва не подохла тогда от страха.

Корнелий подумал, что девушке в некотором смысле удобнее. Можно смело признаться, что ты струсил, и при этом остаться храброй. Вообще странная вещь: в своей трусости охотно признаются только смелые люди. Настоящие стопроцентные трусы предпочитают важно помалкивать, не затрагивая эту тему, и массировать ударные костяшки, набитые о стену.

Шли они долго. Эссиорх успел привыкнуть к чавканью воды, равно как и к ощущению, что примерно по колено его ног уже не существует, а существует только сплошная сырость. Раза четыре он больно цеплялся макушкой о низкие своды, и теперь ему казалось, что он стер волосы до кожи. Голова саднила. Эссиорх загадал, что если зацепит макушкой еще раз, то раздобудет где-нибудь неудачливую строительную каску. На худой конец, даже армейская сойдет. Представив, как она будет гроыхать о своды, Эссиорх улыбнулся.

В Подземье он бывал редко. Как хранителю, здесь ему было неуютно. Теснота, сдавленность, ощущение близости нежити чувствовались уже тут. Он знал, что с каждым метром вглубь отторжение будет усиливаться. Подземье начнет изгонять, сдавливать, выталкивать его, как изгоняют и сдавливают морские глубины, когда до звона в ушах ныряешь к самому дну.

Залаз и Подземье – абсолютно разные вещи. Залаз – это, по большому счету, просто дыра, которая позволяет всунуть в себя нос. Дверь, люк, тоннель. Тот, кто знает конкретный

залаз, еще не может утверждать, что ему известно Подземье. Сравнивать залаз и Подземье невозможно. Они несовместимы. Залаз – это комикс в семь страниц, а Подземье – вся литература. Залаз – бутылка минеральной воды с высохшим лизком клея от оторванного ценника. Подземье – все моря и океаны мира.

Есть диггеры, которые изучили двадцать залазов, некоторые – девять, некоторые – три. Если же кто-то берется утверждать, что отлично знает Подземье – то одно из двух: перед вами или приبلудившийся гном, или врущий чайник без ручки. Отличить гнома от врущего чайника проще простого. Гном обычно маленького роста, атлетического сложения, с бородой от глаз или, если борода бритая, то с такой же, от самых глаз, щетиной, о которую затупится любая бритва. Уши гномы имеют с удлинненными кончиками. Часто на ушах бывает шерсть.

Эссиорху было известно, что чужие земли начинаются уже здесь, под самым городом. Среднее Подземье, Нижнее, затем Хаос, затем Верхний Тартар – всё это территория врага. Верхнее Подземье – еще не его земля, но уже приграничье, как и человеческий мир. И как во всяком приграничье тут часто происходят стычки.

– Где-то внизу сейчас Троил! В крошечном мраке, в хаосе! Если здесь плохо, то там-то каково?.. – обернувшись к Эссиорху, шепнул Корнелий.

В слабом свете фонаря его голова оказалась в ореоле. Уши просвечивали нежным рубином.

Тоннель поднимался всё время немного вверх. Затем круто свернул и завершился каменным колодцем, который Варвара осторожно обошла по краю. Наверх шли железные скобы. Длинный коридор уходил направо. Одна из его стен, уже бетонная, через равные промежутки времени принималась мелко дрожать.

Варвара выразила свое отношение к новому тоннелю длинным плевком, который, скользнув по дуге и подсветившись фонарем, исчез в неизвестности.

– Метро. Если переться минут десять, не останавливаясь, будет отстойник для поездов. Три такие кишки, где вечно пасется куча всяких ремонтников. Примерно по пять скучающих мужиков на одну гайку, которую нужно завинтить... Ну вру, не пять! Просто меня один раз там чуть не запалили.

– Нам сейчас не туда? – спросил Эссиорх.

– Сюда! – с явной насмешкой сказала Варвара и, направив луч фонаря, принялась ногой отгребать в сторону нарочно наваленный мусор. Под мусором оказался сварной лючок квадратной формы. Заперт он был не на замок, а на два толстых болта со специально сбитой резьбой.

Варвара посмотрела на болты с презрением. Риторически вопросив, неужели есть еще такие дураки, которые прутся под землю с одними плоскогубцами, она мигом извлекла из рюкзака ножовку по металлу. Один болт поддался через минуту. Другой изрядно попортил нервы, но тоже уступил.

Эссиорх без усилия поднял люк и ощутил сквозняк, лижущий ему вспотевшие лицо и шею. За люком начинались высокие ступени. Проход был узким, на одного человека. Двое разошлись бы, только соприкоснувшись животами.

Добряк первым нырнул в проход. То и дело он вопросительно оборачивался, и тогда в выпуклых его глазах отражались желтые пятна фонаря. Подобно многим животным, спускаться ему было сложнее, чем подниматься, но Добряк был пес привычный и бежал вниз зигзагом, сглатывая высоту ступеней. Варвара озабоченно потрогала сточенное полотно ножовки и, спрятав ее в рюкзак, начала спускаться.

Эссиорх сутулился, берег макушку и уже устойчиво представлял себе Верхнее Подземье как изъеденный мышами кусок сыра. В лестнице он насчитал двести шестьдесят две ступени. Если прикинуть, что каждая ступень сантиметров по сорок, то всего они опустились на сто – сто пять метров от уровня верхнего тоннеля.

Ближе к концу лестница без предупреждения перешла на небольшие ступени и, измельчав, впала в ничтожество. Тоннель начался незаметно и вел в ту же сторону, что и

лестница, не слишком выдерживая размеры. Заметно было, что строителей больше волновала твердость окружающих пород, чем внешний вид.

– Долго еще? – спросил Корнелий, только что с тоской подумавший, что на обратном пути лестница покажется еще длиннее.

Варвара, не оглядываясь, яростно пнула его каблуком, заявив, что в залазе не спрашивают, «долго или нет».

– Примета такая! Прешься, прешься, уже вроде пришел, а как спросишь: тут или завал, или заварили всё наглухо, или водой затопило. Если человек попал под землю – значит, он уже повсюду успел! – озабоченно сказала Варвара.

«Занятно, как суеверие может существовать без веры. В свет не верят, в мрак тоже – а лишний раз вякнуть бояться. Вроде как соглашаются с тем, что бьет их по башке какая-то рука, а чья рука и за что – непонятно!» – подумал Эссиорх, налетая в темноте на худое и острое плечо Корнелия.

Добряк предупреждающе заворчал, а еще шагов через пять они увидели размытую оранжевую запятую. Скорее желтоватая, чем алая, она плясала на мокрых стенах тоннеля. Запятая двоилась, блики менялись местами, и потому сложно было угадать, какая из них настоящая.

Варвара поспешно отступила назад. Фонарь она выключила еще раньше: когда заворчал Добряк.

– Костер! – прошипела она, с раздражением оглядываясь туда, где, как ей казалось, стоял Корнелий. – Спросил «долго»? Довякался, блин, зоркоглазик?! И что теперь делать?

– Ну костер и костер... Кто-то решил погреться. Не завал же! – сказал Эссиорх миролюбиво. Он уже прикинул, что нежить костров не разводит. Раз так – нечего и волноваться.

– Интересно, где он насобирает дров? С собой, что ль, припер? – подозрительно продолжала Варвара.

– Тут же иногда валяются доски! – тоном знатока сказал Эссиорх, дважды натывшийся на завалы деревянного мусора под ведущими наверх люками.

– Ты их трогал? Это даже не гниль! Их можно пальцами крошить и выжимать воду! Не нравится мне это!

Корнелий отважно шагнул вперед, но ощутил во рту невкусную перчатку Варвары.

– Тихо, ботан! Сознавайся, что ты хотел сделать? Дай сама догадаюсь: заорать? – змеюкой прошипела Варвара ему на ухо.

– Просто... тьфу!.. поздороваться. Разве нет какого-нибудь подземного приветствия диггера? – отплевываясь, сказал Корнелий.

– Есть. Ломяком по башке три раза. Или саперной лопаткой один раз. А там можно и не закапывать. Мы и так глубже любого кладбища, – цинично заявила Варвара.

Корнелий не поверил, зато Эссиорх моментально усмотрел связь.

– Диггер – это крот. А что делают два крота, когда встречаются в тоннеле? Правильно: расчищают площадку, чтобы было где развернуться, и начинают рвать друг друга в клочья. И так пока не останется один! – сказал он, до крайности довольный своей зоофилологической интуицией.

Поймав Добряка за ошейник, Варвара высказалась, что на кротов ей плевать. Ну об этом Эссиорх и без нее догадывался. На что Варвара не чихала, на то она плевала. На что не плевала, на то клала с пробормом. На что не клала с пробормом, на то вновь чихала. Обычная реакция юного человека, заблудившегося в джунглях большого города.

– Что опять не так? – спросил Эссиорх. – Я не прав?

– Нет. Настоящий диггер диггеру всегда поможет: батарею даст, если сдохла, веревку, жрачки подбросит. Но не все, кто торчит под землей, диггеры.

– А кто еще?

– Да все подряд. Кладоискатели всякие дебильты, и наркоманы, и воры тайники устраивают, и бомжи кабеля режут, и капища всякие непонятные попадают. Я как-то

напоролась на один в старой бомбухе. Жертвенник у них там, что ли. Костей навалом и непонятно чьих. Короче, орать под землей «вау!» и лезть знакомиться я бы никому не советовала! – неохотно сказала Варвара.

– То есть ты не знаешь, чей это костер? И как нам быть? – спросил Эссиорх.

– Подкрасться и гвоздодером по голове! Три раза! Если ошибемся – потом попросим прощения, – сказал Корнелий и глупо хихикнул.

– Ты что, на голову больной? – мягко спросил у него Эссиорх.

– Я сам часто задаюсь этим вопросом, – честно признался связной. – И что будем делать с этим, у костра? Обойти же его нельзя? Тоннель-то один?

Варвара кивнула. Подав знак Корнелию и Эссиорху оставаться на месте, она наклонилась к Добряку и подышала ему в ноздри, точно что-то объясняя. Затем вместе с ним беззвучно скользнула к костру. Добряк вел себя как настоящий подземный пес. Не рычал, не лаял, не чесался, не производил никакого шума. Даже не вилял хвостом по распространенной привычке крупных собак колотить им всех по коленям.

Корнелий и Эссиорх остались в темноте, готовые ринуться на помощь, если услышат крик. Варвара вернулась минуты через две. Как и прежде, впереди бежал пес.

– Там мужик, – сказала она с легкой одышкой. – Вроде один. Меня он не видел.

– А что он делает? – спросил Эссиорх.

– Ничего не делает.

– А на кого он похож?

– На позвоночник сидящего ко мне спиной мужика! – ответила Варвара с досадой.

Эссиорх улыбнулся. Характеристика была в его вкусе.

– То есть ты не знаешь, опасен он или нет, – уточнил он.

– Точно! Его документов я тоже не видела!

– Ну так можно и без гвоздодера! Флейтой! Он просто мирно уснет на часок, а мы спокойно пройдем мимо. Даже куртку ему под голову подложим, – предложил Корнелий.

Он попытался извлечь флейту, но Эссиорх накрыл ему запястье ладонью.

– Под землей не нужно. Мы на чужой территории. Он, конечно, уснет, но мы привлечем к себе кучу ненужного внимания. Ты же не хочешь брать телефончики еще и у хмырей?

Услышав нечто знакомое, Варвара уставилась на Корнелия с большим интересом. Даже фонарь направила ему в глаза.

– Ты что, у всех их берешь? – спросила она насмешливо.

У Корнелия запершило в горле. Избегая опасной темы, он ринулся к костру, готовый по ситуации или повиснуть у мужика на плечах, сбив его с ног, или все же воспользоваться флейтой.

Варвара метнулась следом, но не успела. Думая, что он беззвучен, как призрак, Корнелий летел по подземному ходу, слыша лишь стук своего сердца. Он не пробежал еще и половину расстояния, отделявшего его от костра, а мужчина, гревшийся у огня, уже встал и повернулся к нему. Отблеск пламени упал на него. Жесткий волос, красное лицо, борода с проседью.

Это был Арей.

Эссиорху он кивнул со смесью равнодушия и дежурной вежливости. Корнелий же совсем его не заинтересовал. Даже флейта не заставила его отстраниться. Он лишь предостерегающе качнул опущенным мечом.

– Поднесешь к губам... понял?

– Не понял! – надерзил Корнелий, однако надерзил тихо.

Арей даже не потрудился услышать. Он смотрел на Варвару. Его глаза остановились на ее губах, шраме. Спустя секунду он равнодушно отвернулся, но вновь что-то заставило его взглянуть на нее.

Добряк рычал, рвался, кашлял пеной, припадал на передние лапы, точно угрожая кинуться, однако близко не подходил и сразу отскакивал. Примерно так ведут себя псы при

встрече с крупным хищником.

– А это еще кто? – спросил Арей хмуро.

– Собачка, – пояснил Корнелий.

Арей снисходительно взглянул на него.

– Наш проводник, – сказал Эссиорх.

– Девчонка?

– У вас предубеждение против девушек? – поинтересовалась Варвара.

– Скорее, против девушек-проводников, – уточнил Арей.

– Ваши проблемы! – сказала Варвара.

Арей хмыкнул, пожалуй, одобрительно. Он умел ценить отвагу – причем отвагу истинную, без истерического подмеса.

– И давно твои родители отпускают тебя в Подземье? – спросил он.

– Мапочка и папочка? У меня их нет, – с вызовом ответила Варвара.

– Что, совсем?

– Тем, что у него совсем нет родителей, не может похвастаться даже Добряк, – отрезала Варвара.

– Кто такой Добряк? – спросил Арей.

Пес бесшумно оскалился. Он не любил слышать своё имя из чужих уст. Право на его имя имеет только хозяйка. Остальные пользуются им незаконно.

– Ясно, – кивнул Арей, еще раз взглянув на пса.

Варвара нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

– Ну что? Идем или нет? Или, может, найдем какую-нибудь дыру, где скопился газ, и кинем туда зажженную спичку? – спросила она с досадой.

– Ну-ну... Не будем сгущать краски! Задавать вопрос: что вы тут ищете, надо полагать, бессмысленно? – спросил Арей у Эссиорха.

– Бессмысленно, – ответил тот.

Мечник наклонился и подбросил в костер доску. Пламя облизало ее и начало медленно, как леденец, обсасывать по краям. Дым уходил в округлое отверстие в потолке, где начиналась узкая отвесная шахта. Она и создавала тягу.

– Тем более что тут ничего уже нет. Я тоже искал, – добавил Арей.

– Но *оно* тут было? – напрягся Эссиорх.

Арей присел на корточки и стал греть над огнем изрубленную мясистую ладонь. Добряк продолжал рычать на него через костер. Арей бросил в него головней. Добряк отпрыгнул ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы головня пролетела мимо цели.

– Толковая собачка! – одобрил мечник. – Она постепенно начинает мне нравиться...

– Вы что-нибудь нашли? – нетерпеливо спросил Эссиорх.

Поведение мечника окончательно уверило его, что можно говорить начистоту.

– Я и не ожидал ничего найти, – последовал равнодушный ответ.

– Почему?

– Потому что до меня тут побывала Черная Дюжина. Найти что-либо там, где они ничего не нашли, утопия. А вот там – шагах в тридцати – покончил с собой канцелярист Лигула. Надеюсь, вы не боитесь покойников? – с иронией спросил Арей.

– Нет, – сказал Корнелий.

– Ничего не бояться – почерк профессионального дурака. А я вот боюсь. Иногда мне снится, что все, кого я сделал покойниками, собрались во мраке, чтобы встретить меня. Стоят, смотрят и ждут. Неприятный сон, не правда ли? – сказал Арей задумчиво.

Эссиорх быстро взглянул на него. Как всякий хранитель, он имел обостренное чувство истины. Другое дело, что, даже говоря правду, мрак все равно лжет. Важны не столько сами слова, сколько то, как они будут поняты и к чему побудят. Дыхание слова, его сила. У мрака слова всегда изуродованы. В них нет ни силы, ни правды. Один лишь уклончивый, отчаявшийся, давно иссушивший себя ум.

Прячась за костром, Арей через его пламя разглядывал Варвару. Эссиорх проследил направление его взгляда и убедился, что тот смотрит прямо в центр грудной клетки – туда, где эйдос. Это Эссиорху активно не понравилось, хотя он знал, что стражи мрака, как и стражи света, наделены способностью видеть эйдос. С одной, правда, оговоркой. Стражи света видят хорошую и светлую часть эйдоса. Мрак же замечает свое.

Один, увидев ведро, скажет о нем, что оно наполовину полное. Другой же – что наполовину пустое.

Чем дольше Арей всматривался в эйдос Варвары, тем сильнее недоумевал Эссиорх. Щеку дернула судорога, коснувшаяся края глаза и странно исказившая лицо. Сквозь обычную алчность, без которой страж мрака не способен смотреть на пока не доставшийся ему эйдос, проступало нечто иное, смягченное, непривычное, но вместе с тем и недоверчивое.

Всё испортил Корнелий, который не придумал ничего умнее, чем подбросить в костер охапку размокшей гнили, которую он счел горючей, поскольку в ней обретались две-три бумажки. Огонь, негодуя, задымил, зачал, завонял. Арей, которому дым мешал незаметно разглядывать Варвару, рывком встал и повернулся к нему.

Корнелий попятился.

– Я хотел как лучше. Думал: оно высохнет, – поспешно пояснил Корнелий.

– А на газовую конфорку ты ведро воды никогда не выливал? – спросил Эссиорх.

– А зачем?

– Ну как? Чтобы она постепенно испарялась!

Корнелий с достоинством поправил очки. Он давно усвоил, что в глупом положении умный вид единственное, что спасает от полного фиаско.

– Ну всё! Потопали отсюда! – нетерпеливо сказала Варвара, не понимавшая, что происходит тут между этими тремя. – Что хотели увидеть – увидели! Раз искать больше нечего – идем!

Она повернулась и, шаря перед собой лучом фонаря, быстро пошла. Слова у нее не расходились с делом. Даже часто отставали от него. Так, например, «щас двину!» нередко звучало у Варвары уже после того, как острый локоть устремлялся в глаз недругу.

Эссиорх последовал было за Варварой, но Арей преградил ему путь.

– Вот что... – решительно сказал он. – Почему бы нам не объединить усилия и не поискать вторую часть карты вместе?

Эссиорх напрягся, не понимая, откуда Арею известно про отсутствующую часть.

– С чего вы решили, что карта разделена? И что первая часть у нас? – спросил он быстро.

Мечник растянул губы.

– Вопрос глуп. Если бы у света не было первой части карты – он вообще не знал бы, что она покинула пределы Тартара. И второе: если вы продолжаете поиски – значит, чего-то у вас до сих пор нет.

– Но почему мы должны объединять с вами усилия? – спросил Эссиорх.

– А почему бы и нет? Я однажды видел карту целиком и примерно знаю, как она выглядит, во что превращается и чего от нее ожидать.

– А кому достанется карта? – спросил откровенный Корнелий.

Арей хмыкнул.

– Вопрос, конечно, интересный. Всё же думаю, что мне лучше будет промолчать. Хотя бы потому, что мой ответ разрушит наш союз в самом начале.

Эссиорх колебался. Костер, наконец, справился с тем мусором, что подбросил в него Корнелий. Огонь вновь заплясал, поднимаясь. Синеватый от недостатка кислорода, но всё же живой.

– Ну хорошо! Попытаться можно, – сказал Эссиорх, заранее сомневаясь, что не пожалеет.

Он старался быть осторожным с обещаниями. Как хранитель Прозрачных Сфер,

Эссиорх не мог нарушить никакого своего слова, а потому лишний раз предпочитал не давать непреложных клятв. Ложь не всегда сразу становится ложью. В трети случаев ложь – это просроченная правда. Или невольно искаженная правда. Или правда, изменившаяся вместе с обстоятельствами. Проблема в том, что самая маленькая примесь сразу делает правду ложью, и мраку это прекрасно известно.

Корнелий с Варварой уже возвращались, а Арей задержался у костра. Эссиорх увидел, как его широкая в запястье рука с усилием протиснулась сквозь тесный ворот рубахи. Затрещала ткань. Пошарив, Арей достал висевший на цепочке медальон, щелкнул крышкой и долго разглядывал что-то, присев у огня.

Глава 11 Ошейник

– Не связывайся с ним! Сегодня ему безразлично во что верить, а завтра будет всё равно во что не верить. Духовные вирусы гораздо опаснее гриппа.

Беседы златокрылых

– Он очень бережливый. Он даже жирные полиэтиленовые пакеты стирает, – слышала Ирка свой голос, всплывший из полного забвения. Кажется, она жаловалась на Антигона.

Она ожидала, что Багров посмеется вместе с ней, но тот на полном серьезе спросил:

– С мылом или без?

Ирке захотелось услышать, что же она тогда ответила, но вновь всё смешалось. Глотнув воздуха, дельфин памяти надолго скрылся под водой, уйдя туда, где были лишь бесконечные ощущения, но не было мысли.

Сознание волчицы работает просто. Этот надежный душевный механизм не знает сбоев, как не знает и напрасных человеческих метаний, больше похожих на бег на одном месте. Когда волчица голодна – она охотится. Когда сыта – спит или просто лежит. Когда больно – скулит или зализывает рану. Когда плохо, холодно и тоскливо, так, что нет сил терпеть – воет на луну.

Сбежав от валькирий, белая волчица не стала попусту метаться по городу. Для этого она была слишком осторожна. Несколько часов она отлеживалась под старым колесным прицепом, который когда-то был передвижным магазинчиком. Со временем прицеп лишился колес и хозяев и бездумно догнивал на пустыре.

Когда стало совсем тихо и Москва увязла в ночи, волчица выбралась из-под прицепа и неторопливо, чуть боком, настороженно обернув морду к дороге, побежала туда, куда вело ее неясное внутреннее чувство. Хвост она держала поджатым, что выражало у нее не столько угнетенность, сколько нежелание шутить с окружающим миром.

Когда она перебежала шоссе, из пустоты ей навстречу метнулось непонятное громохочущее существо. Ослепило суетливыми лучами, завизжало и застыло, окутавшись запахом жженой резины. Почти сразу откуда-то вылетели еще несколько подобных и тоже завизжали, точно перепуганные ишаки.

Возможно, правильнее было вернуться, но волчица предпочла лететь вперед. Перескочила светящуюся полосу и снова вынуждена была спасаться, теперь уже от другого стада, несущегося на нее с противоположной стороны.

Поджимая хвост и скаля зубы, она пересекла шоссе, нырнула за киоски и затерялась между домами, держась подальше от фонарей. Про странных животных белая волчица подумала, что они, должно быть, из жвачных. Только жвачные могут быть так бестолковы и только они сбиваются вместе в таком количестве. Она же неосторожно оказалась у напуганного стада на пути. Что ж, в другой раз будет осторожнее.

За киосками у рынка волчица отлеживалась минут десять. Здесь она нашла огромную

старую кость, больше похожую на палицу, понюхала ее, но грызть не стала. Чувство голода было ещё слабым, кость же выглядела не слишком аппетитно.

Снаружи у киосков на секунду остановились четыре ноги. Две в белых брюках и блестящих коричневых ботинках – очень солидные, уважающие себя, явно автомобильные ноги. И две веселые и самые несерьезные, в кроссовках и джинсах с высохшими сзади каплями грязи.

– Зачем спрашиваешь? Знаешь, а спрашиваешь! Только дурной человек так: знает, а спрашивает! – сказал голос, явно имеющий отношение к солидным ногам.

Несерьезные ноги привстали на носки, сделали пятками ускользящее движение и умчались куда-то, догоняемые солидными ногами.

Волчица, услышавшая эту фразу, никак к ней не отнеслась, но всё же пропустила набор звуков в память. Здесь их жадно схватила Ирка, чье сознание медленно шевельнулось в глубинах. Ей даже вспомнилось утверждение Фулоны: «Случайных слов не бывает. Что угодно бывает случайным, но не слова! Все услышанные слова, заставившие тебя вздрогнуть, твои. Сразу верить им не стоит, но стоит задуматься и присмотреться».

Волчица поднялась, встряхнулась и побежала дальше. Городом она была не то чтобы недовольна, но ощущала его как нечто бессмысленное и вне системы своих ценностей. Они существовали в разных мирах и никогда не могли пересечься, как бабочка и глубоководный моллюск.

В районе улицы Яблочкова за ней увязалась свора шавок. Шавки были разнокалиберны и гавкучи. Самая крупная могла бы быть овчаркой, но раздумала. Самая мелкая могла бы стать шакалом, но опять же не решилась. Близко шавки не совались и бой не принимали, зато звуков производили много. Нельзя сказать, что волчица их испугалась, но все же они порядком нервировали. За одной, самой наглой, визгливой до завала в истерику, она даже погналась, но та очень ловко забилась в щель между гаражами, куда волчица смогла просунуть только морду. Отделаться от своры удалось только ближе к ВВЦ.

Следующее шоссе волчица пересекла уже под эстакадой, дождавшись, пока очередное стадо бестолковых жвачных остановится на выпас под светофором. Правда, ее смущало, что шоссе залито ярким электрическим светом. Она пару раз щелкнула зубами, подбадривая себя, прежде чем решилась выскочить из тени. Шоссе она перебегала не то чтобы со страхом, но с внутренним замиранием, которое вновь позволило выглянуть валькирии-одиночке.

Ирка кратковременно осознала себя в недрах волчицы. Ее опутывала паутина пугающих животных желаний. Ей хотелось выкусывать блох из задней левой ляжки и раздирать зубами теплую шкурку зайца. Все это было так кошмарно, что она буйно запротестовала.

«Мне страшно! Я не хочу всего этого, понимаешь?!»

«Жалей себя побольше! Я уже заранее хнычу!» – услышала валькирия далекий и строгий голос Бабани, относящийся к временам, когда Ирка, срываясь с поручней, сама не могла заползти в коляску, а принимать помощь не желала.

«Но мне больно, понимаешь? Мне плохо и тяжело!»

«Я-то понимаю, но ты не должна понимать! От жалости к себе рождается ропот! Стоит один раз себя пожалеть и всё – ты летишь под откос, и снова должен собирать себя по кусочкам! За всякую боль надо благодарить, и тогда боли станет неловко и она уйдет. Или, если она не ушла, это нужная и полезная тебе боль!»

«Мне страшно, Бабаня!»

«Я заметила, что всякие страхи имеют срок годности и даются на время. И что потом они всегда делаются смешны. Маленькой ты до жути, до крика, боялась жуков. Самый маленький жучок на одеяле, и мне полночи приходилось тебя успокаивать. Потом боялась, что в окно влезут воры, когда я буду на работе. Чуть ли не с ножом в руке сидела. И тоже это продолжалось где-то полгода. Потом боялась одна спуститься со ступеньки подъезда, а попросить было стыдно, и ты делала вид, что тебе никуда не надо. И всякий

раз ты через какое-то время перерастала свой страх, и он оказывался ерундой. А раз так, то чего бояться-то?»

Эти слова, прозвучавшие из глубин памяти, успокоили Ирку. Не потому ли она стала валькирией, что когда-то терпела боль и училась собирать волю в кулак? Лишь терпение рождает силу. Лишь в сражении с собой крепнет плоть и дух. Состояние же сытости и самодовольства ничего не несет, кроме расслабления и смерти. Человек как луковица. Состоит из такого невероятного количества слоев лжи самому себе, что под каждой кожей оказывается еще одна. И всё равно надо помнить, что всё это шелуха. Опять же лжи кому-то не бывает. Это иллюзия, что кого-то можно обмануть. Солгать в конечном счете можно только самому себе. И пнуть только самого себя.

– Я страдаю потому, что расслабилась, одрябла от хорошей жизни и сделалась недостойной быть валькирией! – подумала Ирка. *– Но ведь когда война начинается – а война уже идет! – призывают не только сильных и крепких. Призывают и юношей, и стариков, и больных. Так и меня призвали. Пусть я очищусь, как старое колесо, с которого в пути стирается ржавчина!*

Белая волчица сама не знала, что привело ее в Сокольники к вагончику. Свесившийся сверху канат покачивался от ветра. В «Приюте валькирий» горел свет, полоской пробивавшийся из-за зашторенных окон. Потрескивала печка. Железная труба буржуйки курилась тем бесцветным дымком, который бывает у разгоревшейся, толково растопленной печи.

Волчице внезапно захотелось наверх. Она подпрыгнула, попыталась вцепиться в канат зубами, но тот выскользнул. Смущенная странным своим поступком, волчица отбежала шагов на тридцать, улеглась в кустах и, положив морду на лапы, стала смотреть на вагончик. Люк в нижней части его открылся и выглянула круглая голова с бакенбардами, как у художника Айвазовского.

Голова покрутилась, высматривая что-то, и исчезла. Наверное, чуткий Антигон услышал, как волчица тянула зубами канат и выглянул посмотреть, что это был за звук.

Волчица закрыла глаза. Так она пролежала около часа, не то во сне, не то в полудреме, изредка огрызаясь на кого-то невидимого и подтягивая кверху края губ. Часа за два до рассвета что-то заставило волчицу вскочить. Покружившись на месте, она выбрала направление на юго-запад и побежала небыстрой, но решительной трусцой, даже не взглянув на вагончик. Нечто неясное вело ее. Она не замечала ни псов, ни машин, да и те, точно чувствуя, что ей не до них, почти не попадались на пути.

Часа через полтора, когда небо посерело и звезды, притушив, поставили на подзарядку, внезапно заиграли ранние краски земли. Вспыхнули и зажглись все оттенки белого, серого, бежевого, которые только были в мире. Затрубили водосточные трубы. Вспыхнули головки одуванчиков. На темной земле стали проступать отдельные, прежде незаметные и совсем незначительные детали. Затоптанная мелкая монета, окурок, пробка от бутылки, торчащий из асфальта пучок травы с завитком невзрачного цветка. Озарились пятнами незримого пока солнца верхние окна домов. Одновременно, будто кто-то включил вначале изображение, а затем и звук, стали покрикивать и посвистывать мелкие птички, о которых дневной, оглушенный шумом человек и не догадается никогда, что они существуют в Москве.

Волчица не склонна была любоваться всем этим. Не столько потому, что была практична, сколько потому, что была естественна. Она и собой никогда не любовалась. Как только ты осознаешь красоту, не стороннюю, а свою собственную как красоту, ты существуешь уже отдельно от красоты и теряешь ее. Естественная красота всегда не замечается теми, кто является ее носителем. Махаон не задумывается, что он прекрасен, а белка, что она легка или ловка. Начни белка удивляться, как уникально она планирует хвостом при прыжке, она сорвалась бы с вершины сосны, а махаон оказался бы в клюве у птицы, и его крыльями играл бы ветер.

Солнце едва показалось из-за домов и, постепенно набирая яркость, поднималось на небо по канату, за который где-то в мудрой незримости тянули десять миллионов кентавров,

а белая волчица достигла уже станции метро «Баррикадная». Баррикад там она не обнаружила, зато заметила, что одна из дверей станции открыта и около нее курит уставший молодой милиционер.

В другое время волчица не стала бы показываться человеку на глаза, однако сейчас ведущая ее сила была неумолима. Она не просто мягко настаивала, она требовала, чтобы волчица непременно оказалась там.

Волчица рванулась, промчалась совсем рядом, не жалея морды, толкнула дверь и скрылась быстрее, чем человек осознал, что именно он видел. Когда, неуверенно царапая ногтями кобуру, милиционер вбежал внутрь, стрелять можно было только по турникетам. Этого он делать не стал, поскольку вообще не был уверен, что видел что-то реально существующее, а не просто белый призрак.

Волчица промчалась по неработающему эскалатору, решительно спрыгнула на пути и скрылась в тоннеле. Вскоре она отыскала слева щель под сплошными кабелями, протиснулась в нее и побежала по узкому, нескоро расширившемуся проходу. Трижды проход разветвлялся. В основном разветвления были двойными, и лишь последнее сложным и нагроможденным.

Волчица остановилась. Она запуталась и пребывала в замешательстве. Под землей глаза отказывались служить, и она могла надеяться только на слух и нюх. В сумраке отчетливо слышались шорохи. Неподалеку кто-то скребся, пыхтел, царапал когтями бетон. Волчица решила, что это крысы, но услышала нытье, взвизги и всхлипы. Всхлипы сменились яростным воплем, проклятиями. Кто-то сцепился, покатился, шипя и взвизгивая.

Волчица негромко зарычала и, наконец определившись, отправилась в тот же проход, откуда доносились звуки борьбы. Когда она приблизилась, все уже завершилось. Волчица с омерзением обнюхала дурно пахнущие тряпки и клочья мяса. Это были остатки хмыря, сожранного своими же.

Миновав их, волчица прошла еще метров четыреста. Остановилась, вернулась и стала разрывать передними лапами кучу, в которой встречалось много осенней листвы, обротившейся в кашу. Всё это было принесено сверху талыми водами.

Вскоре волчица добралась до бетонной трубы. Труба была достаточно широкой, чтобы в нее протиснуться, что волчица и сделала, после чего быстро поползла вниз. Труба становилась все круче. Вскоре волчица скользила по той слизи, что выстилала спуск изнутри. Если бы она застряла, наткнувшись, скажем, на забившую трубу грязевую пробку, то никогда не выбралась бы наружу. Человека бы это испугало, однако волчицу совсем не тревожило. Как для зверя, предположительного для нее не существовало, а существовало лишь действительное. К тому же сила, приведшая ее сюда, знала, должно быть, что она не застрянет.

Наконец труба закончилась. Волчица скорее свалилась, чем спрыгнула в закругленный тоннель и тотчас ощутила поблизости присутствие чего-то чужеродного, враждебного. Нечто метнулось на нее из мрака. Волчица угадала, а не увидела пухлое маленькое туловище, лишенное головы, жирное, как у статуэток восточных божков, с короткими ногами и цепкими руками.

Она прижалась к полу тоннеля, отступила чуть назад и встретила врага грудью. Ударил лапой, сшибла, толкнула мордой, с торжеством сомкнула зубы и внезапно осознала, что недруг, надежно захваченный и, казалось, уничтоженный, куда-то исчез.

Волчица заскулила. Тем временем странное безголовое существо гибко, точно змея, обвило ей морду, прижало ухо. Окольцевав волчице шею, оно вытянулось, обхватило длинными руками короткие ноги и превратилось в ошейник, мгновенно скрывшийся в густой волчьей шерсти.

Сколько волчица не металась по тоннелю и не выла, ошейник ее не отпускал. Максимум, что удалось, это просунуть под него лапу. Но и тут она едва не удушила себя, пытаясь его сорвать. Назойливые шорохи заставили ее прислушаться. В темноте зажглись глаза. Вначале одна пара, затем поодаль еще одна. С разных сторон к волчице, переваливаясь

и утробно булькая, сходились хмыри...

* * *

Мошкин, зная, что светлые стражи всегда держат свои обещания, готовился к свиданию долго и мучительно. Помыл и перемыл голову. Долго ходил, смотрелся в зеркало, порывался чистить обувь и бросал.

«Я не пойду! Нет, пойду! Ну хорошо, пойду! А поймет ли она меня?» – терзался он.

Так случалось и прежде, на Большой Дмитровке, когда Мошкин ночами и бледной тенью бродил по сырым коридорам резиденции мрака. В его больших глазах светилась фанатичная жажда общения. Почти физически ощущая собственное одиночество и огромную пропасть, отделяющую его от человечества, Евгеша мечтал найти родственную душу.

Вот только в ком ее найдешь? Меф был приветлив, но жил своей жизнью. Чимоданов вечно что-то взрывал или комбинировал. Ната ходила на мягких лапках как лиса и цепко улыбалась, но глаза ее оставались холодными. Улита то кипела как чайник, то колотила комиссионеров, то уносилась на свидание.

Толком не зная, как обзаводятся друзьями, Евгеша пытался симулировать чувства. Выходило это плохо и неумело. Он бросался обнимать случайно отловленного знакомого, чье имя едва помнил. Долго тряс руку приятелю, уж и не знавшему, как от него отделаться. Говорил много неуклюжих комплиментов несимпатичной и глупой девице, которая приходила к выводу, что над ней откровенно издеваются. Евгеша же не издевался. Просто по неопытности пересаливал и казался окружающим неискренним и лживым.

Отдельным мучением для Мошкина всегда было здороваться. Он даже составлял себе таблички с последовательностью действий. Именно в эту короткую секунду нужно вложить в голос максимально (но одновременно не слишком много) приветливости. Надо улыбнуться, изобразить интерес, естественный, но опять же не навязчивый. Как же это безумно сложно, даже невозможно угадать с пропорцией!

И потому нередко, едва он видел вдали знакомого, лицо его начинало перекашиваться и трястись чуть ли не до судорог. И вместе с Евгешей тряслись и те его приятели, которым не посчастливилось вовремя забиться в какую-нибудь щель.

Как следствие бедный Мошкин окончательно разочаровался в себе и в человечестве. Принимая решения, он всегда делал запас на подлость и неблагодарность. Не доверял никому: ни ближним, ни дальним. В результате и решения выбирал такие, какие обеспечили бы ему победу даже в случае, если бы треть союзников предпочла отсидеться в кустах, а ещё треть перебежала бы на сторону врага. Учитывая же, что таких решений в природе не существует, он двадцать часов в сутки ощущал себя одиноким, несчастным и обиженным. Возможно, именно поэтому и ухитрился, будучи по сути своей неплохим, попасть в плен мраку.

Как-то он пожаловался Дафне. Та жалеть его не стала и заявила, что он сам во всем виноват.

– Я виноват, да? – усомнился Мошкин.

– А кто ещё? Будь с людьми прост и доброжелателен. Не заискивай, но и не пытайся разорвать всех на части. Оставайся сам собой! Не надо притворяться радостнее, чем ты есть в настоящий момент. И рассказывать анекдоты, когда у тебя в спине торчит нож, тебя никто не заставляет. У людей нюх на любую ложь и неискренность, даже самую маленькую. Только они не всегда понимают, что это неискренность, и говорят обычно «напряг», не вдаваясь в причины, почему он возник. И вообще старайся не думать: почему на меня не так посмотрели, почему забыли поздороваться или сказали что-то так, а не иначе. Если будешь об этом часто размышлять, мрак тебя запутает. Охраняй свое внутреннее пространство, если хочешь, но спокойно охраняй, без связок гранат. Хотя, наверное, это уже к Чимоданову больше относится.

– К нему, да? – переспросил Мошкин и, пообещав себе помнить слова Даф всю жизнь, забыл их через полтора часа.

Сейчас же перед свиданием у Евгеша разом проснулись все старые его комплексы.

Опасаясь опоздать, Мошкин прибыл на «Красные Ворота» за сорок минут до семи и долго стоял в центре зала, всеми толкаемый. Только минут через десять он сообразил, что центр зала вовсе не означает геометрический центр, находящийся на пересечении двух соединяющих углы прямых, а может трактоваться более или менее вольно.

Мошкин отодвинулся с прохода, но и тут его продолжали толкать. Можно было подумать, что он, Евгеша, является главным препятствием города Москвы, о которое должен споткнуться каждый ее житель.

Под конец Евгеша тихо рассвирепел и начал робко огрызаться. А тут еще его толкнули в плечо три раза подряд, с каждым разом все настойчивее. Мошкин оглянулся, придав своему лицу не столько злобное, сколько злобненькое выражение. Тотчас он охнул и запоздало подобрел. Перед ним стояла *та самая девушка*.

– Чего ты такой? – удивленно спросила она.

– Какой?

– Ну такой!

Мошкин устыдился, кратковременно утратил дар речи и на вопрос: «Куда мы пойдем?» ткнул пальцем в потолок. Это могло означать многое, но в данном подземном варианте означало «на поверхность».

Имя у девушки было хорошее, но немного напрягавшее Мошкина – Эльвира. Он предпочел бы что-нибудь более простое. С другой стороны, поднимать прямо сейчас вопрос о смене имени, а заодно, чтобы дважды не заморачиваться, и фамилии было преждевременно.

Они поднялись в город, попетляли и скоро оказались у Чистых прудов. Мошкин шел и страдал, не зная, о чем разговаривают с девушками. Девушки представлялись ему чем-то особенным, а значит, и беседовать с ними надо о чем-то значительном. Как на зло ничего фундаментального в голову Мошкину не приходило.

Эльвира вначале говорила сама, забрасывая пробные мячики то в спортивный огород, то в кинематографическое болото. Но, увы, тут было всё глухо. Фильмов Мошкин не смотрел. Футболом не интересовался.

– Кстати, это твои плечи или ты их подкладываешь? – спросила девушка. А то какие-то очень широкие!

Мошкин осторожно потрогал свое плечо. Плечо было как будто его, но всё равно он на всякий случай усомнился и сказал, что подкладывает.

Эльвира кивнула. Она так и думала.

– А по телефону ты другой был. Я другим тебя представляла, – сказала она.

– А какой я был?

– Ну раскованный такой, даже болтливый. Сказал, что собираешь детские погремушки. Я даже погремушку тебе хотела купить, но подумала, что у тебя, наверное, такая уже есть.

– Я? А, ну да! – торопливо сказал Мошкин, испытывая сильное желание пристукнуть Корнелия.

Эльвира засмеялась.

– Так ты шутил, что ли? Я долго не могла понять: ты так серьезно об этом рассуждал!

Евгеша немного раскрепостился и, набравшись храбрости, стал рассказывать о работе с шестом против меча. Тема ему самому казалась интересной. Он так увлекся, что минут десять вообще не смотрел на собеседницу. Когда же взглянул, заметил, что она давно потеряла нить рассуждения и скучает.

Мошкин ощутил, как интерес Эльвиры к нему истаивает. Дважды она с недоумением покосилась на него. Где-то из глубины зрачков всплывал зевок, который вот-вот должен был материализоваться. Похоже, она жалела уже, что потащилась на свидание.

«Интеллектуальный перегруз!» – осознал Мошкин.

С некоторым усилием Евгеша выдавил несколько фраз о музыке, в которой понимал не больше, чем консерваторская виолончелистка в теории метания боевого молота в редкую цепь врага. Вспомнив рассуждение Улиты, что одно прикосновение стоит десяти слов, он надвинул ей на глаза бейсболку и сделал вид, что хочет столкнуть в пруд. При этом, будучи человеком тренированным, перестарался и действительно едва не катапультировал Эльвиру в пруд, подхватив только в последний момент.

Эльвира закричала, замахала на Мошкина руками. Зевок из глазок исчез. Мир снова стал для нее понятен. Разлившаяся река жизни вошла в привычное русло.

Неожиданно у девушки зазвонил мобильник. Она ответила. Поняв по терпеливой, чуть ноющей интонации, что разговаривают с мамой, Мошкин деликатно отошел шагов на десять и стал смотреть на пруд. Разговор затягивался. Судя по всему, мама Эльвиры относилась к тому опекающему типу женщин, которые хотят знать, не только где сейчас находятся их дети, но и какую шоколадку они съели, и какое солнышко на небе, и сразу ли подошла маршrutка.

В идеале, конечно, было бы изобрести для них веб-камеру, которая подключалась бы к глазам ребенка и транслировала бы маме на экран всё, что он видит или делает. Такие мамы не ведают усталости. Даже в сорок лет их взрослые дети получают столько же опеки, сколько получали ее в старшей группе детского сада. Затравленные и нервные, бродят они по свету, вздрагивая всякий раз, как начинает звонить телефон.

«Да, мама... Две котлеты. Нет, они были не жирные!.. Что я делаю? Иду с клиентом на склад! Нет, ты его не знаешь! Иван Петрович Федичкин, очень хороший человек из города Норильска... Да, я в шапке!» – говорят они, нарочито срывая ее и в виде немого вызова обманутой маме подставляя дождю свою вытертую лысину.

Тут идет обычное замещение мрака, когда нечто изначально хорошее начинает искажаться и использоваться во вред. Атомный реактор дает столько энергии, что ее хватит на целый город. Если всю его энергию направить на одну лампочку, она не перегорит даже – испарится. Будь у такой гиперзаботливой мамы девять детей и тридцать внуков, каждому бы досталось ровно столько внимания, сколько нужно, и атомный реактор был бы счастлив. Вот только почему-то у таких мам детей бывает всегда по одному... И снова звонит телефон.

Разговор всё тянулся и тянулся. Эльвира отвечала маме односложно, и чем односложнее она отвечала, тем больше мама убеждалась, что от нее скрывают нечто глобальное и начинала уже раскопки.

Мошкин бросал в воду камешки и созерцал утопшее солнце, лежащее у самого берега на дне. В пруду плавали три лебедя, четыре утки и столько размоченного хлеба, что туда хотелось пустить еще и свинью.

Неожиданно его внимание привлек странный шум. Что-то происходило на противоположном берегу. Кто-то выскакивал из кустов с истошными воплями, кто-то вновь туда кидался. Евгеше даже показалось, что он увидел, как пролетела по дуге запущенная урна. Это было знакомо. Как только бой принимает серьезный оборот, люди склонны забывать о руко – и ногомахательстве и вспоминать об урнах, бордюрных камнях и досках от парковых скамеек.

В первую секунду Мошкин решил, что там драка, но после отмел это предположение как несостоятельное. Массовая драка обычно имеет более размытые и постоянно меняющиеся границы. Кто-то бежит, кто-то догоняет. Толпа распадается на отдельные группы, запинывающие упавших, и уж во всяком случае всё это не может происходить на тесном пятачке, ограниченном несколькими куцыми кустами.

Мужское любопытство дернуло его подбежать посмотреть. Если случай будет туманный, Евгеша пообещал себе не вмешиваться. Опыт подсказывал, что коль скоро ты влезаешь в чужую драку, она перестает быть чужой. Когда же дерутся несколько человек, не всегда можно разобрать, кого и от кого защищать и не лучше ли защитить самого себя.

Когда Мошкин подбежал, схватка была в самом разгаре. В кустах он увидел белую волчицу. Накинув на нее сеть, с ней боролись четыре комиссионера и три болотных хмыря.

Рядом толкались еще двое суккубов, но их участие в битве ограничивалось истошными воплями.

Волчица была вся в грязи. Выглядела она так, будто ее долго тащили по подземным тоннелям и только здесь, на поверхности, ей удалось перегрызть сеть.

Волчица дралась, как дерется зверь, которому уже нечего терять. Хмырю она отхватила руку до локтя. Продолжая извиваться, откушенная рука обратилась в змею, которая, разматывая желтоватые, похожие на раздавленную креветку внутренности, с шипением метнулась в пруд. Второй хмырь в ужасе отпустил сеть, и один край ее провис. Воспользовавшись этим, волчица повернула морду и моментально оставила без пальцев замешкавшегося комиссионера. Самого укуса Мошкин почти и не видел. Волчица лишь мимоходом клацнула зубами, точно собака, отгоняющая мух.

Тотчас, будто из воздуха, соткалось еще трое комиссионеров. Среди них обнаружился и Тухломон. Мошкина он не то чтобы не узнал, но изобразил головкой очень сложное, витиеватое и уклончивое движение, какое делают люди, когда встречаются в коридоре старого начальника, в то время как сами идут под ручку с новым.

Евгешу вновь начала раздражать на части его двойственность. Одна половина натуры напоминала, что он все еще служащий мрака. Другая же призывала помочь волчице. В результате, как человек, который хочет сделать слишком многое, он не сделал вообще ничего. Правда, был момент, когда он сделал шаг, но барахтавшаяся в сети волчица, восприняв его как нового врага, щелкнула зубами. Воспользовавшись тем, что волчица отвлеклась на Мошкина, комиссионеры накинута вторую сеть поверх обрывков первой. Волчица рванулась, запуталась и упала. Комиссионеры и хмыри подхватили сеть за края и быстро поволокли по траве. Сзади, спотыкаясь, ломко бежали суккубы.

Мошкин метнулся следом, однако, докатившись до ограды, отделявшей бульвар от проезжей части, вся пестрая компания сгинула вместе с волчицей. На бульваре остался один Тухломон.

Он подошел к Евгеше, нежно посмотрел на него и что-то снял с майки двумя пальчиками.

– Ай-ай! У тебя на плечике волосок-с! Женский-с! – сказал он, улыбнулся и быстро зашагал мимо пруда, изредка оглядываясь на лебедей и загадочно призывая их: – Ути-ути!

Мошкин стоял, тупо глядя на зеленоватую воду. Когда дело касалось чего-то действительно важного, соображал он медленно, но неуклонно. Запоздалая память собирала осколки важных деталей. Складывая их, Мошкин получал нечто тревожащее.

К нему подбежала удивленная Эльвира, только что закончившая отчитываться перед мамой.

– Куда ты делся? Чего тут такое было? – спросила она с любопытством.

Мошкин повернулся к ней, начал быстро что-то говорить, но вдруг махнул рукой и, неразборчиво крикнув, что объяснит все после, умчался куда-то.

Глава 12

Ночное такси

Зло роковое, могучее, зубастое, сильное, глодающее плоть и души, встречается на земле редко. Гораздо чаще попадает зло болезненное, вялое, серое, будничное, недовольное, оплывшее, сонное, равнодушное, несчастное, уставшее от самого себя. И это второе зло хуже и заразнее первого в сотни раз, ибо первое, истинное, заставило бы бежать от него сломя голову.

Ирка. Из дневника.

– Приехали! – таксист потряс Мефа за плечо.

Буслаев открыл глаза, увидел справа неподвижный строй фонарей и понял, что уже доехал. Вот только куда и зачем? В такие минуты любая последовательная логика всегда

дремлет.

Он сунул руку в карман за бумажником, но рука свободно провалилась в матерчатую пустоту. Бумажник исчез. Не оказалось его и в других карманах.

Меф вспомнил, что Ромасюсик, сажая его в такси, долго хлопал его по спине, обнимал и, всхлипывая от нахлынувших чувств, говорил, как он счастлив был познакомиться. Меф едва оторвал его от себя.

«Его шуточки! Убью, когда попадется!» – подумал Буслаев.

Таксист – костистый молодой парень с рытвинами сошедших прыщей на щеках – ждал, без сочувствия наблюдая за тем, как рука пассажира мечется по карманам.

– Бумажник стащили, – объяснил Меф таксисту.

Тот, испытующе посмотрев на него, потянулся куда-то рукой, но, не дотянувшись, длинно выругался и сказал: «Вылазь!» Буслаев вылез. Такси умчалось. Уехало оно как-то совсем буднично и презрительно, даже без визга покрышек и бензинового облака.

Меф осознал, что стоит в центре, на неизвестной ему улице. Когда он называл ее водителю, то помнил название. Теперь же, когда проснулся, оно странным образом изгладилось. Зачем он вообще сюда приехал? Что тут забыл? Он сделал шагов тридцать вперед, перешел дорогу, постоял, рассеянно глядя на дома. Снова перешел улицу. Вернулся к тому месту, где высадил его водитель, и остановился у синей новой вывески.

«Большая Дмитровка», – прочитал Меф без малейшего внутреннего волнения.

Он остановился у строительных барьеров, сдвинутых на тротуар, но не разобранных и не вывезенных. На одном из них болтался дорожный знак, запрещающий движение. Похоже, недавно где-то поблизости шли строительные работы. На дороге явственно наблюдалась заплатка свежего асфальта, заходившая и на тротуар.

Меф сделал еще шагов двадцать. Оглянувшись, будто кто-то шел следом. Никого не увидел. Вернулся. Что-то тревожило его, но он никак не мог понять что. Дома стояли перед ним расхлябанным солдатским строем. Так стоят старослужащие перед мелким начальством. Один чуть выдвигался вперед, другой западал, третий пузатился декоративным балкончиком.

Он ощутил, что что-то здесь не так. В строе домов ощущались натяжка и надувательство. Буслаева это тревожило. Он никак не мог разобраться, в чем дело. Потом все же понял. Один из домов, расположенный прямо напротив нового шлепка асфальта, существовал только в виде громадной брезентовой заплатки, на которой и был нарисован с геометрической точностью.

Буслаев приблизился с краю, где фикция дома была особенно очевидной и, отогнув брезент, заглянул. Перед ним лежала темная, примерно метров трех в глубину, яма, окруженная с трех сторон глухими кирпичными стенами. Меф долго стоял, с недоумением разглядывая дыру на месте некогда существовавшего дома. В ней было что-то неправильное, сосуще-унылое, точно разбираешь вещи умершего человека.

Он еще раз оглянулся и, обнаружив, что его никто не видит, скользнул за брезент. За ним было еще темнее, чем снаружи. Ночь царствовала здесь без каких-либо ограничений. Свет фонарей сглатывался плотным брезентом, и только звезды рассеянно заглядывали в яму, омывая ее неровное, с укусами экскаваторного ковша дно.

Меф сел и, свесив ноги в яму, напряженно и болезненно задумался. Он ощущал себя совершенно разбитым, но не физически, а душевно. Точно его сердце засунули в мясорубку, перекутили, наспех склеили, вновь вставили в грудь и требовательно приказали: «Стучи!»

При всей болезненности ощущение было приятным. Раньше Меф вообще не подозревал, что у него есть сердце. Не как мышечный орган, который, сжимаясь и разжимаясь, гоняет кровь, а как нечто большее. Как древний кочевник спокойно жил, не догадываясь о существовании у него селезенки или щитовидной железы, так и Меф никогда не подозревал, что главные решения в жизни принимаются всё же сердцем, разум же выступает, скорее, как занудный, кислый и сомневающийся ворчун.

Просидев на краю ямы минут десять, Буслаев хотел встать, как вдруг что-то без

жалости врезалось ему в лопатку. Уже падая, Меф сообразил, что его пнули сапогом. Пролетев метра три, он упал на руки и на живот. Ударился, но сразу вскочил и вскинул голову. Звезды слепили его. Толком было ничего не разглядеть, но всё же Меф понял, что яма со всех сторон окружена темными фигурами. Он отчетливо видел их силуэты.

Сгоряча Меф попытался вылезти из ямы, но зацепиться было не за что и, сорвавшись раза три, он осознал, что это бесполезно. Слишком ровные, вычищенные экскаватором края. Одна из темных фигур – маленькая, кособокая – сдвинулась с места и, наклонившись, закрыла спиной часть ковша Большой Медведицы.

– Буслаев! Надеюсь, ты ничего себе не сломал? – услышал он неприятный, скребущийся, какой-то востроносенький голосок.

Вместо ответа Меф с силой метнул снизу ком, целя фигуре в лоб. Промазал. Ударившись о край ямы, ком разлетелся и запорошил Буслаеву глаза осыпавшейся глиной.

– Он ничего себе не сломал! Это хорошо! Можем начинать! – приказал кособокий, обращаясь к кому-то.

Что-то блеснуло в звездном свете. К ногам Мефа упал большой охотничий нож. Он поднял его. Многослойная синеватая сталь. Ручка была вырезана в форме греческой богини Артемиды.

Кособокая фигура подала кому-то знак. В следующую секунду в яму столкнули белую волчицу. Волчица была взбешена. Низ морды мокрый, на губах клочья пены. Упала волчица ловко, не столько свалившись, сколько соскользнув по стене. Метнулась к одной стене, к другой. Заметила человека. Оскалилась. Отпрянула.

– Убей ее! – приказали Буслаеву.

Меф крикнул, что никого убивать не станет. Его не уговаривали.

– Не убьешь – она убьет тебя! – сказал все тот же голос.

Буслаев шагнул назад, жалея, что не успевает сорвать с себя куртку и обмотать ее вокруг кисти. Левую руку он выставил вперед, жертвуя ею, чтобы, если волчица прыгнет, принять на нее укус. Нож прижал к бедру, готовый вонзить его в горло волчице ударом снизу вверх.

* * *

Даф проснулась с острым ощущением, что Меф в беде. Тревога укусила ее и отпрянула, точно испугавшаяся своей дерзости змея. Дафна толчком села и застыла, собирая мысли в некое подобие порядка. Мыслей было много, но все ночные, суетливые, опутанные паутиной навешанных человеческим миром предчувствий и полутонов.

Минуту или две Дафна раскачивалась на кровати, свесив ноги и глядя на висевшую на стене рамку. На снимке они с Мефом сидели вдвоем на детском аттракционе – олене на подставке. Бросаешь жетон – олень начинает трястись.

Олень, старинный до раритетности, стоял в фойе кинотеатра и предназначался для детей до пяти лет. Почти сразу их с воплями согнали, но подозванный Мефом парнишка уже успел щелкнуть их на цифровик.

Даф получилась, как всегда, хорошо – она попросту не могла выйти плохо. Меф же моргнул и потом уже, развлекаясь, пририсовал на закрытых веках зрачки. Получилось, мягко говоря, слабоумно, но Буслаев все равно остался доволен. Даже купил для фотографии рамку.

У ног Дафны послышался попрошайнический звук. Депресняк обнаружил, что хозяйка проснулась, и пришел к ложному выводу, что она проснулась затем, чтобы сделать для него что-нибудь хорошее. Зная, что иначе он не отцепится, Даф открыла холодильник и бросила Депресняку тонкую, поразительной длины сосиску – то ли датскую, то ли немецкую. Кот удивленно мотнул головой, на всякий случай ломая сосиске несуществующий шейный позвонок, после чего сожрал ее целиком и благодарно мяукнул со звуком напильника, которым вздумали поскрести ржавчину.

Внезапно кто-то постучал в стекло. За окном обнаружилась Улита. Она стояла с желтым зонтом и вращала его, разбрызгивая капли дождя. Шагах в трех от ведьмы недовольно бурчала водосточная труба. Похоже, ей надоело, что через нее вечно что-то течет.

Улита была в настроении расслабленном. Чувствовалось, что к Дафне она зашла без особой цели.

– Привет, светлая! Скажи, в Москве когда-нибудь закончатся дожди?

Даф ответила, что не знает, но что вообще-то в Подмоскovie полно лесов и их нужно поливать.

– Нужно... должен... обязан... До чего мне эти слова надоели, ты бы знала! Меня от них воротит! – лениво сказала Улита, ловко вспрыгивая на подоконник.

– А какие слова тебе нравятся? – спросила она.

По реакции Улиты было заметно, что об этом она никогда не задумывалась.

– Ну не знаю. Когда мне говорят, какая я хорошая и как меня любят! – сказала она томно.

– То есть тебе это **должны** говорить?

– Должны, – неосторожно подтвердила Улита.

– Вот видишь. Этого слова все равно избежать не удалось.

– Ну и чихать!.. Разве тебе не лень?

– Лень, – согласилась Даф. – Но это и замечательно! Я всегда радуюсь, когда мне лень что-то делать!

Улита с недоумением оглянулась на нее и вопросительно коснулась пальцем виска. Она не увидела тут ничего хорошего.

– Истинную полезность дела можно определить по степени лени, которую ты при этом испытываешь. Если лень тебя пинает и кусает, значит, ты движешься в правильном направлении. Если же дует в спину и помогает идти, значит, скорее всего ведет не туда, – пояснила Дафна, отгоняя ногой Депресняка.

Сверху, этажа с третьего, просвистела бутылка. Попыталась разбиться о газон, но не сумела и мирно улеглась на травке. Кто-то высунулся в окно и заорал.

– Кажется, бочку катят не только на нас, но и на весь белый свет, – прислушавшись, сказала ведьма.

Дафна потянулась за флейтой, чтобы сыграть успокаивающую маголодию, однако Улита ее опередила. Она вскинула вверх руку и буднично произнесла: «Пуф-пуф-пуф!» Указательный палец бесшумно отплюнул три гильзы. Зазвенело стекло. Наверху перестали орать и залегли.

– Умничка! Намек понял! А в другом месте вам нельзя было поселиться? Такое чувство, что свет специально выбрал эту квартиру, чтобы Мефу было на ком практиковаться в боевых искусствах, – насмешливо сказала Улита.

– Сюда должен был врезаться грузовик. Он это и сделал. Мы с Мефом накануне всю ночь скатывали мусорные баки. И вообще я порой думаю, что этот грузовик случился не просто так. Это общежитие своего рода лакмусовая бумажка на теле Москвы. По нему видно, исправляется человечество хоть немного или нет, – проговорила Даф.

– И как, исправляется? – усомнилась Улита.

– Ну не знаю... По-моему, понемногу. Дети уже кое-какие появляются. Бегают по коридорам, шумят. Не все еще вымерло... И вообще я надеюсь, что рано или поздно человек перестанет жалеть себя и быть тупым потребителем. Будет стараться прожить так, чтобы как можно меньше истратить на себя и как можно больше отдать. Станет ездить на велосипеде, сажать деревья и очищать воду. Шик будет не в том, чтобы много захватить, но в том, чтобы как можно больше подарить. Даже на земном, самом банальном уровне! – произнесла Даф убежденно.

Улита подозрительно принялась.

– Ничего не чувствуешь?

– Нет, а что? – встревожилась Даф.

– Ну как же? Пахнет обществом освобождения комнатных попугайчиков имени Антоши Чехонте, которое вызывает спецназ к каждому заточенному в клетке хомячку! – сказала ведьма ехидно. – Что-то мне во всё это не верится. Отдавать и ограничивать себя вообще не в природе человека. В природе человека хапать. Скорее уж человек найдет себе моральное оправдание пристрелить двести негритянских мальчиков, чтобы они не вдыхали лишний кислород, чем откажется от джипа или лишней комнаты.

Где-то близко загрохотали ступени. Улита высунулась и увидела Мошкина. Телепортировал он неудачно, на крышу, и ему пришлось спускаться по пожарной лестнице.

– Что ты тут делаешь?

– Я с Большой Дмитровки!

Улита отнеслась к новости равнодушно.

– И что ты там видел? Яму с видом на строительный забор?

– В котловане Меф дерется с волчицей!

* * *

Когда Улита и Даф в сопровождении замешкавшегося Мошкина перенесли к котловану, им показалось, что он пуст. Лишь позднее они различили, что волчица и Меф сидят по разным углам ямы. Волчица скулила и подвывала, зализывая распоротое плечо. Мефа бил озноб. Волчий укус на правой ноге сразу над пяткой начинал воспаляться.

Снаружи никого уже не было. Исчез кособокий карлик, а с ним вместе сгинула вся шумная его свита.

– Эй! – бодро окликнула ведьма, склоняясь над ямой. – Простите, что я к вам обращаюсь, но я только что с поезда и в вашем селе никого не знаю. У вас нет программы телевидения за позапрошлый год?

Меф вскинул голову. Снизу был виден только белеющий круг полного лица.

– Разве здесь не библиотека? – продолжала убиваться Улита. – А где библиотека, не знаете? Ну не знайте дальше! Я пошла!

Круглое лицо скрылось. Меф запоздало попытался что-то крикнуть, но голос сорвался. Он был близок к отчаянию, и как у всякого человека в такие минуты чувство юмора у него отсутствовало. Всё-таки что не говори, а юмор сугубо факультативная и даже где-то ненужная игрушка, похожая на пластырь, который наклеивают на рану, чтобы сделать вид, что ее нет. Во все действительно важные моменты жизни шутить совершенно не хочется.

Секунду спустя в яму, повиснув на руках, ловко спрыгнул Мошкин и помог спуститься Дафне.

– А мне? – сердито крикнула Улита и, не дожидаясь приглашения, обрушилась на него сверху.

Мошкин не успел даже хрюкнуть. Улита подняла его и отряхнула.

– Я, конечно, понимаю, что ловить легких и изящных девочек приятнее, но никто не обещал, что жизнь будет сплошная малина... И вообще в следующий раз, пожалуйста, закажи себе мягкую голову!

Видя, что Дафна кинулась к Мефу, Улита подошла к волчице. Выпачканная в грязи, пахнущая Подземьем, вид та имела жалкий и выглядела измотанной. Увидев ведьму, она зарычала. Присев на корточки, ведьма уставилась на нее. В выпуклых глазах волчицы мелькнуло нечто осмысленное, не звериное.

– О, какие знакомые зверушки! – обрадовалась Улита, всмотревшись. – Если мои глазные протезы меня не обманывают, это что-то на тему девушек с копьём!

– Ты могла бы пять минут помолчать? – сердито крикнула Даф.

Только что она обнаружила, что Меф находится в состоянии шока. Ее хотя и узнает, но плохо и вообще находится в полуобмороке.

– Пять минут по часам или это такой вежливый намек, чтобы я глобально заткнулась и

открывала рот лишь по твоему письменному распоряжению? – уточнила Улита.

Дафна не ответила. Протянув руку, она быстро коснулась лба Мефа и погрузила его в сон. Буслаев закрыл глаза и перестал дрожать.

– Хорошая идея! Не возражаешь, если я ее позаимствую? – одобрила Улита.

Проделав то же самое с волчицей, она осмотрела ее рану. Затем подняла выпавший из руки Мефа нож и задумчиво отметила:

– Такой штукой можно было ранить и глубже. И почему в плечо? С каких это пор Буслаев путает плечо и шею?

– А с каких пор волчица путает ногу и горло? Они просто не хотели причинять друг другу вреда, – сказала Дафна.

Улита погладила спящую волчицу по голове. Затем посмотрела на ладонь и проворчала, что в комплекте к таким головам должны выдаваться стерильные перчатки.

– Ты права. После первой короткой стычки и двух несерьезных ран желание драться у обоих иссякло. Боль помогла им опомниться и разогнала по разным сторонам. Смертоубийства не вышло. Спорю на яму из-под нашей резиденции, Лигул не получил удовольствия, – добавила она.

– А зачем всё это нужно было Лигулу? Заманить Мефа, устроить схватку с валькирией? – спросил Мошкин.

Улита снисходительно похлопала его по щеке и назвала «ути моим пупсиком!» Внятное же объяснение он получил только от Дафны:

– Самое большое удовольствие для мрака сравить свет между собой. Точнее, почти свет, потому что чистый свет, разумеется, не сравливается. Однако, пока в нем есть хотя бы малая примесь мрака, это возможно.

– А почему Лигул их не прикончил, когда они отказались драться? Я видел: тут был Лигул и с ним куча стражей. Даже Прасковья, кажется, мелькнула, только без Ромасюсика. Без Ромасюсика же, да? – забеспокоился Мошкин.

– Тебе виднее.

– Если мне виднее, тогда я не знаю, – сказал Евгеша горько.

– У Мефа цел эйдос. Его трогать нельзя. А валькирия... Какой смысл мраку убивать валькирию, пока она волчица? Копье и шлем всё равно недосыгаемы. Если поразить волчицу, они окажутся у Фулоны, а та найдет новую одиночку. Другое дело, если бы волчицу поразил Меф... Ради такого Лигул смирился бы и с появлением новой одиночки, – предположила Дафна.

Улита поочередно оглядела Мефа и волчицу.

– Давайте распределять, кто кого потащит. Буслаев тяжелее, но от волчицы противнее пахнет. Решено: вы двое тащите, а я показываю дорогу!.. И вообще не понимаю, почему на этот раз мрак так быстро отстал от Мефа? Скинул в яму, полюбовался окровавленной пяткой и сгинул? В доброту Лигула как-то не верится. Значит, из-за эйдоса? Или Прасковья заступилась?

– Испытание не может быть больше готовности! Лигул понял, что Меф всё забыл. А раз так, то и удар, который Лигул ему нанес, не мог быть слишком сильным, – сказала Даф с замиранием.

Порой бывает, что истина собственных слов доходит, когда слова уже прозвучали. Лишь сейчас она в полной мере оценила мудрость Троила, который, лишив Мефа дара и памяти, тем самым уберег его от опасности. Вот что означали его слова: «Порой, спасая корень дерева, приходится подрезать ветви».

Он знал. И, скорее всего, знал не только это. Если бы дело было лишь в схватке с волчицей, свет уберег бы Мефа и иным способом.

– Что ты там говорила про испытание? – не поняла Улита.

– Всё просто. «Испытание не может быть больше готовности» – незыблемый закон. Не мелочь только степень страдания, которую должен понести человек, чтобы стать лучше или, возможно, что-то понять. Когда человек маленький – и враги у него маленькие.

Какой-нибудь роковой шестилетний мачо с соседнего двора, метко бросающийся камнями. Вырастает человек, вырастают и испытания. Но опять же они всегда пропорциональны степени его зрелости и тому, что он способен понести. Для старушки неприятность, что замок спичкой забили, и она не может войти в квартиру. Вот она сидит на ступеньке и плачет. А крупный делец, может, заплачет, если узнает, что его незастрахованный самолет с пьяным пилотом за штурвалом столкнулся в небе с самолетом генсека ООН. Забитым замком его явно не проберешь.

Улита с пониманием кивнула.

– А вообще да. Слона ремнем не накажешь. Если вспомнить мои проблемы трехлетней давности, сегодня их и в лупу не разглядишь. А через пять лет, если доживу, сегодняшние проблемы тоже будут казаться мелочью, хотя сегодня слабо в это верится.

Мошкин с усилием приподнял Мефа и перекинул его через плечо. Длинные волосы Буслаева провисли Евгеше до бедра. Улита остановилась, зачерпнула их ладонью и, прикинув вес, присвистнула.

– Может, сделаем ему аккуратненькую стрижечку, пока он спит? Что-нибудь такое спортивное. Оставим две волосинки спереди, три сзади, а с боков совсем уберем. А то такую тяжесть ребенок таскает! – предложила она и нетерпеливо защелкала невесть откуда взявшимися у нее в руке парикмахерскими ножницами.

Дафна молча отобрала у ведьмы ножницы.

– Ну не хочешь, как хочешь! А то было бы прикольно. Вообрази: Буслаев очнулся – волос нету, только отбитый зуб остался, – мечтательно произнесла Улита.

Скептически понаблюдав, как Дафна пытается поднять волчицу, ведьма посоветовала ей не мучить животное.

– Делать нечего! Давай уж я! – сказала она, отодвигая ее круглым плечом. – Таким рахитам катушку ниток всемером грузить! Таскай уж лучше свою флейту!

Без особого усилия Улита подняла волчицу, покрутила носом и, заявив, что меньше, чем ведром шампуня тут не обойдешься, исчезла вместе с ней.

Глава 13 Разгрызенный дарх

Майский жук потому и летит, что не знает, что с его весом и формой крыльев летать технически невозможно. Где есть вредное всезнайство, там нет места чуду.

«Механика бытия», т. XXX

Когда ночью тебе зажимают рот и нос, это неприятно, особенно если сделать это подошвой. Во всяком случае, именно так показалось Улите, которая немедленно попыталась вцепиться в то, что душило ее, зубами. Лишь потом она разобралась, что это всё же не подошва, а жесткая изрубленная ладонь.

Улита рванулась, отчаянно пытаясь высвободиться. Плоский лунный свет освещал склонившееся над ней бородатое лицо. Ведьма мгновенно проснулась.

– Ш... мм-м... шеф!

Аррей отнял ладонь и вытер ее об одеяло.

– Не кричи или мне придется скормить тебе подушку! Ну и мокро же ты кусаешься! По мне лучше бы больно, чем мокро...

Улита вознегодовала.

– Кто мокро кусается? Я? Вы меня почти задушили! – сказала она громким шепотом.

В углу на раскладушке спала Ната, в ушах у которой журчал невыключенный цифровой плеер.

– Неправда, – поправил Аррей. – Душу я немного по-другому. Ты обязательно почувствуешь разницу, если забудешься и завопишь!

– Шеф, как вы узнали, что мы у Эссиорха?

Веки Арея дрогнули.

– А куда бы вы, интересно, еще могли пойти?

Улита всмотрелась в Арея, насколько позволяла луна. Когда такие, как он, будят тебя посреди ночи, повод должен быть серьезным.

– Что случилось? – спросила она голосом, нашаривающим истину. – Вы всё ещё в Москве? Что карта? Как Лигул?

Как нередко случалось при упоминании имени начальника, улыбка Арея вышла резиновой. Причем не той мягкой, бесконечно гибкой резины, из которой шлепают детские пустышки и экспериментальные модели комиссионеров, но резины жесткой, грубой, какая идет на кистевые эспандеры.

– Лигул, надо полагать, в добром здравии. Во всяком случае, сведений о его смерти не поступало. Позавчера у меня состоялась встреча с одним из его шакалят. Малый оказался не плох. Подрезал мне сухожилие на ноге. Придется некоторое время похромать.

– Он что, был один? – удивилась Улита.

– Кто?

– Шакаленок.

Мечник провел пальцем по спиралям своего дарха. Тот слабо осветился изнутри.

– Разумеется. Мое личное собрание эйдосов притягивает многих. Те, кто посмелее, не хотят делиться. Теперь, когда я в опале, для многих авантюристов я главная мишень! – пояснил Арей с абсолютным спокойствием.

Он встал. Прихрамывая, прошелся по комнате. Ковырнул пальцем дыру в тюлевой шторе, впуская в комнату чуть больше луны. Лицо его было страдающим, искаженным. Точно безнадежно исковерканная и грязная чайка пыталась взлететь с песка, но изломанные крылья уже не могли зачерпнуть воздух.

Улита сидела на кровати, укутав одеялом свои кустодиевские плечи. Ее большие ступни пытались уместиться на одной тапке. Вторая куда-то затерялась.

– *Вы её нашли!* – безошибочно сказала Улита.

– КОГО?

– Свою дочь! – ответила Улита без малейшего сомнения.

С ней такое случалось. Женская интуиция, в очевидных вещах часто подвисяющая, в глобальном и сложном делает порой уникальные выстрелы. По ритму движения ложки в супе узнает оценку, проставленную за пятничный тест, а по забившейся под шнурок кроссовка единственной травинке угадывает, в каком московском лесопарке вернувшийся с работы супруг проводил совещание кабинета министров.

Пауза была короткой и страшной.

– Откуда ты знаешь? – спросил Арей.

– Просто знаю. Почувствовала. Вы... – тут Улита запнулась, не уверенная, насколько безопасно подбирает слова, – мечетесь как раненый зверь. Вам и с ней рядом быть страшно, и без нее страшно. Вот вы и кинулись сюда, потому что просто непонятно было к кому. Вот.

Арей рванул к ней.

– Ты бредишь! Ты сама мечешься как раненый зверь, ведьма!

Голос его возвысился, под конец фразы из хриплого став неузнаваемо ломким и высоким. Разбуженная Вихрова привстала на кровати, пытаясь понять, что происходит. Прежде чем взгляд ее опознал громоздкую фигуру, Арей махнул рукой, еще раз страшно оглянувшись на Улиту и исчез.

– Кто это был? – зевнула Ната.

Улита ответила с большим замедлением, думая о другом, однако прозвучавший ответ был вполне в ее стиле.

– Доставка пиццы.

– А где пицца? – спросила Ната, нашаривая на одеяле выпавшие наушники.

– Они приехали сказать, что пицца закончилась. Ложись и спи! Тебе не светит!

* * *

Среди множества объяснимых физических законов существует как минимум один необъяснимый. Это закон ужатия студентов в пространстве. Согласно закону ЗУС средний легковой автомобиль вмещает пять человек или двенадцать студентов. Средняя квартира вмещает десять человек гостей или сорок студентов. При этом вес и размеры студентов не имеют значения. Это могут быть даже баскетболисты из института физкультуры. Тайна тут в способности радостно ужаться и раздвинуть пространство изнутри.

Тот же самый закон заработал в полдень следующего дня в комнате Даф в общежитии озеленителей. В тесной комнате, неприметно слившейся с кухней, собрались Мошкин, Чимоданов, Даф, Ната, Улита и, кроме них, все валькирии с оруженосцами. В углу на подстилке лежала волчица, начинавшая угрожающе рычать, едва кто-то приближался к ней меньше чем на треть комнаты. Именно такую территорию волчица считала своей.

Единственной, кого волчица подпустила, оказалась Бэтла, скормившая ей две палки колбасы из продуктового патронташа своего оруженосца. Тот всегда носил с собой колбасу в достаточных количествах, утверждая, что палка колбасы, особенно полукопченой, является уникальным средством ближнего боя. Глушит на раз-два-три, настороженности у противника не вызывает, разрешение на ношение не требует, и, кроме того, дробящим оружием не является. В случае чего после применения колбасу можно попросту съесть, что затруднит розыск вещественных доказательств, а, если все же найдут, сделает приятным проведение следственного эксперимента.

Брезгливой Улите упорно не давал покоя исходивший от волчицы запах Подземья.

– Вы мне тут эту канализацию прекратите! Или мойте зверя, или купите мне зажимы для носа и противогаз для других частей лица! – заявила она и, мобилизовав Бэтлу и Гелату, отправила их в ванную.

Сама же пошла следом и деловито принялась озираться, поочередно открывая все ящики и заглядывая чуть ли не в стиральную машину. Чужие ванны всегда были слабостью ведьмы, равно как и осмотр содержимого шкафчиков на кухнях ее знакомых.

– Кто как считает, для волчиц подходит шампунь для ломких сухих волос? – спросила она, хватая его с полки.

– А что-нибудь другое есть? – с сомнением спросила Гелата.

– Сейчас посмотрим... Что у нас тут? – встав на цыпочки, Улита пошарила рукой на полке. – Ага! «Шампунь-бальзам для нормальных волос с запахом тухлого персика»!

Бэтла загнала волчицу в ванну и придерживала ее, успокаивая.

– Что, правда тухлого? – не поверила она.

– Ну, допустим, этого тут не написали. Но я же зрю в корень! – заявила Улита.

Устав от болтовни, Бэтла направила на Улиту работающий душ и облила ее с головы до ног. Грозя ей смертельным сглазом, ведьма выскочила из ванной и принялась честно подслушивать у дверей. Плескала вода. Волчица недовольно рычала и точно так же недовольно, в тон рычанию, с ней разговаривала Бэтла.

Внезапно голос Бэтлы дал удивленную свечку.

– Хорошая девочка!.. Очень хорошая девочка!.. О! Чего тут на тебе? Смотри, Гелата!

Улита насторожилась.

– Кому тут нужна хорошая девочка? Звали? – спросила она, просовывая в дверь голову.

Бэтла вновь направила на нее струю душа, и ведьма скрылась, вынужденная продолжать переговоры из-за двери. Валькирия сонного копья показалась только двадцать минут спустя. Перед ней, прихрамывая, шла волчица. На Улиту она по привычке зарычала, но без особой угрозы. Просто из чувства долга.

– Странная штука! – задумчиво сказала Бэтла. – Я готова была поклясться, что на шее у нее что-то было. Но когда ощупала, поняла, что там ничего нет!

– Занятно, – подтвердила Улита. – Телеграфирую по буквам: лечись, пока не поздно.

Валькирий удалось выпроводить лишь в половине первого. Когда всей ратью они шли по коридору, общежитие таинственным образом притихло на высоту всех этажей. «Озеленители» сидели тихо, как мыши. Некоторые впервые в жизни задумались, а не посадить ли им хотя бы горошину. Даже дебоширы пытались дышать беззвучно.

Когда валькирии ушли, Улита заскукала и, видя, что задирать ей больше некого, попыталась поругаться с Дафной. Однако это оказалось невозможным. Дафна знала волшебные слова.

– Я с тобой сейчас ссориться не хочу. И ругаться тоже не хочу, – Даф посмотрела на календарь. – Если тебе нейдет, давай поссоримся лучше во вторник, в шесть утра. Ты как? Других планов на это время нет?

Озадаченная Улита проворчала, что в шесть утра она спит.

– В таком случае ничем не могу быть тебе полезной! – извинилась Даф, перевязывавшая ногу спящему на диване Мефу.

Улита оставила ее в покое и переключилась на Нату. Но и на Вихровой сорваться ей не удалось. Та так наивно моргала глазами, что Улита не выдержала и плюнула.

У Наты была коварная, но распространенная у прекрасного пола привычка чуть что прикидываться тотальной дурочкой и упорно не понимать того, что ей было понимать невыгодно. Даже один плюс один для нее тогда не было два и принимало различные арифметические значения до миллиарда включительно. Собеседник, особенно если это был мужчина, быстро утомлялся и, махнув на Нату рукой, уступал ей, в очередной раз ругнув про себя женщин.

При этом, когда Вихровой было выгодно, она просекала сложнейшие комбинации, от которых даже у биржевого дельца случилось бы замыкание извилин. Разговаривая с Натой, всякий знающий ее испытывал неприятный момент подвисания, не зная, поймет она его в этот раз или опять прикинется чайником без свистка.

Даф беспокоилась. А когда она беспокоилась, то ей не сиделось, не стоялось и не лежалось. Вообще нигде не обреталось. Она уже успела повертеться и на подоконнике, и на стуле, и на краю дивана Мефа. И везде ей было неуютно. Наконец Дафна села на коврик у дивана и положила подбородок на колени. Рука Мефа, казавшаяся слабой, находилась теперь напротив ее лица. Пальцы были полусогнуты, но в кулак не сжаты. Средний палец чуть подрагивал.

«Интересно, что он мне скажет, когда очнется? И что я скажу ему? И главное: какой будет главная мысль его существования?» – задумалась Даф.

Как светлый страж, она знала, что каждого человека во всякий момент жизни ведет одна-единственная генеральная мысль, повторяющаяся назойливо, точно припев песни. У одного это: «Я должен стать лучше!» У второго: «Только бы мне выбраться из этой дыры! Любой ценой!» У третьего: «Первым делом я должен закончить институт и найти хорошую работу». У четвертой: «Замуж! Срочно замуж! Полцарства за любое замуж!» У пятого: «Я еще не готов ни к чему серьезному! Я не выплатил кредит за газовую зажигалку!» И, наконец, у шестого: «Хочу вагон золота! Готов переступить через трупы!»

Прежнего Мефа Дафна изучила хорошо. Его существование вполне вписывалось в схему: «Я знаю: мне повезет». Порой в нем ощущалась неспешная самоуверенность красавчика, которая втайне сильно раздражала Даф, несмотря даже на то, что самовлюбленности – самого омерзительного, что может быть у парня – у Мефа не было. Главным, что помогало Мефу удержаться на плаву, за исключением, конечно, самой Дафны, были самоирония и воля, которыми Меф безжалостно долбил себя, точно ручным сверлом отсекая всё лишнее.

Даф достала флейту. Оглядела ее, поправила мундштук, поднесла к губам и начала играть – тихо, нежно, почти беззвучно. Звуки были легкие, похожие на осторожные прикосновения к волосам.

Лицо спящего Мефа разгладилось. Мошкин, стоявший в дверях шагах в трех от Дафны, задумался. Затем сел на стул и, наклонившись вперед, обхватил руками виски. Чимоданов

же, Ната и Улита убежали на улицу. Они, как хлебнувшие слишком много мрака, не могли выносить маголодий света. Их начинало крутить.

Дафна играла долго. Ей требовалось не только вернуть Мефу силы, но и подлатать его воспоминания о прошедшей ночи. Посещение Большой Дмитровки, котлован, стражи мрака – всё это было нежелательным фоном, который требовалось подретушировать. Не для того свет корректировал Буслаеву память, чтобы его, неготового, вновь прихлопнуло прежним грузом.

Меф проснулся два часа спустя, когда в комнате остались только он и Дафна. Лицо у него было просветленное, а вот нога Даф не нравилась. Края раны воспалились и краснота переползла на лодыжку. С ее точки зрения, волчице неплохо было бы лучше соблюдать гигиену полости рта. Придется прокалывать антибиотики или, возможно, вновь прибегнуть к флейте. Но это успеется.

– Где ты меня нашла? – спросил Меф. – А, ну да! Мы случайно встретились, когда я шел... возвращался... В общем, неважно.

Даф испытала облегчение. Получилось.

– Ну как? Сильно она меня? – продолжал Меф.

Маголодия Дафны убедила его, что он покусан уличной собакой.

– Нет, – сказала Даф. – Но пару дней придется попрыгать на одной ноге.

– А кто были те психи, которые столкнули меня в яму?

Дафна заметалась. Сказать правду без разрешения Троила она не могла, врать же не решалась. Она вообще была поражена, что Меф помнит о том, что произошло. Ей казалось, она оставила только схватку как логическое объяснение укуса.

– Психи, – повторила она.

Ответ Мефа устроил. Он оглядел комнату и уставился на ковер, на котором сам же когда-то развесил ту часть оружия, которую забрал из резиденции на Большой Дмитровке.

– Настоящее?

– Да.

– Класс! Кто-то со вкусом устроился, – оценил он.

– Точно, – согласилась Даф, убежденная, что ее подопечный сейчас чего-нибудь ляпнет.

Когда Меф говорил о ком-то что-то хорошее, то обычно немедленно добавлял и что-то плохое, словно спохватившись, что надо немедленно отрезвиться. И точно...

– А мании преследования у этого типа случайно нет? – поинтересовался он.

Даф улыбнулась.

– Есть небольшая, – признала она.

– Так я и думал. В «Пельмень» я уже опоздал, – заметил Меф без особого сожаления. – Не помнишь, что полагается за пропущенную смену? Расстрел на месте или долгий занудный рассказ о чести компании?

Даф попыталась сосредоточиться.

– Если оформить больничный, то, кажется, ничего, – заметила она не слишком уверенно. – Хочешь, позвоним твоей маме? Тебя не было всю ночь. Она, наверное, волнуется.

– Нет, – сказал Меф. – Не надо пока.

– Как не надо? Почему?

– На телефоне неотвеченные есть?

Неотвеченных не оказалось.

– Вот видишь, – насмешливо сказал Меф. – Значит, она не вспомнила, что меня нет. Решила, что я на ночном выпасе в «Пельмене». У нас всё наоборот. Чаше я за нее волнуюсь, чем она за меня.

– Ты? – переспросила Даф, удивленная, как в этой подкорректированной реальности изменились отношения Мефа и Зозо.

– Ага. Я. Вечно она как маленькая! Я своей родной матери почти что отец. Опекающее

такое начало, – заявил Меф.

Даф уловила самцовское самодовольство и забила тревогу.

– А ты бы какую мать хотел? Домохозяйку? Ботинки на сына наденет и супиком нос оботрет? Или директора цеха по производству кладбищенских оградок? Четыре номера телефона на визитке и одна служебная лопата с пропеллером?

– Ну не зна-аю... – протянул Меф.

– А тут и знать не надо, – твердо отрезала Даф. – Родителей нужно любить по умолчанию. И уважать.

– Что, всяких? Даже если отец, допустим, под мусоркой лежит, а мать ему из контейнера бутылки пустые перебрасывает? – проговорил Меф, ощущая острую несправедливость сказанного. В конце концов, к его матери этот никак не относилось. Да и к отцу.

– Таких, возможно, любить надо даже больше, – уверенно подтвердила Даф.

Меф озадачился, но всё же чувствовалось, что он принял это к сведению. Даф давно заметила, что он может усваивать новую информацию только так: через короткое отторжение, затем осторожно и недоверчиво приглядываясь, а дальше уже как получится. Было похоже, что Меф вначале озирает некую истину умом, а потом только прикасается к ней сердцем.

– Слушай, – сказал внезапно Буслаев. – В тебе черта интересная есть. Я ее еще в «Пельмене» заметил. Ты спокойная, но вместе с тем... э-э... не тормознутая.

Даф улыбнулась.

– Спасибо! – произнесла она просто.

Она еще в Эдеме обнаружила, что искренние комплименты чаще всего выглядят неуклюжими. Скорее даже так: неуклюжесть является верным признаком того, что комплимент настоящий и сказан именно от сердца, а не от другого какого-нибудь органа.

– Как тебе удается быть такой спокойной? Это сложно? – спросил Меф.

– Да нет, не особенно. Просто я себе стараюсь не врать. До конца выговариваю все истинные причины, которые заставляют меня испытывать то или иное чувство.

Меф привстал и подложил себе под спину подушку, аккуратно подтянув ногу.

– Ничего не понимаю. Что еще за истинные причины?

– Ну, допустим, прежде чем заорать, я скажу себе: «Мне хочется орать, потому что я только что пришла, устала, проголодалась и мне хочется на ком-нибудь сорваться. Съесть кусок хлеба и выпить стакан чаю я догадаться не могу, так как отлично знаю, что тогда мне кричать расхочется».

– И что, всегда помогает?

– Чаще всего.

– А я вот редко подумать успеваю. Мама мне всегда говорила в детстве: «Считай до десяти!» Только все равно срывался. А если тебя обидают?

– Тогда я думаю: «Меня обидели! Меня, самую лучшую в мире, которая никому не сделала ни одной гадости, ни разу не сказала ничего лишнего, ни разу не подумала ни о ком плохо! Да за мои дела меня надо было еще и ломом ударить!»

Окно распахнулось и заглянула Улита. За ней медведем вытаптывал траву Чимоданов.

– Прошу прощения, что прерываю щебетание! – сообщила ведьма. – Только что меня вызвали сразу двое! Арей и Эссиорх! Оба с интервалом в полторы секунды. Ты веришь в совпадения? Я – нет.

* * *

Мефа оставили под присмотром Мошкина. Опасаясь, чтобы Евгеша не ляпнул чего-нибудь лишнего, из прежней жизни, Дафна поднесла к губам флейту. Теперь, едва Мошкин затрагивал любую опасную тему, он незаметно переходил на разговор о птичках.

– А помнишь, как мы с тобой... – сентиментально начинал он. – А вот, к примеру,

канарейка (вздых – грустный взгляд – попытка выразить невыразимое)... Хотя есть, конечно, и попугайчик (еще один вздох)!

Ната успела уже куда-то улизнуть, поэтому на зов Арея и Эссиорха явились только Улита, Дафна и Чимоданов. Раненую волчицу они взяли с собой. Опасаясь, что она бросится на Арея и будет убита, Даф сделала из простыни нечто напоминающее поводок.

Первой завершив телепортацию, Улита с интересом огляделась. Они стояли рядом с одиноким экскаватором, который, сильно накренившись, притулился на куче рыхлой земли. Вниз уходил пологий склон недавно начатого фундамента, на дне которого образовалось дождевое озерцо. Для оживления картины туда хотелось пустить уток. Вокруг тянулся бетонный забор, огораживающий довольно большую площадку и – нигде ни души.

– Эссиорх! Ау! – крикнула Улита. – Мы так не договаривались, чтобы от меня прятаться! А если я мама-птичка? Если я червячка принесла?

Ее голос разнесся по бетонному четырехугольнику строительной площадки и вновь вернулся к ней. Петруччо почесал лоб рукоятью боевого топора. Рукоять он уже ухитрился где-то выпачкать. На лбу остался косой длинный след.

– Все слиняли! – сказал он.

– Как это слиняли? Если бы слиняли – мы бы сюда не перенеслись! – не согласилась Улита.

Чимоданов запрыгнул на гусеницу экскаватора и заглянул в кабину. Увидел кучу рычагов. Позади сидения на газете стояли кирзовые сапоги с присохшей глиной. Тут же помещался и большой музыкальный центр с динамиками, жизнерадостно устремленными вверх. В настоящий момент динамики безмолвствовали. По свойственному Петруччо беспокойству ручек, он попытался проникнуть в кабину, однако на окна, лишённые стекол, была наварена решетка.

– Свинство! – пожаловался Чимоданов. – Они мешают мне ознакомиться с устройством экскаватора!

Громя коленами по металлу, он перелез через крышу и завопил уже с другой стороны:

– Нет, вы это видели? А где электронная пикалка с брелочком? Запереть экскаватор на висячий замок да еще и кольцо вокруг наварить, чтобы ломик нельзя было подвести!

– Знают, с кем имеют дело, – сказала Улита.

Даф осторожно обходила площадку, держа флейту у губ. С краю, ближе к единственным железным воротам, стоял строительный вагончик с закопченной трубой и гордой надписью «Стопов нет!»

Волчица, прихрамывая, шла рядом. Внезапно Депресняк соскочил с плеча и, хлопая крыльями, устремился к вагончику. Дафне показалось, что под его колесами мелькнула крупная черная собака.

– Не трогай ее! – крикнула она озабоченно, пытаясь вернуть кота.

Увязая в рыхлой земле, Дафна побежала к вагончику. Её остановил предостерегающий крик Улиты. Желая понять, в чем дело, Дафна обернулась и тотчас мощный удар вышиб у нее флейту.

В следующую секунду ее швырнули на землю, приставив к шее клинок. Дафна увидела лицо, плоское не столько от природы, сколько от небрежного к нему отношения. Скулы вздувались несимметричными буграми. Крупные поры на лбу и щеках. Опаленные брови. Выжженные ресницы. Веки с красным подворотом.

Бывает внешность говорящая, а бывает просто кричащая. Даже не будь на том, кто на нее напал, нагрудника с мордой оскаленной тигрицы, Дафна догадалась бы, что имеет дело со стражем из Нижнего Тартара.

Белая волчица попыталась прыгнуть на него сзади, но страж мрака закричал на нее, замахнулся, и она отбежала, издали показывая клыки. Силы были неравны, и умный зверь это понимал.

Другой страж уже держал Улиту. Третий пытался подрубить голени Петруччо,

зайчиком прыгавшему по крыше экскаватора. Спасая ноги, Чимоданов бросился в котлован, по пояс увяз, выронил топор и тоже был схвачен. Не церемонясь, пленников сволокли вместе.

Стражей мрака было трое. Все из внутренней опричнины мрака.

– А эти откуда здесь взялись? Мы же других выслеживали! – сказал тот, кто тащил Чимоданова.

– А шут его знает! А ну подняли головы!.. Ишь ты, в руку пытается вцепиться! Не кусайся, ведьма! Га! Она и правда ведьма!

Старший взгляделся в Улиту и Чимоданова. К валявшемуся на земле топору Петруччо он прикоснуться не стал: справедливо опасался, что с чужим артефактным оружием связываться не стоит.

– Мы сотрудники русского отдела мрака! – крикнула Улита.

Плосколицый посоветовал ей заткнуться. Он уже разглядывал крылья Даф. Протянул руку и, пальцем коснувшись цепочки, качнул их.

– Всего лишь бронзовые! До золотых не успела дослужиться?

– Не трогайте! – крикнула Даф.

– Я и не трогаю! Тебе они больше не пригодятся!

Страж сгреб цепочку и рывком сорвал. Дафну захлестнула волна безнадежности. Флейту выбили, крылья отобрали. Что она может теперь? Только умереть.

– Тащите их туда! – распорядился плосколицый, кивая на вагончик. – Допрашиваем и заказываем переправку в Тартар!

Улита и Даф обменялись взглядами. Так вот почему их не убили сразу. Сообразили, что Лигул захочет вытянуть побольше. Всё же хорошо, что в Тартар нельзя телепортировать кого-либо против его воли. Возможна только насильная транспортировка пленников через Подземье и дальше через Хаос.

Когда Дафну волокли, она успела порадоваться, что Депресняк куда-то исчез. У дверей вагончика тот страж, что тащил Даф, небрежно толкнул ее на песок. Знал, что без бронзовых крыльев она мало чем отличается от обычного человека. Сам же легко вскочил на приваренную ступеньку, собираясь проверить, откроется ли дверь добровольно или потребует меча. До ручки он не дотянулся. Дверь открылась сама, причем с такой энергией, что стало ясно: кто-то очень честно пнул ее изнутри. На пороге вырос Эссиорх, успевший за чем-то надеть оранжевую строительную каску.

– Простите! Кажется, я был немного неосторожен! – извинился он.

Тартарианец мешком свалился на землю, но тотчас вскочил, занося меч. Однако до Эссиорха он так уже никогда и не добрался, потому что за спиной у него вырос Арей. Откуда он взялся, никто никогда не понял.

Даф была уверена, что выскочил он из-за колеса. Чимоданов – что прыгнул с крыши вагончика, на которой до того лежал на животе. Улита больше верила в мгновенную телепортацию. В любом случае это уже мало что решало.

Сражение было таким кратким, что Даф не успела даже отвернуться. Всё, что она увидела, врезалось в память. И тут же ей стало раз и навсегда ясно, почему Меф никогда не сможет одолеть Арея в схватке на мечах. Арей не сражался. Он убивал. Стойки, перемещения, тактика, восходящие и нисходящие удары – всё это отступило, провалилось куда-то и сделалось совершенно неважным. Остались только двое – Арей и его клинок.

Первому стражу он рассек голову от левого уха до правой скулы еще до того, как тот успел вскинуть меч ему навстречу. Затем схватив его за плечи, Арей заслонился им как щитом. Толкнув мертвого стража на одного, он атаковал другого и нанизал его на свой клинок как цыпленка.

Теперь из трех противников остался лишь один – тот, что отнял у Дафны ее крылья. Пользуясь тем, что лезвие меча Арея слишком глубоко вошло в тело врага, он схватил его за запястье. Удерживая кисть, он стал заносить свой меч, собираясь ударить начальника русского отдела, как только рухнет мешавшее ему тело.

Мечник не стал бороться и вырывать свою руку. Для этого у него уже не было времени. Он свободной рукой выхватил дарх из пасти тигрицы, что скалила серебристые клыки в центре нагрудника врага, и раскусил его коренными зубами. Послышался стеклянный хруст, похожий на звук лопнувшей новогодней игрушки. Песочно хлынули эйдосы, сбегая вдоль щек Арея и сахарной пудрой путаясь в бороде.

Страж закричал, рванулся, натягивая еще целую, но уже абсолютно бесполезную цепь. Руку Арея он отпустил, и тот завершил сражение коротким, с небольшим кистевым подрезом, ударом.

Всё уже закончилось, когда из вагончика выскочил Корнелий. По примеру златокрылых, он вздумал примкнуть к своей флейте штык, но споткнулся и только чудом не вогнал его в спину Эссиорху.

– Где они? – завопил он.

– Узнали, что ты придешь, и умерли от аппендицита в приступе тотального ужаса! – пояснила Улита.

Арей наклонился, чтобы сорвать дархи с шей тех двух стражей, что были убиты первыми. Тела уже обращались в прах. Сосульки металась на цепочках, корчились, пытались протиснуться в рыхлую землю. Они слишком хорошо понимали, что сейчас произойдет. Так и случилось. Поочередно раздавив их каблуком, Арей пересыпал содержимое в свой дарх, раздувшийся от удовольствия, как насосавшаяся жирная пиявка. Хотя бы на краткие минуты, это жуткое существо ощутило сытость. По нему прошли волны. Лицо мечника дрогнуло от удовольствия.

Он опустился на колени и, передвигаясь на четвереньках, стал собирать с земли эйдосы, просыпавшиеся из раскушенного им третьего дарха. Даф отвернулась. Даже сделала шаг, чтобы оказаться дальше. Она не могла смотреть на Арея. Он казался ей насосавшимся упырем, отползающим от гроба.

Должно быть, мечник что-то ощутил, потому что обернулся и с явной насмешкой поинтересовался:

– Кстати, светлая, ты будешь забирать свои крылья или оставляешь их мне как сувенир? Лови!

Дафна подхватила бронзовые крылья, негодуя, раскалившиеся даже от мимолетного прикосновения к ним ладони Арея. Шнурок был порван, но это ничего. Шнурок подойдет любой.

Сжимая в руке крылья, Дафна вернулась за флейтой. Она не пострадала. Выбивая ее, страж ударил мечом плашмя. Дафна встряхнула флейту и осторожно продула от земли. На губах ощущался глинистый привкус. Нормально, почти не забила.

Дафна уже прятала флейту в рюкзак, когда ее взгляд случайно упал на ту часть бетонного забора, что находилась сразу за вагончиком. На заборе она увидела своего кота. Выгнув спину, Депресняк шипел как подгорающая яичница. Под забором стояли и нетерпеливо скребли его лапами сразу двое – белая волчица и черный пес.

Депресняка озадачивало, что он до сих пор не определился, на кого напасть. Связываться же сразу с двумя противниками не решался.

Волчица и огромный черный пес тоже взаимно не доверяли друг другу. Оба не спешили сближаться, сохраняя дистанцию метров в пять. Получался треугольник, вершиной которого являлся сидевший на заборе кот. Время от времени волчица или черный пес прыгали и пытались взбежать по отвесному забору, чтобы его достать.

Депресняк свешивался им навстречу и изредка ухитрялся поддеть то одну, то другую морду когтистой лапой. Дафна знала, что никаких команд ее кот не слушает. Как достойный представитель кошачьего племени, Депресняк признавал лишь команду «Иди лопать!», и то пока она совпадала с собственным его желанием.

Даф побежала к забору.

– Депресняк, не надо! Он их искалечит! – крикнула она.

– Кто, твой кот? Ну это не факт! – заявила Улита. – Ставлю зубную щетку против твоих

тапок, что валькирия его ухайдокает!

Спорить с ней никто не стал. Варвара, выбежавшая из вагончика вслед за Корнелием, схватив своего пса, зажала его голову между ногами, чтобы он не видел Депресняка, и стала гладить Добряка, перемежая ласковые слова с угрозами. Пару раз для большего вразумления она даже стукнула пса по спине. Добряк, смирившись, позволил себя утихомирить и отвести в сторону.

Тем самым Варвара, сама того не желая, нарушила треугольник, уравнивающий силы взаимным опасением и создававший хрупкий мир.

Сообразив, что еще немного, и можно вообще ни с кем не подражаться, Депресняк засуетился, зашипел и метнулся на волчицу с забора, оседлав белую спину. Со стороны казалось, что он не столько бьет, сколько роет ее лапами.

Теряя шерсть, волчица закружилась на месте. Задирая морду, она безуспешно пыталась стряхнуть Депресняка и получить возможность вцепиться в него зубами. Видя, что это невозможно, она упала на спину. Опасаясь быть придавленным, кот вынужден был соскочить. Захлопав крыльями, он попытался взлететь, но не успел набрать высоту. Клыки подпрыгнувшей волчицы настигли его в воздухе.

Дафне пришлось вырывать Депресняка у нее из пасти. Кот был помят, исключая плен, имел на коже клочья пены, но рвался в бой. Глубокие царапины на спине у волчицы свидетельствовали, что лучше иметь дело с опасной бритвой, чем с его когтями.

Волчица рвалась, полная решимости прикончить кота. На её окровавленной морде читалось настойчивое желание разорвать упрямое животное в куски. Первым сообразил, как надо поступить, как ни странно, Корнелий. Он отважно прыгнул на волчицу и исчез вместе с ней.

Назад он появился примерно через минуту, но уже один.

– Отвел ее к валькириям! Можно сказать, все были рады! – сообщил он, счищая с джинсов что-то узнаваемо светлое, со сливочным маслом.

– Почему «можно сказать»?

– Волчица свалилась на голову Бэтле как раз во время обеда. Хотя обедать бы ей все равно не пришлось, потому что секундой раньше я упал прямо на стол, – жизнерадостно пояснил связной.

– Бедная Бэтла! Снова заплатила налог на доброту, – задумчиво сказала Дафна, ценившая обжору Бэтлу больше прочих валькирий.

– Чего-о? – с недоумением переспросил Корнелий.

– Если человек мягкий, ему моментально садятся на шею. Ну вот, например, Радулга. Ты можешь себе представить, что ей подбрасывают волчицу во время обеда, попутно ломают стол и смываются, едва одарив вежливой улыбкой?

– Лучше платить налог за доброту, чем вообще не иметь друзей, – сказал Корнелий.

Даф вынуждена была признать, что он прав. Не ходить же всю жизнь с дубиной, видя единственное удовольствие в том, чтобы ставить всех на место? Люди, которые слишком зубасто оберегают свою свободу, всё равно не свободны, хотя бы от ее оберегания.

Улита внимательно разглядывала Варвару, изредка бросая испытующий взгляд на Арея. Тот внешне казался спокойным, лишь однажды указательным пальцем будто невзначай провел по шее. Кому-то могло показаться, что он просто почесался, но Улита знала, что именно под таким углом обычно атакуют шею нисходящим ударом сверху.

«Ага! Намёк, чтобы я не совалась!» – догадалась ведьма и бочком, как хитрящий ребенок, приблизилась к Варваре.

– Привет! Давай знакомиться! Я... – начала она.

– УЛИТА! – предупреждающе повысил голос Арей.

– Вот-вот: Улита! Как здорово, что вы мне напомнили, шеф! – обрадовалась ведьма. – А тебя как-нибудь зовут?

Имя девушки она, разумеется, выяснила, но позднее.

Нечто, лежащее на рыхлой земле, привлекло внимание Корнелия. Он наклонился и с

удивленным возгласом поднял втоптанную цепочку. Она соскользнула с шеи волчицы во время схватки с котом, разрезанная когтем Депресняка.

Глава 14

Отец и дочь

Едва ли не главной мерзостью, вложенной мраком в человека, является склонность противоречить всему, что он услышит или увидит. Услышав: «Будь добрым!», мы хотим быть злыми, а услышав «Будь злым!», кратковременно пытаемся стать добрыми. Но так как добрыми мы хотим быть назло, то и тут выходит одно зло.

Используя ту же закономерность, родители нередко говорят детям: «Не ешь кашу!», чтобы те не послушались и съели.

Проблема в том, что противоречие не устоит ни на каком фундаменте и, бестолково бегая, разрушит само себя.

Неформальные разговоры златокрылых

Кто-то ударил Корнелия по руке. Он выронил цепочку, и тотчас на нее опустилась чья-то нога.

– Не спеши, мальчик, а то успеешь! – предупредили его.

Упрямо вцепившись в край цепочки, Корнелий сердито вскинул голову. Перед ним стоял Арей. Обнаженный меч он небрежно придерживал за лезвие, уперев конец его в землю. Всё это делало меч как будто безопасным, но так мог думать лишь тот, кто не видел, как работает Арей в ближнем бою.

Связной света ощутил прилив отваги – той самой, в самозабвенном стиле: «на шесть и по хлопку!» Корнелию мнилось, что он велик и грозен. В сознании его взлетали океанские волны и вскипала лава. Стоять с ним и то было опасно! Стражи мрака должны были в ужасе проваливаться сквозь землю, оставляя выжженные кратеры. Именно поэтому, когда Арей с вызовом положил ему на плечо руку, Корнелий страшно удивился, что тот сам собой не испепелился и не умер от ужаса.

– Уберите ногу! Эй вы, как вас там! Крупное существо! Вы ее порвете! – срывающимся голосом крикнул Корнелий.

– Это ты ее порвешь, потому что тянешь! – холодно заметил Арей.

– Да, тяну! Вы что, не собираетесь убирать ногу?

– Даже и не думаю!

– Тогда я вас заставляю! – крикнул Корнелий.

Арей удовлетворенно кивнул.

– Ну наконец-то! Если и остальные светлые соображают так же заторможено, ваша контора обречена! – сказал Арей, краем глаза внимательно наблюдая за Эссиорхом, в котором видел более опасного противника.

Момент был страшный. Даф ощутила, как всё повисло на волоске. Вспыльчивый Корнелий, безжалостный мечник мрака и Эссиорх, понимающий, что от второй части карты зависит жизнь Троила. Если сейчас будет схватка, она не обойдется без жертв. Расстояние же между Корнелием, Эссиорхом и Ареем куда меньше шести шагов. Это значит, что меч будет иметь тут больше преимуществ.

Сама Дафна стояла у Арея за спиной, шагах в четырех. Рука ее дрогнула, потянувшись за флейтой, но тотчас замерла, потому что Дафна сообразила, что любая ошибка приведет к тому, что Арей вначале без малейших колебаний прикончит Эссиорха и Корнелия.

– Вы отдадите это нам? – спросила она, обращаясь к затылку Арея.

Мечник неторопливо повернулся. Он предпочитал разворачиваться или корпусом, или скользить глазами. Из-за негнущейся шеи движения Арея порой казались неуклюжими. Точно кто-то обвязал веревками и с усилием развернул массивный языческий истукан.

– С чего ты решила, светлая, что я отдам *это* вам? – спросил Арей отдельно.

«Но там, в Хаосе, Троил! Без карты ему не выбраться!» – хотела сказать Даф, но осеклась, поняв, что для Арея это аргумент слабый.

Даф в тоске смотрела на клочок кожи на щеке Арея – в месте между крылом носа и началом бороды. Кожа была красной, грубой, а поры крупными. Дафне захотелось даже недоверчиво ковырнуть ее ногтем, так похожа она была на кусок дешевой красной пластмассы.

– Ну? Пока я не услышал ни одного аргумента! – сказал Арей, по-прежнему держа в поле зрения всех троих.

– Для вас аргумент только та железка, которой вы чуть что размахиваете! – грустно произнесла Даф.

Арей кивнул.

– Примерно так всё и есть. Глупо отрицать очевидное, – согласился он.

Корнелий по-прежнему упрямо дергал прижатую сапогом мечника цепочку. Дафна видела, что Арей с трудом сдерживается, чтобы легким движением меча не укоротить Корнелия примерно на столько сантиметров, сколько занимает стандартная голова.

– Отпусти! – посоветовала Даф Корнелию.

– Почему? – заупрямился тот.

– Ну хотя бы потому, что в том положении, которое ты занимаешь, флейту выхватить нельзя. Можно лишь укусить дяденьку Арея за ногу. Никаких других блестящих приемов я не вижу.

– А я вижу! – проворчал Корнелий. – Головой боднуть, сбить с ног, а потом прыгать, прыгать, прыгать!

Цепочку он всё же отпустил, перед этим вопросительно взглянув на Эссиорха. Арей поднял ее и подбросил на ладони. Цепочка извивалась, пытаясь уползти. Мечник, усмиряя, стукнул ее о другую ладонь. Видя, что освободиться не удастся, цепочка обратилась в безголовое туловище. По груди и спине, меняя направление, вились путаные дороги. Кем бы карта ни была, она всегда оставалась картой. Маленькие руки стали разгибать Арею пальцы.

На этот раз мечник потерял терпение и, взяв статуэтку за ногу, стукнул ее о навершие меча.

– Если я ничего не путаю, раньше ее держали в клетке. Забавно: мрак и вынужден держать свои же артефакты взаперти! – заметил он.

– Что вы собираетесь с ней сделать? – спросила Даф.

– А что еще? Мне она не нужна. Отдам Лигулу! Кто-то рвётся мне помешать?

До сих пор молчавший Эссиорх выдвинулся вперед.

– Я! – сказал он.

– И я! – крикнул Корнелий.

– И я! – добавила Даф.

Арей усмехнулся.

– Трое на одного? Ну-ну! А ты, Улита? Хотя бы на тебя я могу рассчитывать?

– Пока вы не тронули Эссиорха, я за вас, – решительно ответила ведьма.

– М-м-м... Мутная конструкция! Значит, пока я буду рвать Дафну и Корнелия, ты будешь мне помогать, а потом, стало быть, станешь против... Запоминайте, светлые, какую змею вы вскормили на своей груди! Что ж, Эссиорха мне нужно будет убить последним, только и всего! – заметил Арей.

Стоя боком и держа меч скрещенными руками, лезвие он небрежно перекинул на правый бицепс, ненавязчиво направив острие в живот Корнелию. Положение клинка не казалось угрожающим, но лишь для того, кто забыл, что такое взведенная пружина.

Даф, пятясь, спешно извлекала флейту. Каждый шаг, который она успеет сделать назад, лишний шанс на победу. Только бы не сбиться и не запороть маголодию. Скользя взглядом вдоль ее руки, Арей начал неприметное движение бедром, которое спустя секунду должно было закончиться безжалостным уколom. Тело Корнелия будет еще падать, а меч Арея обрушится на кисти Дафны, отсекая их вместе с флейтой. Затем, по замыслу, следовал

разворот тела навстречу Эссиорху. Ну а там уже будь что будет. В конце концов, Эссиорх получит полторы секунды форы, чтобы что-то предпринять.

– Хотите сухарик? – услышал Арей.

От неожиданности бедро его застыло, и меч не выстрелил в мгновенном уколе. Арей увидел Варвару. Та стояла в стороне, немного в тени, забрасывая себе в рот соленые сухарики и изредка без малейших сантиментов толкала коленом Добряка, когда тот лез угощаться. К разгоравшейся на ее глазах ссоре Варвара относилась равнодушно. Должно быть, по степени громкости и накалу эмоций видела и не такое. Серьезности же происходящего явно не понимала.

В лице Арея что-то переменялось. Оно осталось таким же жестким, но накал утратился. Будто вырезанную из льда страшную маску поставили на солнце и, поддаваясь его лучам, она потеряла хищную остроту очертаний.

– Ну не хотите – как хотите! Только лохи предлагают дважды! – сказала Варвара, и очередной соленый сухарик, предназначенный Арею, полетел ей в рот.

Хрум!

Улита не выдержала и хрюкнула от смеха. С ней порой такое случалось: испытывать неподходящие случаю эмоции. Плакать, когда надо смеяться, и смеяться, когда надо оставаться серьезным.

Арей хмуро уставился на секретаршу.

– А вот пусть Варвара и решает, что с этим делать. Первую часть карты нашла она? Значит, и второй она хозяйка! – внезапно произнес он.

Опустил меч и, шагнув к Варваре, протянул ей фигурку. Перед этим он еще раз крепко стукнул ее о наверхие, заставив превратиться в цепочку. Артефакты мрака плохо понимают вежливые намеки.

– Держи и никому не отдавай! Тебе она пригодится. В Подземье, куда тебя вечно тянет, с ней невозможно заблудиться! Эта штука знает все пути. Если же их нет – прокладывает их.

Варвара задумчиво разглядывала цепочку. Усмиренный Ареем артефакт послушно лежал на ее ладони. Даф метнулась к Варваре, но меч Арея преградил ей путь.

– Назад, или пожалеешь! Я сказал, что отдал его ей, значит, я отдал его ей! – предупредил он.

Дафна попыталась оттолкнуть меч, но обожглась о лезвие. Встречаться с Ареем взглядом она избегала. Его глаза пылали затухающей головешкой.

– И не надейтесь получить карту когда-нибудь после, светлые! Завтра или через месяц – она навсегда под моей охраной! – с угрозой сказал Арей.

Варвара скользнула пальцами по цепи. Заметно было, что игрушка ей нравится.

– Да я и сама не отдам! Пусть отвалят, попрошайки! А как она выводит наружу?

– Просто брось перед собой и следуй за ней, куда бы она не поползла. Второй половины, правда, нет, но на тех глубинах, где ты бываешь, она справится и без нее. А пока надень! – объяснил Арей.

– погоди, Варвара! Безумно глубоко, в Хаосе, застряли светлые стражи. Если они не получают карты, им не выбраться! – воскликнула Дафна.

Девушка, почти застегнувшая цепочку на шее, остановилась.

– Нечего бить на жалость! Не сработает! Хочешь сказать, что эти олухи не взяли с собой ни спальных, ни батарей, ни заправки для брюха? Да никогда не поверю!

– Они в Хаосе уже больше недели. А некоторые и больше... Там крошечная мгла и пустота, – объяснила Дафна очень тихо.

Она уже не пыталась никого и ни в чем убедить. Просто хотела, чтобы ей поверили. В зрачках Варвары что-то шевельнулось. Очередной толчок коленом по морде Добряка вышел смазанным и недостаточно сердитым.

– Это правда? – хмурясь, спросила она у Арея.

– Что?

– Ну что парни застряли где-то в Подземье – без батарей, без жрачки – а вы, упитанный

жмот, предлагаете, чтобы я оставила эту штуку у себя?

Улите стало страшно. Назвать Арея так и уцелеть было уже из области фантастики. Мечник ухмыльнулся, однако ухмылка вышла резиновой. Видимо, проглотить «упитанного жмота» оказалось совсем непросто.

– Отдать-то ты можешь, но обратно точно не получишь, – предупредил он.

Варвара закрутила цепочку вокруг пальца.

– Он не врет? – испытующе спросила она у Даф.

– Нет. Обратно вряд ли, – твердо сказала Дафна.

Она давно поклялась себе, что никогда не будет лгать. Многие светлые спотыкались об это в разное время и по разным, часто уважительным причинам. И мало кто потом вставал. Невинной лжи не бывает. Даже когда кажется, что ложь сошла с рук, она не сошла, а только отодвинулась во времени, точно банковский кредит, для погашения которого взят еще один кредит. Можно спрятать трупик крысы под подушку, но вонь рано или поздно пробьется и оттуда.

Что такое ложь, даже пустяковая? Извращенная истина. А раз истина, то всякий замес лжи делается только на правде. Иногда берется даже много правды, чудовищно много правды, и всё равно хватает капли лжи. Чтобы отравить бочку масла, совсем не нужна бочка яда.

Варвара, сомневаясь, долго переводила взгляд с Арея на Дафну. Шрам, удлинявший ее рот, смещался то вверх, но вниз. Затем, нуждаясь в разрядке, сердито зыркнула на Корнелия.

– Чего уставился, ботан? Некуда положить глазки – положи на полочку!..

Улита снова фыркнула.

Точно прощаясь, Варвара перевела взгляд на цепочку и вытерла кулаком нос с такой решимостью, словно собиралась стереть его с лица.

– Ладно, уговорила! Не хочу, чтобы из-за меня кто-то окочурился! Эй вы, я отдаю!

Арей ответил не сразу. Мясистый лоб прорезала короткая морщина.

– Я сказал, что она твоя, значит, твоя. Делай с ней что хочешь. Лигулу придется подвинуться, – произнес он с заметным колебанием.

– Что за Лигул? Начальник?

– Да.

– Жуть. Вокруг сплошные начальники, – сказала Варвара без уважения.

Броска никто не заметил. Цепочка оторвалась от ее ладони, серебристо всплеснула, как выпрыгнувшая из воды рыба, и перепорхнула на ладонь к Дафне.

– Держи! Не знаю, как ты собираешься передавать это своим парням, но я тебе верю!.. Ну всё, пока! За своими ста блоками я еще приду! Не надейтесь по-тихому замать. Я не забуду!

Она толкнула Добряка и пошла, на ходу забавляясь с кнопкой фонаря: то включая его, то выключая. Улита дала ей отойти шагов на десять. Она все глядела на Арея и не верила своим глазам.

– Нет, я так не могу. Это как-то неправильно... погоди! – крикнула она Варваре.

Та удивленно остановилась. Сомкнув бульдожьи челюсти, Арей смотрел себе под ноги. Казалось, носки собственных ботинок – единственное, что интересует его в этом мире.

– Она же ваша дочь! И не говорите, что нет. Я догадалась! Вы дали ей уйти! Разве вы не хотите сказать ей, что... – негромко начала Улита.

Она ощутила, как что-то предупреждающе, не более комариного укуса, кольнуло ее под лопатку. Маленький метательный кинжал, который Арей обычно прятал в рукаве, неприметно для других коснулся ее кожи. Со стороны это выглядело, как если бы он просто полуобнял секретаршу одной рукой.

– Я уже предупреждал тебя однажды. Говорю снова: если ты откроешь рот, я тебя убью! – беззвучно для других, но очень отчетливо для Улиты произнес Арей.

– Но почему? – спросила Улита, тоскуя.

– Она не должна знать! Никогда! Ты поняла?

Варвара стояла, непонимающе оглядываясь на Улиту. Добряка, застывшего у ее ног, больше интересовал Депресняк, расслабленно лежавший на плече у Дафны и обливавший пса несказанным презрением. Казалось, он презирает не только Добряка, но и его папу, маму, бабушку – вообще всю собачью породу в целом и каждого пса по отдельности.

Добряка нюансы кошачьего отношения интересовали мало. Взгляд маленьких внимательных глазок был спокоен до крайности. Пес, любящий душить котов, и кот, любящий драться с собаками, нашли друг друга.

– Ну чего тебе? – крикнула Варвара, так и не получив объяснений, зачем ее окликнули.

– Ничего! – опомнившись, громко ответила Улита. – Я просто хотела сказать, что рада была познакомиться!

Варвара хмыкнула. К заезженной вежливости она была равнодушна, особенно когда усматривала в ней натяжку.

– С кем? Со мной, что ли? Издеваешься? Дальше что? Намылим от радости веревку?

Воздержавшись от конкретных рекомендаций, Улита ограничилась тем, что помахала Варваре рукой. «Как же мне нравятся эти папа и дочка! Прямо патронов никаких не хватит – так нравятся!» – проворчала она.

Всё то время, пока Варвара уходила, Арей упорно смотрел ей вслед. Когда же она скрылась, он отвернулся и, ни с кем не прощаясь, побрел в противоположную сторону. Так он и шел – огромный, немного сутулый, раскачивающийся при ходьбе, больше похожий на усталого грузчика со склада бытовой техники в Перово, чем на лучшего бойца мрака.

– Мне кажется, сейчас его бы прихлопнул любой практикант, впервые получивший флейту! – подал голос Корнелий, однако испытывать судьбу не стал.

Улита взяла Эссиорха за руку.

– Жалко, конечно, у пчелки, но, скажи, Арей мог бы исправиться? Ведь он явно не такой, как, скажем, Лигул! – проворковала она.

Эссиорх удивленно уставился на нее.

– А про умножение на ноль ты не хочешь спросить?

– А что тут такого?

Эссиорх пошевелил пальцами, пытаясь лучше сформулировать.

– Учи матчасть! Исправиться может человек, если захочет, причем не сам, но прося помощи у света и получая ее, но не темный страж. Это вне его природы. Волку можно вырвать все зубы, но всё равно не научишь его жужжать и пить нектар.

– Но Арей же неплохой! – упрямо возразила Улита.

Эссиорх строго посмотрел на нее.

– Не усложняй Усложнение – это мыслительный туман, а туман никогда не бывает от света. О страже как о человеке суди просто – по его поступкам. Что делает Арей? Продлевает регистрации комиссионерам и суккубам. Убивает своих и чужих, отправляет тысячи русских эйдосов в Тартар. Это дела. А всё остальное – романтическая пыль.

– Но со мной он честен!

– Честность – что-то такое, что бывает всегда и во всем, а не иногда и время от времени. Всё, что имеет исключения, это ситуативное лукавство. Представь, что Меф и дальше оставался бы у Арея и под его влиянием. Прошло бы лет десять, и он стал бы таким же «благородным» убийцей, который вначале с лицом, выражающим тотальное неприятие зла, выкашивает из пулемета детский сад, а потом заботливо вытаскивает занозу из лапки котенка.